

**АНДРЕЙ
ЗВОНКОВ**

Врач неотложной помощи с многолетним стажем работы. Автор бестселлера «О чем говорят врачи? Как понимать рекомендации доктора и результаты анализов».

ПОКА ЕДЕТ «СКОРАЯ»

**РАССКАЗЫ, КОТОРЫЕ
МОГУТ СПАСТИ
ВАШУ ЖИЗНЬ**

«Книга Андрея Звонкова поможет не только с интересом провести время, но и окажется чрезвычайно полезной советчицей в критических ситуациях».

Леонид Зорин, русский писатель, драматург, сценарист,
автор пьесы «Покровские ворота»

Здоровье России. Книги совместно
с издательством «Метафора»

Андрей Звонков

**Пока едет «Скорая». Рассказы,
которые могут спасти вашу жизнь**

«ЭКСМО»

2015

УДК 615.89

ББК 53.59

Звонков А. Л.

Пока едет «Скорая». Рассказы, которые могут спасти вашу жизнь
/ А. Л. Звонков — «Эксмо», 2015 — (Здоровье России. Книги
совместно с издательством «Метафора»)

ISBN 978-5-699-71749-1

К сожалению, никто из нас не застрахован от случаев, требующих срочной медицинской помощи. Важно, чтобы она была квалифицированной, а главное, своевременной, ведь часто люди гибнут до приезда «Скорой помощи».

Иногда это предопределено, иногда решающим оказывается время доезда. Бывает так, что человек нуждался в помощи, и рядом было немало людей, способных ее оказать, и сама по себе она ничего сложного не представляла, но никто не знал, что делать и чем помочь. И действительно, минут на пять бы пораньше – и кто знает, может, у пострадавшего или больного был бы шанс выжить. Врач неотложной помощи Андрей Звонков написал уникальную книгу, содержащую несложные приемы и правила оказания помощи, которые помогут вам сориентироваться в критической ситуации. Ее особенностью является то, что написана она в форме захватывающих рассказов, а значит, читать ее будет не только полезно, но и интересно.

УДК 615.89

ББК 53.59

ISBN 978-5-699-71749-1

© Звонков А. Л., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Предисловие	6
Проблема?[1]	7
Когда доктор сыт...	10
Без паники, или «С днем рождения!»	17
Не надо бабушку мочить!	24
Жизненное пространство, или закон Мерфи[25]	29
Запах сирени	35
Сахарная атака	41
Сердце, сердце... Что случилось?	48
Ловись, рыбка!	57
Голова – предмет темный...	65
Ничего особенного	74
Тягомотина	85
Солянка сборная по-студенчески	93
От пальца не прикуриваем, но искры из глаз летят...	98
Вспомнить все	105
День рождения – грустный праздник	116
Катастрофа в животе	121
Подставляйте ладони	130
Спасите наши души...	137
Veni, vidi, vici[108]	146
Последний факел в лабиринте	152
Хороший врач голодным не останется	161
Соленый день	169
Дела сердечные	176
Спросить за тридцать секунд	183
Выбор «Капитана Влада»	191
Заключение	196

Андрей Леонидович Звонков

Пока едет «Скорая». Рассказы, которые могут спасти вашу жизнь

© Звонков А.Л., текст, 2015

© Золин П.О., художественное оформление, 2015

© Чернова И.Л., рисунки, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

ПОСВЯЩАЮ МОИМ КОЛЛЕГАМ И ДРУЗЬЯМ:

Владимиру Михайловичу Кудряшову, Владимиру Петрухину, Алексею Чижову, Вячеславу Бецису, Владимиру Лютровнику, Михаилу Тетерину, Тане Вольновой, Елене Харламовой, Олегу Фукину, Ольге Котовой, Маргарите Залдастановой, Светлане Гайковой, Виктории Черушиевой, Володе Шевченко, Виктору Комалухину, Володе Лысикову и Вилене Гуровой.

УШЕДШИМ ИЗ ЖИЗНИ ВРАЧАМ И ФЕЛЬДШЕРАМ:

Льву Осташевскому, Павлу Горячеву, Александру Войцеховскому, Игорю Мокроусову, Евгению Сабелю, Сергею Абрамову, Вите Червякову, Володе Лёвину – и всем, кто оставил добрый след в сердце...

ОСОБАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Тамаре Виркунен и Ольге Копыловой, буквально заставившим меня взяться за этот сборник, а также всем, кто помогал мне при работе над книгой: Марине Кононенко и Светлане Левиной, Ксени Шестаковой и Алле Рудак.

Предисловие

Врачи нередко становятся литераторами – близость этих профессий безусловна. А уж в русской словесности врач-писатель – это едва ли не традиция. Сразу же возникают в памяти многие славные имена: доктор Даль, доктор Чехов, Вересаев, Елиатьевский. Список этот можно легко умножить.

Как мы видим, у Андрея Звонкова много весьма достойных предшественников, и Звонкову есть на кого равняться. Такие коллеги и вдохновляют, и одновременно обязывают.

Есть, однако, существенное отличие любой истории, изложенной автором, от привычной для нас формы рассказа. Истории эти, помимо сюжета, имеют прямое назначение – помочь и врачу, и пациенту принять в драматической ситуации быстрое точное решение.

Поэтому книга Андрея Звонкова не только поможет с большим интересом провести наше свободное время, но и, несомненно, окажется важной и чрезвычайно полезной советчицей – в этом ее неоспоримое и благородное достоинство.

Желаю всем сердцем нашему автору, чтобы обе сферы его повседневной деятельности естественно и органично обогащали одна другую.

Надеюсь, читатели его книги присоединятся к этим словам.

*Леонид Зорин, русский писатель, драматург, сценарист, автор пьесы
«Покровские ворота», Май 2015*

Проблема?¹

Вы спросите – какая проблема? В чем проблема? Многих это слово пугает. Никому не хочется проблем.

Я больше десяти лет проработал на скорой помощи. Конечно, случалось, когда мы не успевали и люди погибали. Иногда это было уже predetermined, иногда решающим оказывалось время доезда. И действительно, минут на пять бы пораньше – и кто знает, может, у пострадавшего или больного был бы шанс выжить. А ведь частенько случалось и так, что человек нуждался в помощи, и рядом было немало людей, способных ее оказать, и сама по себе она ничего сложного не представляла, но никто не знал, что делать и чем помочь. И в результате – печальный итог. Если не винили нас, то чаще всего родственники больных или очевидцы задавались вопросом: «Откуда мы могли знать, что делать? Ах, если бы мы знали, как можно помочь?!»² Обсуждая подобные ситуации с коллегами, всякий раз мы сходились на том, что, конечно, необходимо научить людей грамотно оказывать элементарную помощь при несчастном случае. Но как это сделать? Насильно ведь не заставишь.

Собственно, проблема в том, чтобы, увидев беду, принять решение и приступить к спасению человека, не испугаться. Ибо на страх и нерешительность времени нет.

Очевидно, что если у попавшего в трудную ситуацию и есть шанс выжить, то он только в руках свидетелей или участников происшествия: родных, друзей или случайных прохожих.

Однажды меня попросили: «Научите, расскажите и объясните, что можно сделать до приезда скорой помощи? Ведь есть же какие-то несложные приемы и правила оказания помощи?» Действительно. В некоторых ситуациях помочь несложно, нужно только знать как.

Существует немало стандартов и алгоритмов, учебников, методичек для спасателей и инструкций по спасению. Но, как показывает статистика, проблемы это не решает. Потому что нужно, чтобы как минимум каждый второй житель, взрослый или уже в сознательном возрасте, знал приемы оказания помощи, понимал серьезность ситуации и умел спасти хотя бы теоретически. А главное – хотел помочь! Но пока в школе этому, к сожалению, не учат³. Поэтому думаю, что очередной «учебник» из серии «Помоги себе сам» – плохая идея. Такие книги мало кто читает, а уж запоминает прочитанное еще меньшее число людей. Не хватает эмоций, ощущения реальности. Ведь чем сильнее переживания, которые вызывает получаемая информация, тем лучше она запоминается⁴.

Так я решил написать художественную книгу. Сборник рассказов, где главным героем будет выпускник или выпускница медицинского училища – будущий фельдшер скорой помощи. Вроде бы уже медик, но еще не профессионал. Вроде бы что-то знает, но еще ничего толком не умеет делать. Таким был и я, и мои одноклассники из медицинского училища в далеком 1979 году. Не возьмусь судить обо всех выпускниках, попадающих на «03», но я и мои друзья оказались заморожены такой работой. Ничего другого нам было не нужно. Многие мои коллеги не смогли перебороть эту страсть до сих пор.

Сейчас вы держите в руках книгу. Хотите, читайте ее как художественную, хотите, изучайте⁵. Для поклонников медицинских историй тут – несколько месяцев из практики девушки

¹ Проблема сохранения человеческой жизни в первые минуты после происшествия, до появления медиков, была, есть и будет, наверное, всегда. И попытаться решить ее может только очевидец и участник событий. (Здесь и далее примеч. авт.)

² Когда мы появлялись достаточно быстро, но времени все равно не хватало.

³ Во времена СССР на занятиях по начальной военной подготовке давался краткий курс оказания первой помощи, который включал наложение жгутов, повязок и правила сердечно-легочной реанимации.

⁴ В этом преимущество практики перед лекциями и занятиями в аудитории.

⁵ В конце каждого рассказа есть разбор ситуации, тактики, причин и способов оказания помощи, а для тех, кто не хочет вникать в биологические и медицинские тонкости, приведен алгоритм оценки тяжести ситуации и поведения.

Тани, а для тех, кто хочет знать, как спасать, – руководство по неотложной доврачебной помощи. То есть некоторые ответы на главный вопрос: «**ЧТО ДЕЛАТЬ ДО ПРИЕЗДА СКОРОЙ ПОМОЩИ?**»

В рассказах два основных, можно сказать – два главных героя: стажер, студентка медицинского училища, или, как сейчас называют на иностранный манер, колледжа, Таня Савина и фельдшер скорой помощи Александр Ерофеев.

Кроме них, в историях, конечно, участвуют водители, больные, их родственники, случайные свидетели, сотрудники скорой помощи и родные Тани. Описывать героев в рассказах мне не позволял их изначальный журнально-газетный формат, поэтому я вас познакомлю с ними так, как это обычно делается в пьесах.

Действующие лица:

Таня Савина – 21 год, рост чуть ниже среднего, волосы темно-каштановые, вьющиеся, глаза серые. Она не любит ярко краситься, духи предпочитает с ароматом ландыша, сирени или разнотравья. В медучилище поступила потому, что не была уверена в выборе профессии и решила получить среднее образование, чтобы иметь возможность, если не понравится медицина, заняться чем-то иным. Все-таки оставить практику фельдшера или медсестры не так жалко, как бросить работу врача после семи лет учебы. Из семьи инженера-нефтяника, одного из менеджеров добывающей компании. Воспитана в скромности. Очень не любит просить у родителей деньги. Предпочитает сама зарабатывать их на свои нужды. Поэтому в период учебы работала продавцом в кафе быстрого питания, санитаркой в больнице на втором и третьем курсах. Подруг немного, все еще с детсадовского возраста. Осторожна при выборе друзей. Хоть и не толстая, однако следит за фигурой. Считает, что она слишком маленького роста и каждый лишний килограмм ее портит. Она считает себя жуткой трусихой. Из положительных качеств – исполнительна и старательна. Всегда доводит начатое дело до завершения. Любит учиться.

Мама Тани (около 40 лет) – опытный бухгалтер-аудитор, ведет около десятка малых фирм. Бывает дома, когда нет необходимости ехать в налоговую или работать в офисе компании. Воспитанием дочерей занимается, но, учитывая их возраст, неагрессивно. Вообще в семье царит дружеская атмосфера.

Младшая сестра Тани – Вика (13–14 лет). Единственный источник хаоса и бунта в семье. Школьница. Трудный подросток. Уже в 13 лет переросла маму и старшую сестру на полголовы, но слушается старших. Себя считает красавицей, а Таню, когда злится, называет «страшная сестра». Родных любит, хотя предпочитает этого не афишировать. Из школьных предметов ненавидит математику, географию и историю, равнодушна к физике и химии, при этом обожает биологию и литературу. А также обществознание и иностранный язык. Английский ей дается легко. Планирует стать журналистом или переводчиком. Обожает тяжелый рок, джаз и фолк-рок. Терпеть не может любых фанатов, а представителей всех субкультур считает придурками. Обо всем имеет собственное мнение, часто не совпадающее с общепринятым. Находится в состоянии конфликта с окружающим миром взрослых. «Вы все дураки! И ничего не понимаете в жизни!» – этот лозунг она не произносит, но он ясно читается в ее взгляде и интонациях.

Папа Тани – чуть больше 45 лет. Инженер-нефтяник, прошедший все ступеньки карьерной лестницы в одной из нефтяных корпораций. В настоящий момент занимает должность начальника управления и является ведущим специалистом. Рожден и воспитан в СССР. Захватил пионерскую и комсомольскую юность. Не состоит в партиях и политических движениях. В средствах не стеснен, но предпочитает держать семью в скромности, воспитывая уважение к труду. Любимое выражение: «Хочется? Заработай!» Иногда шутит: «Мы не бедные, но нужда-

емся!» Свободно владеет двумя языками: английским и немецким; учит китайский – по необходимости.

Александр Ерофеев – около 28 лет, хотя выглядит на все 30. Фельдшер скорой помощи. Рост средний, волосы светлые, коротко острижены. После окончания медучилища служил в армии. На «03» работает шестой год. О себе рассказывать не любит – один, семьи нет. Дальние родственники вроде бы есть, но где они и кто, неизвестно. На подстанции у него репутация отличного парня. Саша снимает комнату у какой-то старушки за десять тысяч в месяц, оказание медицинских услуг и помощь по дому. Любит заниматься подводной охотой. Периодически уезжает «на лов». Из поездок часто привозит добычу и раздает друзьям-коллегам свежую рыбу. Из особых примет: светлые усы – скрывают рубец пластики «заячьей губы». Терпеть не может «татушки» и прочие украшения, на левом плече имеет одну наколку: группа крови, резус– и келл-фактор. Ответственный и серьезный профессионал, однако не лишен своеобразного чувства юмора. С Таней Ерофеев держит дистанцию. У него явно есть тайна, которую стажерке еще предстоит раскрыть.

Виктор Васильевич Сомов (55 лет) – старший врач подстанции. Флегматик. Светлые волосы и длинное, немного унылое лицо. На скорой работает еще с 1980-х. Исповедует древний рыцарский девиз: «Делай, что должен, а будет, чему суждено»⁶. Сумел привить это правило многим сотрудникам, в том числе и Саше Ерофееву. На редкость спокойный человек. Большую часть рабочего времени проводит на подстанции, изредка берет подработку в фельдшерской бригаде.

Больные, их родственники, сотрудники подстанции и студенты-практиканты из группы Тани – все они периодически появляются в поле зрения по ходу действия.

Герои – собирательные образы. Если и узнаете в них кого-то из своих знакомых, уверяю, это все чистая случайность.

⁶ Девиз, связавший два известных с древних времен изречения, приписываемых ордену тамплиеров и римскому императору Марку Аврелию.

Когда доктор сыт...

История первая, в которой фельдшер Ерофеев знакомится с практиканткой Савиной и дает маху, а стажерка самостоятельно спасает тяжелого больного.

Июль. Жара. На втором этаже подстанции все окна нараспашку, так что на улице хорошо слышны звонкие объявления для бригад, которым пришел вызов. В большом холле все кресла заняты студентками медицинского училища. Они, как цыплята во дворе, рассыпались небольшими группками по большому залу, ожидая, пока их распределят по бригадам, и негромко щебетали. Начиналась летняя месячная практика перед последним курсом на фельдшерском отделении медицинского училища. Обычно студентов отправляют в больницы. Но тех, кто готовится стать работником для «03», стажируют после третьего курса на скорой. Месяц летом и еще два месяца практики перед госэкзаменами. Студенты впервые пришли на подстанцию, и все, что они видят, все, что ждет их, – это новый мир, новый опыт, новые правила. Страшно? Не то слово. Это не больница, где полно людей, врачей, опытных сестер. Где можно ни за что не отвечать и почти всегда есть кто-то, кто не даст совершить ошибку. А тут... все – сплошная неизвестность. Девушки старательно прятали этот страх за щебетанием, шутками, бравадой или обсуждали совсем отвлеченные темы.

Старые сотрудники, опытные фельдшеры и врачи – кто, не смущаясь, разглядывал, кто делал вид, что ему вовсе нет дела до студенток, – занимались своими делами. Все мы когда-то были стажерами. Девочки уже прошли инструктаж у старшего фельдшера и ждали распределения по бригадам.

Фельдшеру Саше Ерофееву в диспетчерской сунули в руки карту вызова и, не дожидаясь вопроса, долго ли ему кататься в компании одного водителя, сказали:

- Стажерок видел?
- Ну...
- Бери любую и проваливай на вызов.
- Можно выбрать?
- Попробуй. Как вернешься, впишешь ее в журнал.

Врач реанимационной бригады ввернул:

- Только хватай не выбирая, а то глаза сломаешь. Там все такие симпатяжки...

Ерофеев на это ответил:

- Знаешь, когда, по мнению Александра Дюма-отца, наступает старость?
- Нет, – опешил реаниматолог. – Когда же?
- Когда абсолютно все девушки кажутся красивыми⁷.

Саша вышел в холл и, не особенно надеясь на свою «неотразимую» внешность, громко спросил:

- Кто со мной поедет?

Девочки переглянулись, хихикнули, пожали плечами и зашептались. Ерофеев не дождался ответа, поэтому подошел к ближайшей практикантке, лица которой не видел, и, наклонившись, спросил:

- Привет, ты колоть умеешь?

Та обернулась и, распахнув глаза и почему-то краснея, сказала тихо, но уверенно:

- Да, умею.
- А писать?
- Тоже умею, – она даже показала авторучку.
- Тогда поехали. У нас вызов.

Девушка поднялась и, поправив халат, пошла, не говоря больше ни слова.

В машине, перегнувшись через переборку в салон, он сказал:

- Знакомимся. Меня зовут Саша, водителя – Сергей Иванович⁸.

Стажерка ответила все так же тихо, словно стесняясь:

- Татьяна. Таня.

Для Ерофеева стажеры, в общем-то, что есть, что нет. Все одно – работаешь сам. Просто следишь не только за собой, но и за неопытным студентом. И все-таки еще одна пара рук, пусть и неумелых, трусливых, не лишняя. Он понимал, что учить-то надо. Понимал и еще одно: научить можно только того, кто сам хочет научиться. «А эта малявка вроде ничего, – думал он. – Внимательная, послушная, не кобенится и не краснеет попусту. Не пытается строить из себя красивую дурочку, вся радость которой – уложить к своим ногам побольше мужиков и вертеть ими. Встречались мне подобные экземпляры, только не на того попали. Эту Таню что попросишь – делает, вопросы задает правильные. Ее и учить приятно. Хорошо, что не прикидывается глупой куклой, не хлопает глазками, не кокетничает. Вроде нормальная девчонка».

И ведь он не выбирал, ткнул пальцем в ту, что первая на глаза попалась. И, как стало ясно, не ошибся.

На первом же вызове шепотом сказал:

– Вози свой фонендоскоп, а если пользуешься общим из ящика, протирай спиртом «уши».

Таня кивнула. Но фельдшер этим не удовлетворился:

- Грибок в ушах или фурункул может быть и у медиков. Это элементарная гигиена.
- Я поняла. У меня есть, – она опять покраснела, – в сумке на подстанции.

С девяти утра они хорошо поработали. Время летело незаметно. Что значит «хорошо»? Катались с вызова на вызов, лечили, спасали. И хотя большинство обращений были непрофильные – «неотложечные»⁹, это не раздражало «старого скорпомощника». Может, из-за погоды, а может, из-за знакомства. Выяснилось, что Таня колоть-то умеет, но вот опыта мало-

⁷ На самом деле автор афоризма – Янина Ипохорская.

⁸ Водителей в составе бригады 4 человека, они меняются, и поэтому всегда будут разные имена.

⁹ С середины 1970-х и до 2010 года московская «03» называлась «скорая и неотложная медицинская помощь», которую вызывали при состояниях, угрожающих жизни: остановке или нарушении дыхания, сердцебиения, потере сознания. Высокая температура, боли в спине, зуд, аллергия без одышки и потери сознания, высокое давление и т. п. – это состояния угрозы здоровью, которые относятся к неотложным вызовам. С 2010 года функции скорой и неотложной помощи были разделены. Теперь «неотложка» – это врачи и бригады при поликлинике, которые оказывают помощь на дому. При необходимости госпитализации они вызывают бригаду скорой. Оснащение бригад «03» и НМП примерно одинаковое: ящик с медикаментами, кардиограф, дефибриллятор, дыхательный мешок АМБУ. Отличие в том, что на бригаде НМП обычно работает один врач.

вато, медленно набирает лекарство в шприц, долго ищет место для укола. Осторожничают. Больных побаивается. А ведь они очень хорошо чувствуют неуверенность медика. Вот и внутрененно еще ни разу не делала. Ерофеев деликатно ругал ее, повторяя, что вся сила фельдшера – в руках. В смысле, в умении работать руками. И без тренировки ее не прибудет. Показывал ей, как, зажав между пальцами левой руки, сразу нести к больному три, а то и четыре набранных шприца.

После полудня они повезли женщину в больницу. Выехав оттуда, Ерофеев не стал звонить диспетчеру и решил:

– Заедем в «Ласточку». Это рядом. Там пообедаем, а потом получим время на обед уже на подстанции. Можно будет двадцать минут полежать. Вообще-то это – нарушение инструкции, но отдыхать тоже надо. Не схитришь, так и будешь гонять с вызова на вызов¹⁰.

Тане было интересно решительно все. Машина, ящик, вызовы, новые люди, постоянное движение, смена впечатлений. И то, как Саша разговаривает с пациентами и родственниками. Глядя на него, она бы не подумала, что он не врач. Спокойствие и уверенность. Осматривает, ставит диагноз. Назначает лечение. Он помнит наизусть все стандарты. А ей нравится учиться. А тут уже настоящая работа. Движение. Скорость. Люди. Она не замечала усталости, не понимала раздражения, которое иногда испытывал фельдшер, если давали вызов, который он называл «бестолковым», то есть непрофильный для скорой.

В «Ласточке» обеденное время и приличная очередь. Ерофеев сказал:

– Все держитесь за мной.

И держа поднос с едой высоко над головой, полез без очереди, время от времени вскрикивая: «Скорая! Пропустите, пожалуйста! Не дай бог и к вам приедем! Голодный врач опасен для больного!»

И, что удивительно, пропускали! Смеялись, но никто не ворчал, не оговаривал. Ведь скорая – это что-то сверх правил. Им можно без очереди.

Уселись за стол, Ерофеев загреб ложкой суп с фрикадельками и, предвкушая, поглядывал на пару золотистых чебуреков. Таня хлебнула ложечку из тарелки и отставила ее.

– Саша, мне кажется, он не свежий.

Ерофеев, подгребая со дна тарелки последние капли, ответил:

– Поздно. Теперь, если меня прихватит, заедем в аптеку за имодиумом.

Он принялся за чебуреки, оторвался на секунду, сказал:

– Ешь. Времени в обрез.

Потом обратился к водителю:

– Сегодня прокатило, люди добрые попались.

Водитель, сидевший над горкой чебуреков, молча кивнул, приканчивая четвертый: он поступил наиболее мудро – суп решил не брать совсем. Ему-то оставалось доработать до десяти, как и Тане, а фельдшеру кататься до утра.

Ерофеев промокнул салфеткой губы и пальцы и, пока Таня доедала чебурек, позвонил в диспетчерскую, будто они все еще были в больнице. Выйдя из кафе, объявил радостно:

– На подстанцию. «Обедать»!

Таня делилась с подругами событиями первого рабочего дня. Они все уже успели покататься, поработать на вызовах и наперебой рассказывали, кто что видел и чему сумел научиться.

Ровно через двадцать минут диспетчер объявила их бригаде вызов. Ерофеев разглядывал карточку: «Мужчина, восемьдесят восемь лет, плохо с сердцем». Свободных врачебных бригад не было, поэтому диспетчеры дали ему «врачебный повод» с неременной приказкой: «Если что – вызовешь на себя». В машине Ерофеев пощупал живот. Там начиналась револю-

¹⁰ Так было раньше. Сейчас бригады скорой могут целые сутки ездить с вызова на вызов без обеда и отдыха.

ция. Проклятый супчик и вечный русский «авось» наложились на его беспечность – «революция, о которой предупреждали большевики, – свершилась!»¹¹. Он отравился! Саша обернулся через окошко в салон. По кишечнику пролетали «электрические разряды», вызывая весьма болезненные ощущения. Поздно было корить себя. Нужно принимать меры.

– Похоже, ты была права. Супчик был прокисшим.

Водитель, усмехаясь, спросил:

– Так куда сейчас: на вызов или все-таки в аптеку?

Довольно болезненный спазм скрутил Ерофеева, он кисло улыбнулся и ответил:

– Нет уж. Давай на вызов... Я сейчас ношпочки выпью, достань мне одну ампулу.

Таня на ходу раскрыла ящик и принялась копаться среди темных стеклянных головок. Наконец выудила одну и протянула вместе с пилкой. Саша вытряхнул в рот лекарство, скривился:

– Ух, горькая! Может, покрутит и пронесет... – Не хотелось признаваться в собственной глупости.

Водитель расхохотался.

– Это точно! Пронесет! Ты готовься. А то давай хотя бы в хозяйственный магазин заскочим за туалетной бумагой? Нам по пути.

– Не надо. Двигай по адресу. Времени нет. Я потерплю.

Боль в животе в очередной раз прихватила Ерофеева уже на лестнице. Он скорчился и присел у перил. Таня, видя его муки, тревожно спросила:

– Так больно? Что же делать?!

– Ни-че-го, – простонал Саша. – Идем на вызов.

Дверь им открыла пожилая женщина. Ерофеев поставил ящик в прихожей и рванулся к туалету, на ходу только и успев сказать Тане:

– Больного осмотри, давление померь – в общем, занимайся! Я сейчас приду и помогу.

Таня уже через минуту скреблась под дверью туалета и докладывала громким шепотом:

– Саша, там давление двести пятьдесят на сто тридцать. Он хрипит и весь синий-синий...

Одышка у него!

Ответом сначала был стон, затем слабое:

– В легких что?

– Хрипы, кажется, влажные, – голосок у Тани дрожал. – Это отек легких, да?

– Похоже, да.

Пауза. Потом:

– Значит, так. Посади его. Открой окно, дай граммов пятьдесят водки. Но не больше. Есть у них водка? И сделай внутривенно три ампулы лазикса, можешь не разводить.

– Я же не умею еще внутривенно.

Слезы у Тани готовы были вырваться наружу, так стало страшно.

– Ладно, я сейчас выйду, сам сделаю. Ноги его в таз с горячей водой опусти, и жгуты на бедра. Только не очень туго.

Судя по голосу, Ерофееву было нелегко все это проговорить. Он надеялся, что практикантка выполнит все, как он сказал, не задумываясь.

Таня убежала. Через пять минут она прибежала опять. Ерофеев все еще сидел, скорчившись, в туалете, и его сильно тошнило.

– Водки у них нет. Все остальное я сделала. А жгуты из чего? У нас только один.

– Черт!

¹¹ Переиначенная фраза из выступления В.И. Ленина на Первом съезде народных депутатов 25.10.1917 года.

В это короткое слово Ерофеев вложил и отношение к словам стажерки, и то, что туалетная бумага рвалась не по дырочкам, а тонкой ленточкой по краю. Он сложил оторванную полоску бумаги в пачку и в отчаянии крепко приложился лбом о дверь.

– Значит, так! Слушай внимательно. Спирту плесни в рот, немного – пару кубиков, только разведи водой, чтобы слизистую не обжечь. Жгут сделай из колготок или чулок. Если у них нет, сними свои, разрежь пополам и перетяни бедра, только не слишком сильно, просто крепко.

Чуть помолчал.

– И все-таки набери мочегонное – лазикс, три ампулы. Я уже иду.

Новый спазм, взрыв и бурчание сообщили, что он поторопился с этим заявлением.

Таня покраснела. Вот еще, свои! Колготки она, конечно, покупала не суперкрутые, но и не дешевенькие!

Бабушка – жена больного – нашла старые капроновые чулки. Спирт Таня налила прямо в рот из ложки, после чего, как их учили на терапии, выслушала легкие: булькающих хрипов стало меньше. Сине-фиолетовый дед начал розоветь. От тазика с горячей водой поднимался пар. Больной, дыша ртом, исторгал спиртовой перегар. Таня подумала и решила снова посоветоваться с Сашей, но идти никуда не понадобилось. В дверном проеме, прижавшись к косяку, стоял бледно-зеленый Ерофеев.

– Ну как он? – спросил фельдшер, увидев, что Таня мерит давление.

– Уже сто восемьдесят на сто. Хрипов поменьше. Я ему дала таблетку клофелина.

– А мочегонное ввела?

Ерофеев, зеленея лицом, снова повернулся в сторону туалета.

– Нет еще. Ты ж сказал, что сам сделаешь.

– Набери в шприц, я сейчас.

– Я уже давно набрала.

– Ну и сделай, куда хочешь: в мышцу или хоть в рот вылей. Под языком всасывается быстро. А я сейчас приду и сделаю в вену.

Дедушка, глядя в спину Ерофеева, прошамкал:

– Доктор, а вы что же? Что с вами?

У Саши кружилась голова и не проходила тошнота. Он проклинал свою торопливость. Промыть желудок – он уже промыл. Но отравление продолжалось. Особенно стыдно было, что абсолютно неподготовленную и трусливую стажерку пришлось «бросить в бой».

– Крепись, дед! На студентах вся медицина держится. Кому еще работать, как не им? – снова хлопнула дверь туалета.

Выйдя наконец, Ерофеев тщательно вымыл руки, позвонил диспетчеру, вызвал спецбригаду на отек легких. Реаниматологи приехали через полчаса. Больной дедушка уже нормально дышал, губы его порозовели, в трехлитровой банке было до половины мочи, а Ерофеев уже в пятый раз заседал в туалете. В лекарственном арсенале пенсионеров он обнаружил таблетки левомецетина и, даже не посмотрев на срок годности, проглотил пару.

Таня героически справилась с критической ситуацией под его руководством. Они вернулись в машину, и уже там Ерофеев отвечал на вопросы: «Зачем спирт? Почему жгуты на бедра? И зачем ноги в горячую воду?»

Он методично и терпеливо объяснял:

– Спирт уменьшает поверхностное натяжение и гасит пену в легких, улучшая газообмен. Ноги в горячей воде отбирают на себя много крови, потому что сосуды расширяются, а венозные жгуты на бедрах позволяют ее удержать в ногах и затруднить приток к сердцу и легким. Мочегонные, естественно, сгоняют мочу, а клофелин, который ты «догадалась» сунуть дедушке под язык, снизил давление. Доступно?

– Вполне, – ответила Таня.

Ей понравилась легкость ерофеевских объяснений.

После вызова их отправили на подстанцию. Пищевое отравление у фельдшера не проходило. Боли, спазмы, озноб – все развивалось как по учебнику, но уходить с дежурства Саша не хотел. Было стыдно и обидно – так проколоться с этой лапшой! Корил себя. Может быть, не пытайся он обмануть, схитрить, так и не было бы ничего. Он вздохнул с кислой миной и негромко сказал себе под нос: «Сам себя перехитрил, а стажерку бог послал... Повезло». Не хотелось даже думать, что было бы, если б с ним не было Тани.

Они заехали в аптеку и в магазин за минералкой и туалетной бумагой. Уже к ночи Ерофеев, изрядно похудевший, почти выздоровел. Когда Таня собиралась домой, он сидел на кухне, пил крепкий несладкий чай и грыз пресные сухарики.

– Я знаю, в чем согрешил, – сказал Саша больше себе, чем ей. – Поделом вору и мука, – процитировал он непонятно откуда пришедшую на ум фразу.

Комментарий специалиста

Развитие отека легких у пожилого человека на фоне резкого повышения артериального давления – гипертонического криза – предполагает наличие и сердечной недостаточности¹², точнее, левожелудочковой, из-за чего возникает избыточное давление в системе малого круга кровообращения (легочного) с выжиманием плазмы в просвет альвеол, преимущественно в нижних отделах легких (рис. 1).

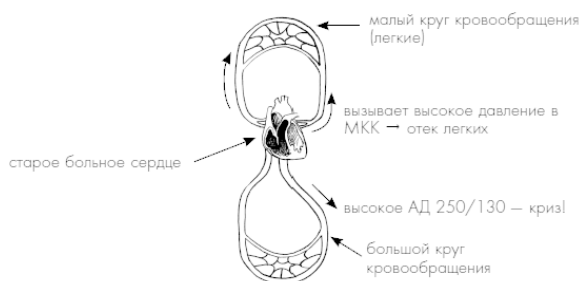

Рис. 1. Механизм развития отека легких

Обычно подобные ситуации связаны с нарушением больным диеты: употреблением соленого и жирного (например, сала или селедки). При дыхании содержащая белок плазма начинает пениться, уменьшая доступ воздуха в верхние отделы легких. При этом развивается и дыхательная недостаточность¹³, которая, в свою очередь, приводит к общей гипоксии (снижению концентрации кислорода в крови и тканях). Простые действия, произведенные стажеркой Таней по инструкции опытного фельдшера Ерофеева, привели к следующему: сидячее положение вызвало перераспределение «воды»¹⁴ в легких и освобождение их верхних отделов; открытое окно пусть немного, но увеличило общее содержание кислорода во вдыхаемом воздухе¹⁵; спирт, введенный в рот, частично всосался в кровь и выделился в выдыхаемый воздух,

¹² Недостаточность кровообращения вследствие снижения насосной функции сердца.

¹³ Снижение функции насыщения крови кислородом.

¹⁴ Врачи часто называют межклеточную жидкость и плазму «водой».

¹⁵ При наличии такой возможности купите в аптеке кислород на случай, если скорую придется ждать какое-то время.

а частично, смешиваясь с вдыхаемым воздухом, уменьшил поверхностное натяжение пены и осадил ее, увеличивая площадь газообмена в легких; ноги, опущенные в таз с горячей водой, активно «накапливают» кровь за счет расширения сосудов, а венозные жгуты из колготок препятствуют оттоку крови по венозному руслу, уменьшая, соответственно, ее приток к легким. Снижающий давление клофелин (клонидин) и мочегонный лазикс (фуросемид) прекратили отек легких. Однако, учитывая, что первопричиной возникновения отека является не гипертонический криз, а сердечная недостаточность, такой больной нуждается в стационарном обследовании и подборе лекарственной терапии.

Информация для немедиков – участников событий

На что нужно обратить внимание?

1. Возраст (обычно старше среднего – 60 лет и больше).
2. Ранее перенесенные инфаркты миокарда или частые приступы стенокардии, одышка при физической нагрузке.
3. Употребление накануне соленой и жирной пищи.
4. Забыл(а) принять лекарства от гипертонии (или принял(а) обычную дозу).
5. Жалобы на характерные для больного симптомы повышения артериального давления. Одышка в покое без боли в груди (или с болью, но тогда есть основания думать о развитии острого приступа стенокардии или даже об инфаркте). Внешняя картина: больному намного хуже, когда он лежит, одышка нарастает, рот открыт, губы и носогубный треугольник синие, также синюют пальцы рук. Давление повышенное (запредельное для больного), пульс учащенный (больше 80), потемнение в глазах (мушки, пятна, головокружение). При дыхании изо рта слышны булькающие звуки или звук лопающейся мыльной пены, напоминающий скрип снега зимой.

Что нужно сделать?

1. Вызвать «03», указав в первую очередь на ОДЫШКУ (ЗАДЫХАЕТСЯ!), затем на боли в груди, если есть, и высокое артериальное давление.
2. Посадить больного, укрепив по бокам подушками.
3. Раскрыть окна, усилив приток свежего воздуха, можно поставить вентилятор.
4. Ввести в рот 1–2 столовые ложки водки или другого крепкого алкоголя (не больше 5-10 мл).
5. Дать лекарства от гипертонии (те, что не принял больной, в двойной дозе; желательно, чтобы они содержали мочегонные средства).
6. Нагреть воду до максимально терпимой температуры, налить ее в таз и опустить ступни больного в горячую воду.
7. Наложить на бедра жгуты из капроновых чулок или колготок (не слишком туго). Кожа на ногах должна покраснеть, вены – чуть вздуться.
8. Дождаться бригады скорой помощи, даже если вам удастся самостоятельно облегчить состояние больного.

Без паники, или «С днем рождения!»

История вторая, в которой фельдшер Ерофеев и его стажерка повстречали острый коронарный синдром (ОКС), однако все закончилось благополучно, а Таня получила наглядный урок сердечно-легочной реанимации.

График практики у студентов не совпадал с графиком дежурств работников подстанции, поэтому Тане не всегда удавалось попасть в бригаду к Ерофееву. После того злополучного дежурства, когда Саша руководил стажеркой через туалетную дверь, она вошла в кураж. Таня перестала бояться пациентов, решительно и смело бралась за шприц и набиралась опыта. Что особенно ее радовало – работа понравилась!

Когда их графики совпали, Ерофеев собственноручно вписал Таню к себе в бригаду. Вызовы «подсыпали» по одному, и фельдшер со студенткой то приезжали на подстанцию, то мотались с адреса на адрес.

И вот, когда они уходили с очередного вызова, на лестничной площадке их остановила женщина из соседней квартиры:

– Посмотрите моего мужа! Что-то он неважно себя чувствует.

Ерофеев насторожился:

– А что случилось?

– Он говорит, что сильно болит грудь, и потеет!

Ерофеев пошел за женщиной, Таня – за ними. В комнате за столом сидел мужчина, по его мертвенно-бледному лбу градом катился пот.

– А, доктор... – сказал он, закатил глаза и рухнул со стула.

Ерофеев бросил ящик на стол, подскочил к мужчине и перевернул его на спину. Первым делом прижал пальцы к шее, потом ровно уложил тело, сдернул с дивана валик и подsunул под плечи и шею. Голова при этом откинулась назад, рот приоткрылся. Саша пальцем зацепил и вытащил наружу посиневший язык, крикнул Тане:

– Воздуховод достань, перчатки!

И пока она открывала ящик, он еще раз поискал пульс на сонной артерии. Наложив ладони на грудину, Ерофеев начал коротко и резко нажимать, «хакая» на выдохе. Между «хаками» коротко сказал:

– Бинта кусок оторви!

Таня распаковала пачку бинта и, оторвав с полметра, сложила салфеткой. Ерофеев, досчитав до пятнадцати «качков», наложил на открытый рот мужчины бинт и, зажав ему нос, сильно ртом выдохнул в его рот воздух. Грудная клетка того приподнялась. После второго вдоха Ерофеев тут же начал снова качать грудину. Тридцать «качков», два вдоха. Между вдохами Саша приказал:

– Зрочки ему посмотри! Потом набери адреналин, туда пять глюконата кальция и десять физиа... Потом беги в машину за ЭКП и дефи¹⁶.

Таня наклонилась над мужчиной, раздвинула чуть приоткрытое веко. Зрочки были сужены.

Она сказала:

– Узкие.

¹⁶ ЭКП (электрокардиопередатчик) – устройство, позволяющее интерактивно передавать ЭКГ на кардиопульт, где дежурят специалисты-кардиологи. Сейчас это делается по Интернету. Дефи – сленговое название ЭДФ (электродефибриллятора).

Ерофеев на секунду прервался и приложил пальцы к сонной артерии, уловил еле заметную пульсацию¹⁷ (рис. 2). А может, ему показалось, потому что руки дрожат? Таня бросилась наполнять шприц, а Ерофеев продолжал ритмично нажимать на грудину. Когда разогнулся на секунду, добавил:

Рис. 2. Проверка пульса по сонной артерии

– Потом иди принеси аппаратуру и звони диспетчеру, пусть присылают реанимацию. Тут «остановка сердца». – Саша снова сделал два выдоха в мужчину. – Еще из машины принеси мешок с растворами. И потом поможешь подышать, а то я скоро сдамся¹⁸.

Он уже чувствовал начинающееся от гипервентиляции головокружение. Таню как ветром сдуло к телефону. Ерофеев краем уха слушал ее щебет: «Остановка сердца. Нет, не на том вызове, а в соседней квартире» – и подумал, что вот та женщина... Она ведь где-то тут... Сколько минут прошло? Ощущение времени деформировалось.

По самым приблизительным подсчетам, от момента потери сознания реально прошло не больше трех минут, но казалось, что полчаса. Ерофеев качал, дышал, думая: «Только бы не сломать ребра, и хорошо бы завести сердце». Он насадил иглу на приготовленный Таней шприц и, нащупав на шее яремную вену, ввел иглу, потянул за поршень – в раствор плеснула темная кровь. Саша резко и быстро выдавил лекарство, выдернул иглу, не обращая внимания на капельку крови на шее, сразу же резко ударил двумя кулаками в грудину¹⁹, прижал фонендоскоп к груди, прислушался. Уловил тихие, постепенно набирающие силу удары. Появился слабенький пульс на сонной артерии.

¹⁷ Для определения пульса на сонной артерии нужно двумя пальцами прижать ее к «сонному бугорку» на шестом шейном позвонке. Так как опыта в этом у многих нет, артерию можно прижать сразу тремя или даже четырьмя пальцами – так хотя бы одним, но можно ощутить пульсацию, если она есть.

¹⁸ По стандартам, спасатель, выполняющий вентиляцию легких без оборудования, то есть ртом, используя свои легкие, должен меняться каждые 2 минуты.

¹⁹ Прекардиальный удар (ПКУ), по современным стандартам, допускается в стационаре, когда на мониторе фиксируется срыв сердечного ритма; является скверной заменой электроимпульсной дефибрилляции. Работники скорой иногда делают ПКУ в надежде запустить сердце, но, по статистике, вероятность успеха от этого составляет меньше 0,01 %.

Мужчина сделал вдох, несколько секунд дышал через рыжий резиновый воздуховод, затем выплюнул невкусную штуковину. Он продолжал некоторое время лежать, откинув голову, затем приподнял ее и посмотрел на Ерофеева. Женщина, как оказалось, стояла в углу и сдерживалась, чтобы не подбежать. Только молча качалась вперед-назад. Ерофеев начал мерить давление. Низковато – девяносто на пятьдесят. Мужчина сглотнул, потом сипло спросил:

– Что это было-то?

Ерофеев усмехнулся, вытер пот со лба и сказал:

– С днем рождения! Рассказывайте, что видели?

Он подошел к ящику и принялся выкладывать ампулы с преднизолоном, норадреналин, катетер для вены на руке, потом, вспомнив про шею, наклонился и вытер кровь. Про себя отметил, что не стоит рассказывать об этом и в карту писать. Не фельдшерская манипуляция.

Вошла Таня, с сумками и брезентовым мешком в руках.

– С каким днем рождения? У меня в октябре, – удивился мужчина. – Вот вас видел... Вы в дверях стояли. А потом ничего не помню.

– А как себя чувствуете сейчас?

– Невероятная слабость во всем теле и грудь болит. – Мужчина положил руку на грудину и потер ушибленное место. – Но не так, как сначала.

Ерофеев повернулся к Тане:

– Дефи не понадобится пока. Я сниму ЭКГ, а ты собирай капельницу с физраствором, туда вот три ампулы преднизолона, норадреналин, панангина две и две глюкозы. Ты вызвала бригаду?

Таня кивнула, а Саша вспомнил, что слышал ее разговор с диспетчером, но в голове была каша из того, что происходило и что еще нужно было сделать.

Ерофеев разматывал провода, крепил электроды на руках и ногах больного. Повернулся к мужчине:

– Рубашку расстегните. Давно сердце заболело?

– Часа полтора назад, – мужчина посмотрел на часы, висящие на стене, одной рукой расстегивая пуговицы. – Как-то постепенно начиналось. Я ходил в магазин. Когда вернулся – лифт отключился. Ну, я и пошел пешком, и, как на свой этаж поднялся, сначала челюсть заболела и зубы, – он потер подбородок, – потом плечи и локти, а потом грудь. Я жене говорю, вызови скорую, нехорошо мне, а тут сразу вы пришли...

Пока мужчина рассказывал, Ерофеев набрал морфин и, как только поставил в вену катетер, сразу ввел наркотик. Судя по рассказу, у больного развился острый инфаркт и ситуация могла вновь ухудшиться в любой момент. ЭКГ они снять должны обязательно. Как бы ни сложилась ситуация, ЭКГ – это залог их успеха и правильности действий. Но сперва нужно

было исполнить формальности. Они записали данные больного, запросили наряд, чтобы оформить вызов, пока капал раствор, и ждали бригаду реанимации. Получили заключение с ЭКГ-пульта: *«Ритм синусовый, тахикардия – девяносто восемь в минуту, ЭОС – нормально расположена, патологических изменений миокарда нет»*. Ерофеев переспросил, описал картину врачу с пульта. Тот настаивал на заключении. Ерофеев спросил фамилию врача, записал в карту и поручил Тане следить за капельницей и больным, а сам расспрашивал женщину:

– А вы-то почему не вызвали скорую?

Дама, по-видимому, не могла прийти в себя от всего происходящего и находилась в каком-то ступоре. Саша знал это состояние. Оно вполне могло закончиться очень бурными, неадекватными действиями.

– Нет, я не стала. Вот увидела вас и решила подождать.

Ерофеев деликатно промолчал на это, а Таня, которая сворачивала провода ЭКГ, удивленно спросила:

– А если б мы задержались у ваших соседей?

Женщина посмотрела на нее, и всем стало понятно – эта мысль ее голову как-то не посетила. До нее никак не могло прийти, что муж только что перенес клиническую смерть. Не у порога был, а там – на той стороне жизни. И то, что бригада скорой оказалась в соседней квартире, – это совпадение, редкое чудо, которые иногда случаются почему-то. Ерофеев сказал уже в машине, на вопрос водителя, что произошло: «Планы Бога в отношении больного резко поменялись, и Он решил дать ему еще один шанс все исправить в жизни».

Они сдали больного бригаде реанимации и поехали на подстанцию. По дороге, как обычно, обсуждали происшедшее. Ерофеев объяснял:

– У мужчины, судя по описанию его жалоб, был инфаркт. И то, что на ЭКГ он не отразился, совершенно не важно! Если объем поражения большой, может произойти остановка сердца. Если остановка полная, завести сердце очень трудно. Если фибрилляция – шансов больше, но мы без кардиографа в тот момент этого знать не могли. Поэтому непрямой массаж и искусственное дыхание делать надо обязательно в любом случае. На тридцать «качков» сердца – два вдоха. Если б ты могла мне помочь, мы бы его качали по-другому: не тридцать к двум, а на пять «качков» – один вдох. Такая реанимация более эффективна²⁰.

Таня мотала на ус, а Ерофеев, глядя на ее серьезное личико, добавил:

– Я б качал, а ты дышала рот в рот.

И, увидев произвольную гримаску, усмехнулся:

– Это, конечно, не целоваться, но, когда речь идет о жизни человека, брезговать уже не приходится. Возьмешь салфетку, накроешь рот – и вдувай.

Он помолчал. Потом добавил:

– Ты заметила одну деталь?

– Какую? – спросила Таня.

– Я применил то, что в реанимации называется «тройной прием Сафара»: положить на жесткое, откинуть насколько возможно голову, приподнять плечи и вытащить язык, освободив дыхательные пути. Одной из частых ошибок бывает то, что качать начинают прямо на кровати, где произошла остановка. Это пустое. Так сердце не сдавить. Надо обязательно спустить больного на пол.

Таня задумалась.

– Ну а как я его могла бы спустить?

– Взять за одну руку и ногу и просто сбросить на пол.

– Сбросить?!

²⁰ Это старые стандарты для сердечно-легочной реанимации. Согласно современным методическим указаниям, необходимо делать тридцать нажатий на грудину, а затем два выдоха в рот независимо от того, один спасатель или несколько.

– Конечно, у тебя нет времени ни на поиски помощника, ни на аккуратный спуск. Да и хуже, чем есть, ты все равно не сделаешь.

– Да уж, хуже некуда, – Таня засмеялась. – А все-таки как здорово, что ты его оживил!

– Конечно, здорово.

Ерофеев снова повернулся назад, к окошку в салоне «газели»:

– Но его жена меня поразила. Вот люди: при головной боли, температуре высокой и прочем вызывают скорую, не сомневаются, а при тяжелейшем состоянии будут стоять и ждать нас, вместо того чтобы вызвать бригаду. Но на будущее я тебя прошу, на вызове с родственниками и большими их поведение не обсуждай. Понятно?

Таня кивнула.

Санитарная машина въезжала во двор подстанции. Выходя, Саша подал Тане руку, чем смутил бедную девушку окончательно.

На кухне, наливая по кружкам холодный квас, он сказал:

– По закону парных случаев нас ждет еще один такой же вызов.

Таня удивилась:

– Ты это серьезно?

– Вполне. Хотя мы, кажется, уже второй раз попадаем с тобой в неожиданную ситуацию?

Немного погодя Ерофеев, будто вспомнив, сказал Тане:

– Чисто тактически, знаешь, какую мы главную ошибку не совершили?

Та помотала головкой.

– Нет. Какую?

– Понимаешь, главной ошибкой было бы сказать этой даме: «Вызывайте скорую» – и уйти, не посмотрев больного.

– А так можно?

– Нельзя, но такое случается. Точнее, скажу, я знаю людей, которые способны так ответить и поступить. НЕ будь такой. Любое обращение к работнику скорой, когда он дежурит, приравнивается к вызову «03», и такое поведение юридически расценивается как отказ от помощи. А к чему привел бы наш уход и подобный ответ, ты понимаешь. Когда ты не на работе, это дело твоей совести. Если ты не в форме, на лбу у тебя не написано, что ты – медик. А на дежурстве это уголовное преступление.

Таня кивнула. Она как-то очень остро ощутила эту ситуацию, и холодок пробежал по спине.

Комментарий специалиста

В рассказе описан классический случай **острой ишемии миокарда**, когда в результате спазма сосудов или тромбоза в сердечной мышце возникает участок, сперва обедненный питанием и кислородом, а вследствие этого и отказывающийся работать. Такая ситуация может привести к остановке сердца или к фибрилляции – мелким неэффективным сокращениям миокарда, приводящим к клинической смерти. Решительные и быстрые действия окружающих – единственный шанс спасти жизнь. При острой ишемии миокарда необходимо сделать сердечно-легочную реанимацию (СЛР). Для начала надо положить больного на твердую поверхность. В данном случае пол – самое лучшее. Затем нужно откинуть максимально далеко голову, так чтобы подбородок, шея и грудина оказались на одной линии – в этом случае откроются дыхательные пути и прикроется пищевод. Вдуть воздух лучше через нос (если он проходим).

Одновременно с этим нужно проводить непрямой массаж сердца, как это делал фельдшер. Положив основание правой ладони параллельно груди, между межключичной ямкой и мечевидным отростком (ни в коем случае не слева), левую ладонь – на правую, прямыми руками, наваливаясь всем телом, короткими импульсами надавливать на грудь (при этом сердце сокращается, несмотря на фибрилляцию, обеспечивая достаточный выброс оксигенированной (обогащенной кислородом) крови, чтобы не погиб мозг). Широкий зрачок указывает на смерть коры головного мозга (рис. 3а), и если при СЛР он не сужается – значит, наступила биологическая (необратимая) смерть. Для правильного искусственного дыхания надо откинуть как можно сильнее голову – так, чтобы подбородок был на одной линии с грудиной) (рис. 3б).

Рис. 3. Широкий зрачок говорит о смерти головного мозга. Для правильного искусственного дыхания необходимо откинуть как можно сильнее голову

У проводящего ИВЛ (искусственную вентиляцию легких) после пяти-десяти вдохов-выдохов может развиваться головокружение вследствие гипервентиляции²¹. Для здорового человека (не страдающего эпилепсией и не перенесшего черепных травм) это не опасно.

Что касается тактики работы бригады «03», ЛЮБОЕ обращение к сотруднику бригады с просьбой оказать помощь – это фактически «вызов», а отказ хотя бы осмотреть – это отказ от исполнения своих обязанностей. Сотрудник скорой помощи должен оценить ситуацию и обязательно связаться с руководством, доложить о пострадавшем или больном, получить наряд на оказание помощи для оформления документов. Медики из-за этого могут быть очень уязвимы для мошенников, бандитов, наркоманов, ибо нет закона, защищающего любого другого работника, кроме сотрудника полиции, при исполнении.

Информация для немедиков – участников событий

На что нужно обратить внимание?

Человек жалуется на внезапно возникшую боль в груди (или, наоборот, на пустоту). При этом он бледен, у него выступает пот на лице, ему не хватает воздуха и... на ваших глазах человек (знакомый или нет) внезапно теряет сознание и, хватая воздух ртом, падает на пол. При этом нет никаких судорог. Он может совершать хаотичные движения руками в течение минуты.

Что нужно делать?

1. На шее определить пульс (есть, нет или не определяется).
2. Наклониться щекой ко рту пострадавшего и постараться уловить регулярное дыхание.

²¹ Перенасыщение крови кислородом, в результате чего он отравляюще действует на мозг.

3. Пальцами раздвинуть веки **ОБОИХ** глаз и определить ширину зрачков (оценить: одинаковые²² ли и шире ли половины диаметра радужки или нет (рис. 4).

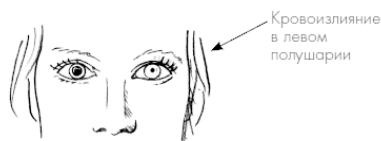

Рис. 4. Важно обратить внимание на ширину зрачков

4. Вызвать «03», указав повод «**БЕЗ СОЗНАНИЯ**».
5. Расстегните у пострадавшего воротник, обнажите грудь.
6. Если находитесь в помещении, обеспечьте приток свежего воздуха.
7. Пока другие свидетели происшествия вызывают скорую помощь, начните сердечно-легочную реанимацию (СЛР).
8. Проводите СЛР до приезда бригады скорой помощи, попутно оценивая эффективность по диаметру зрачков.

²² Разница в диаметре зрачков у пострадавшего может указывать на кровоизлияние в мозг и смерть от него. Реанимация в таком случае имеет смысл, если клиническая смерть наступила прямо при вас, а если вы обнаружили человека уже без признаков жизни с разными зрачками – шансов нет. Произошло поражение головного мозга, и реанимация ничего не даст. Однако надо учитывать, что один глаз может быть протезирован или что у больного может быть хроническая болезнь, делающая один зрачок уже другого, если отключение происходит у вас на глазах – реанимируйте до приезда скорой.

Не надо бабушку мочить!

История третья, в которой Таня знакомится с традиционным, но неправильным способом лечения ожога.

Дверь в фельдшерскую распахнулась. Таня, с жаром и в лицах рассказывавшая подругам, как Ерофеев откачивал мужчину, замерла с раскрытым ртом. Саша заглянул в комнату и махнул карточкой:

– Пошли.

Таня подхватила. Семеня рядом, спросила:

– Что нам дали?

– Ожог спины у женщины шестидесяти пяти лет, – ответил Ерофеев.

Уже в машине Таня снова спросила:

– А как можно обжечь спину?

– По-разному... Может, на нее опрокинули кипяток... Да мало ли как?..

Саша повернулся к ней.

– Посмотри в мешке пантенол.

Таня полезла в брезентовый мешок с косынками, капельницами и растворами, среди стеклянных бутылок нащупала баллончик аэрозоля от ожогов. Потрясла его.

– Тут мало.

– Я знаю, – сказал Ерофеев, – поэтому получил в аптеке свежий.

Он вытащил из кармана точно такой же баллончик.

Дверь им открыл молодой мужчина, из-за его спины выглядывал мальчик лет пяти.

– Где пострадавшая?

– На кухне. Пойдемте!

Когда фельдшеры вошли в кухню, их взорам предстала удивительная картина: пожилая женщина стоит на четвереньках; красная, местами покрытая водянистыми пузырями спина ее полита какой-то жидкостью. Лужицы этой же жидкости виднелись на полу. Женщина, поставившая, сквозь зубы процедила:

– Ваньку убери!

Мужчина развернул мальчика и, шлепнув по попке, сказал:

– Иди в комнату, поиграй.

– А мы не будем больше на бабушку писать? – спросил вдруг мальчик.

Таня, не удержавшись, прыснула в кулачок, Ерофеев и бровью не повел. Поставив ящик на кухонный стол, он повернулся к мужчине и спросил:

– Расскажите, что случилось?

Мужчина оглянулся на женщину, стоящую на карачках, и ответил:

– Да вот теща голову помыла и решила волосы над газом посушить...

– Я всегда так делаю... – прокричала теща. – Сколько в этой квартире живем, столько я и сушу голову над газом. И никогда ничего...

Ерофеев присмотрелся: волосы у женщины и в самом деле были сильно подгоревшие. Но спина не могла же обгореть от волос? Зять понял его недоумение и пояснил:

– Ночная рубашка на спине загорелась. Мы были с Ванькой в комнате, играли, теща пошла сушиться. И вдруг крик: «Горю!» Я на кухню, а она уже горящую ночнушку с себя стащила и плюх на колени.

– А почему она мокрая? – спросила Таня, уже догадываясь об ответе, вспомнив странный вопрос мальчика.

Зять покраснел.

– Мы ее полечили по-домашнему – первое, честно говоря, что в голову пришло.

Ерофеев без усмешки распорядился:

– Давайте тряпку, вытрите здесь все, найдите хлопчатобумажную пеленку или простынку, принесите ковш теплой воды, столовую ложку соды.

Теща начала было давать советы, но Ерофеев ее прервал:

– Помолчите, мы все сделаем как надо.

Содовым раствором он ополоснул обожженную спину. Водянистые пузыри лопнули. Под ними открылась багровая поверхность.

Саша Тане приказал:

– Покрывай ожоги пантенолом.

И когда вся красно-розовая кожа скрылась под желто-белой пеной, он накрыл спину принесенной пеленкой и сказал, обращаясь к женщине:

– Вставайте!

На груди и животе он скрепил пеленку заранее приготовленными булавками. Обернувшись к Тане, Ерофеев спросил:

– Какая площадь ожога? Какая степень?

Та, замявшись, ответила:

– Степень... кажется... вторая, потому что... пузыри. А площадь... – она сложила ладонь и стала считать на спине у пострадавшей. – Одна ладонь – один процент.

– Все правильно, – сказал Ерофеев, – только один процент – это не твоя ладонь, а ее. Ну, так сколько процентов?

Таня посмотрела на мозолистую узловатую рабоче-крестьянскую ладонь женщины, мысленно приложила ее к спине и прикинула:

– Около девяти процентов!

Пострадавшая женщина зашипела:

– Кожу тянет! Все горит!

Ерофеев достал шприц, набрал кеторол, протянул Тане:

– Делай внутримышечно.

Повернувшись к зятю, сказал:

– Надо ехать в больницу.

Теща стала подвывать – обезболивающее еще не начало действовать.

– Я не хочу в больницу! – рыдающим голосом сказала женщина. – Я лучше дома как-нибудь управлюсь...

– Не надо «как-нибудь», – парировал Ерофеев. – От «как-нибудь» потом много проблем. Надо как правильно. Площадь ожога большая, наверняка присоединится инфекция. Первые дни вам будет плохо. Ни в поликлинике, ни дома нормально лечиться у вас не выйдет. Надо ежедневно обрабатывать и перевязывать ожоговую поверхность.

Он обратился к стажерке:

– Запроси место!

Рядом с домом ожогового отделения не нашлось, пришлось везти в Измайлово. На обратном пути Таня допытывалась у Ерофеева:

– А зачем соду?

– А зачем мочу? – парировал Ерофеев, но не агрессивно, а скорее саркастически.

– Ну, я не знаю, – пожалала плечиками Таня, – у нас дома мама обычно смазывала ожоги подсолнечным маслом или сметаной... Если солнечные, то кефиром. Мне приходилось слышать, что неплохо и мочой... Вроде бы народный способ.

– Ну, вот сегодня мы полюбовались на этот народный способ. Во всяком деле надо знать меру. Девять процентов ожога второй степени – это много. От большого ума иногда начинают прокалывать пузыри. Ты вот подумай: повреждены клетки кожи, фактически ожог – это откры-

тая рана. Хочешь не хочешь, а инфекция присоединится, да и продукты разрушенных клеток начнут всасываться в кровь. А это к чему приводит?

– К интоксикации²³, – протянула задумчиво Таня.

– Верно.

– Ну а все-таки зачем ты обмыл спину раствором соды?

– Жидкость, которая в пузырьках, имеет кислую среду, а сода ее немного гасит и уменьшает боль. Но самое главное для бабушки сейчас – это капельницы и обезболивающие, да антисептики вроде раствора фурацилина. Дня через три-четыре спина начнет заживать и будет не столько болеть, сколько чесаться. Тогда можно, и даже нужно, использовать мази с кортикостероидными гормонами.

– А если ожог еще больше?

– Само собой, госпитализация, – и чем больше и глубже ожог, тем тяжелее протекает отравление продуктами распада тканей. При этом поражаются почки, а при очень больших ожогах быстро развивается острая почечная недостаточность. Вот ты мне лучше скажи: а что делать при больших ожогах? Чем и как помочь?

Таня задумалась, потом стала загибать пальчики:

– Ну, поверхность, так же как и сейчас, обработать пантенолом, накрыть противоожоговой простынкой, отражающей тепло, сделать обезболивающее. – Ерофеев, повернувшись всем телом к салону «газели», внимательно смотрел на стажерку. – Ну... капельницу поставить.

– Чем обезболить и какую капельницу? – тут же спросил Ерофеев.

– Обезболить тем же кеторолом, баралгином, а капельницу – с чем угодно, хоть с физраствором или рингером! Еще можно взять таблетки кетопрофена, растолочь, развести в воде и этим раствором обрабатывать ожог.

– Правильно, только ни кеторол, ни баралгин тут сильно не помогут. При больших ожогах, от десяти-пятнадцати до пятидесяти процентов, даже второй степени, ты должна вводить наркотики. У человека наверняка разовьется болевой шок. Твоя задача – уберечь больного от него. Кстати, кетопрофен – твоя идея или где-то подсмотрела? Поэтому коли морфин или другой наркотик. Да, кстати, в Китае широко используют для лечения ожогов опиумные повязки – пропитывают ветошь настоем маковых головок, наверное. Усекла?

– Усекла, – сказала Таня. – Есть жидкость для полоскания зубов – ОКИ. Там – кетопрофен. Вот я и подумала, что если он местно снимает зубную боль, то, возможно, и от этой боли поможет. А если у меня нет морфина? Вообще ничего нет. Например, я не на работе, а дома. Кто-нибудь из соседей получил сильный ожог. Скорую я вызову, но пока они приедут, шок уже может развиваться! Так?

– Так, – Ерофеев улыбнулся. Ему нравилось, что девчонка не просто зазубривает, а думает и ищет нестандартные пути решения проблем. – Но и в этом случае на пострадавшего сразу мочиться не нужно. Если ожог маленький, до одного процента, можно развести анальгин в ампулах обычной водой и сделать примочки – он довольно неплохо обезболивает местно. Если есть новокаин, можно добавить его, можно, как ты сказала, принять внутрь баралгин, диклонат, ортофен или кетопрофен – действительно очень хорошо обезболивает на несколько часов. Если же ожог очень большой, надо прежде всего дать выпить, а лучше всего все-таки уколоть того же баралгина или кеторола, но при этом допускается добавить успокаивающие типа реланиума, седуксена. И как можно больше пить, лучше минералку «Ессентуки», несколько литров. Это даст шанс уберечь почки. Если ж вообще нет ничего, кроме водки, можно дать полстакана на худой конец. Это уберезет пострадавшего от шока. Только надо понимать, что к пьяному к нему будут относиться соответственно и придется объяснять и доказывать, что он получил ожог еще в трезвом виде.

²³ Отравление продуктами распада клеток кожи и других пораженных тканей.

– А если не поверят?

– Могут и не поверить. Убеди! – Ерофеев принял позу Наполеона. «Газель» вкатывалась на территорию подстанции. – Но вообще это имеет значение только для больничного листа. Если дело идет о жизни и здоровье человека – на больничный можно и наплевать. У нас бумажка имеет силу. Напиши заявление, что дала полстакана водки после свершившегося ожога с целью профилактики шока. В истории болезни это может послужить основанием, чтобы не наказывать человека добавкой к диагнозу ожога «алкогольное опьянение».

– Новый пантенол выписать? – спросила Таня.

– Выпиши. Не пропадет.

Комментарий специалиста

Ситуация, в которую попала бригада в этот раз, не редкость. **Бытовые ожоги** по причине банального нарушения правил техники безопасности – явление привычное. Открывают газ, разговаривают по телефону и зажигают спичку, стирают синтетическую ткань в бензине или ацетоне, хватаются голой рукой за железную ручку раскаленной сковороды... И еще много-много разных эпизодов. Но чаще всего курят в постели, засыпают и... Неизвестно, кому больше повезло: тому, кто обгорел, но выжил, или тому, кого нашли уже угоревшим. Как помочь пострадавшему с ожоговой травмой? Первым делом – обезболить! У каждого человека свой порог болевой чувствительности, поэтому не надо ждать, когда пострадавший побледнеет и начнет терять сознание. Как верно заметил фельдшер Ерофеев, можно при небольших и даже глубоких ожогах применить примочки с анальгином, парацетамолом, фенацетином. Эти препараты относятся к противовоспалительным анальгетикам, они и местно могут снять боль. В аптеках продаются специальные противоожоговые аэрозоли типа пантенола, олазоля. При малых площадях повреждений могут помочь мазь «Траумель С» или кремы «Боро плюс», «Бепантен плюс». Если по каким-то причинам госпитализировать пострадавшего не удастся, то в аптеке можно изготовить смесь из двух мазей²⁴: кетопрофен или ортофен смешать с гентамициновой или линкомициновой мазью в соотношении 1:1 – и делать перевязки с этой смесью два раза в день. При смене повязки ее предварительно необходимо обильно смачивать теплой кипяченой водой с небольшим количеством соли (половина чайной ложки на стакан воды), перекисью водорода или фурацилином. Повязку не сдирать, а снимать легко, чтобы поверхность раны при этом очищалась. При больших ожогах главная задача – постараться предотвратить инфицирование раны. Если ожог случился вдали от цивилизации, например в походе, деревне, где, как мудро заметил наш фельдшер, нет ничего, кроме водки, этот ценный продукт лучше употребить внутрь, а ожог обработать, например, теплым чаем, настоем ромашки, зверобоя, березовых почек... И обязательно, насколько возможно, надо двигаться в сторону скопления людей. То есть в город. Туда, где есть нормальная медицина. Можно ли пользоваться мочой? Да. Это – крайний вариант. На случай, если условия «военно-полевые» и, кроме этого «подручного» средства, ничего больше нет.

Информация для немедиков – участников событий

²⁴ Если обезболивающие мази и гели имеют «разогревающие» добавки – они не годятся для обработки ожога. Очень хорошо себя зарекомендовала такая мазь: пять свечей анестезола растопить на водяной бане и смешать с 30 г левомеколя. Она обладает и обезболивающим, и заживляющим эффектом.

Что нужно делать?

Если вы оказались свидетелем термического ожога:

1. Ополосните место ожога холодной водой (можно со льдом).
2. Если степень ожога больше второй (пузырь лопнул, а глубина поражения затронула подкожный слой), то можно приложить любой замороженный продукт, обернутый в пленку, к месту ожога.
3. Оценить площадь ожога и место. Возможность пострадавшего самостоятельно двигаться.
4. В случае невозможности самостоятельной транспортировки вызвать бригаду «03» (с поводом «ТЕРМИЧЕСКИЙ ОЖОГ»; обязательно укажите область поражения).
5. Химические ожоги кислотами и щелочами промываются большим количеством холодной проточной воды. По возможности погрузите в воду весь пораженный химикатом участок кожи. При ожоге белым фосфором в качестве нейтрализатора нужно использовать 5 %-ный раствор медного купороса. Горящую серу с кожи надо смывать раствором кальция глюконата.
6. После очищения поверхности ожоговой раны необходимо укрыть ее одним-двумя слоями стерильного бинта или хлопчатобумажной ветоши (предварительно можно ее смочить антисептическим раствором или теплой мочой).

Кроме ожогов случаются обморожения. Главная ошибка многих – отогревать отмороженную конечность снаружи. Все как раз наоборот. Нужно тщательно укутать замороженный участок, не давая ему согреться от наружного тепла, чтобы ткани восстанавливались – отогревание должно идти за счет теплой крови – изнутри. Это спасет мышцы и кожу от некроза – отмирания.

Жизненное пространство, или закон Мерфи²⁵

История четвертая, в которой практикантка узнает, как случается порой пищевое отравление и как с ним нужно бороться, если больной не может быть госпитализирован.

В вестибюле подстанции Ерофеев сказал:

– Иди пополни ящик, а я пока загляну в диспетчерскую. Может, нам пообедать дадут.

Таня, вспомнив их приключения в первый день совместной работы, спросила с усмешкой:

– В «Ласточку» поедем?

Ерофеев понял намек, помотал головой.

– Я с собой принес, тут поедим.

Они вновь встретились на том же месте через пять минут. В карманах Таниного халатика при каждом шаге звенели ампулы. Она с лестницы окликнула Ерофеева:

– Ну что, дали обед?

– Они дадут, – проворчал тот, – догонят и еще добавят! Вызов дали. Поехали.

По пути к машине Таня спросила:

– А что на этот раз?

– Отрава.

– Отравление? Чем?

– Пищевое, – пояснил Саша. – ПТИ, или пищевая токсикоинфекция. Знаешь, говорят:

«По ком звонит колокол?»

Таня кивнула.

– А еще говорят: «По ком Соколинка²⁶ плачет?» Трескают тухлятину в жару...

– А сам? Забыл?

– Ничего я не забыл. Я-то знаю, как лечиться... А вот они – нет.

– И что теперь?

Уже в машине Ерофеев ответил:

– Да ничего, свезем на Соколиную гору в инфекцию – и порядок. Потом – обедать.

«Газель» петляла среди домов, дворов и мусорных контейнеров и наконец остановилась у подъезда.

Таня начала вытаскивать из салона ящик, но Ерофеев ее остановил:

– Возьми тонометр. Остальное не понадобится.

Девушка послушно поставила ящик обратно, извлекла из него прибор для измерения артериального давления и на всякий случай спросила:

– А если там совсем не ПТИ?

– Вот тогда и сбегает за ящиком, квартира на первом этаже. Пошли.

Мужчина в одних трусах, держась за стенку, открыл им дверь. И так же, кренясь и цепляясь за углы, побрел в комнату, однако на полпути дернулся, проскрипев:

– Проходите, проходите, – и быстро просеменил в туалет.

– Какая знакомая картина... – задумчиво проговорила Таня. – Где-то я это уже видела...

– Издеваешься?.. – сказал Ерофеев. – Смотри, обижусь.

²⁵ Шутливый философский принцип. Формулируется так: если есть вероятность того, что какая-нибудь неприятность может случиться, то она обязательно произойдет. Русские аналоги – «закон подлости», «закон бутерброда».

²⁶ Инфекционная больница № 2 на 9-й улице Соколиной горы в Москве.

Мужчина вошел в комнату, присел на краешек стула. Таня, пока он снова не убежал, выяснила паспортные данные, а Ерофеев спросил:

– Ну, и что вы съели?

– Да глупость какая-то получается, – мужчина скривился от боли в животе. – Мы вообще уехали на дачу и живем там. – Опять спазм скрутил его. – Жена перед отъездом еще сварила щавелевый суп, ну и, зная, что мне придется вернуться, оставила его в холодильнике.

Мужчина вдруг замолчал, лицо его стало задумчивым, и он произнес:

– Я сейчас!

И, вскочив со стула, качнулся и побрел к туалету. Ерофеев несколько секунд слушал плеск и крихтение, потом, обернувшись к Тане, сказал:

– Загляни к соседям. Спроси, не выключали ли свет вчера или позавчера.

Таня ушла.

– Так вот, – продолжил мужчина, вернувшись в комнату, – я приехал утром. На даче не завтракал – боялся опоздать на электричку, поэтому, само собой, голодный был. В общем, налил я себе миску, разогрел все в микроволнушке и срубал...

– Съели? – поправил Ерофеев.

– Ну да. Схочмячил, как говорит моя дочка.

– И когда началось? На вокзале пирожки или шаурму не покупали?

– Нет, не люблю питаться на ходу. Вот уже часа три как несет, – ответил больной. – Помогайте.

– Чего уж тут помогать... – сказал Саша. – Собирайтесь, поедem в больницу. Там вас за три дня приведут в полный порядок.

Мужичок снова сорвался к туалету, но на полпути притормозил и, полуобернувшись, сказал:

– Не, я в больницу не могу. У меня сегодня вечером очень важная встреча. Я ради нее и приехал!

Вернулась Таня. Ерофеев вопросительно поднял на нее глаза.

– Ну что?

– Было, – слегка запыхавшись, ответила она. – Позавчера с утра, а может быть, и с ночи отключали на весь день и дали только в девять вечера. Часов двенадцать света или все двадцать не было. Тетенька сказала, что утром проснулись, а света нет, и включили уже когда стемнело. У нее тоже что-то там прокисло.

– Значит, супчик стоял в тепле больше десяти часов. Вполне достаточно. А на вкус он и так кисленький... Вот и не шевельнулось подозрение. Значит, все-таки ПТИ²⁷... Что ты думаешь?

– Я думаю, надо исключить ботулизм, – сказала Таня, – и сальмонеллез.

– Валяй, – согласился Ерофеев, – исключай. Только ботулизма тут быть не может, а почему?

Таня сообразила, что малость перестаралась с вероятным диагнозом.

– Ботулинус растет в бескислородной среде. Он анаэроб²⁸. А вдруг больной ел консервы²⁹?

– Верно. Спроси на всякий случай, но больше все-таки выясняй насчет сальмонеллы. А мне что посоветуешь?

²⁷ Пищевая токсикоинфекция – отравление токсинами бактерий, выросших в пищевых продуктах.

²⁸ Организм, способный жить, расти и развиваться в бескислородной среде.

²⁹ Консервированные продукты, особенно домашней заготовки, могут испортиться и содержать опасный яд – ботулин или ботулотоксин. На вкус эти консервы ничем не отличаются от годных, но смертельно ядовиты. Признак порчи – вздутость банки или крышки, после открытия раздается «пфф» – выходит газ.

Ерофеев в ожидании ответа молчал и смотрел в коридор, откуда в который уж раз медленно выплывал похожий на привидение мужчина.

– Я пока схожу на кухню...

– Понимаешь, что такое жизненное пространство, – сказал мужчина, – когда оно сужается до размеров туалета.

– Да вы философ, – отозвался Ерофеев из кухни.

Таня не ответила и принялась выспрашивать у мужчины, не ел ли он консервов вчера вечером или утром, не двоится ли у него в глазах и прочее, что могло бы намекнуть на более страшные заболевания, чем ПТИ.

С кухни Ерофеев принес трехлитровую банку. Мужчина посмотрел на него удивленно. Саша спросил Таню:

– Ну, что выяснилось?

– Да ничего особенного: консервы не ел, кур ни в каком виде – тоже, даже в виде яиц... – ответила стажерка.

– А кремовые торты или творог?

– Нет, – сказал мужчина, – ничего такого я не ел. На даче гречка с грибами была, но это проверенные грибы. Подосиновики и белые. Я грешу только на щавелевый суп. Но почему? У нас холодильник – зверь! Огурцы за два часа в стекло превращает на нижней полке! Не с чего было супу прокисать...

– У вас в доме больше чем полсутки света не было, – сказал Ерофеев. – Вот с чего он прокис. Но это неважно уже. Я в последний раз спрашиваю: поедете в больницу?

– Нет, – жалобно сморщился мужчина, – я не могу. У меня вечером важная встреча. Я специально из-за нее приехал. Еще и машину из сервиса забирать. Ну, придумайте что-нибудь.

– Что уж тут придумывать, – сказал Ерофеев, – все давно придумано до нас. У вас аптечка есть?

– Есть, – мужчина с готовностью нырнул в нижний ящик комода и извлек большую коробку с лекарствами.

Саша принялся копаться среди упаковок, сказав Тане:

– Налей в банку воды и насыпь туда по три чайные ложки соли и соды, – Татьяна была уже на низком старте, но видела, что Ерофеев не закончил давать указания, и ждала, – и еще три, нет, четыре столовые ложки сахара. Все перемешай хорошенько, чтобы растворилось.

Уже выходя из комнаты, Таня спросила:

– А ложки с верхом или под уровень?

– Неважно. Кашу маслом не испортишь. Сыпь.

Из коробки Ерофеев извлек пластмассовую баночку с панангином, потряс – таблеток пять-шесть.

– Мало.

Покопался еще и достал облатку калия оротата, следом – половину блистера аспаркама.

– Двадцать таблеток. Нормально! На первое время хватит, а потом бананами и сухофруктами доедите.

Рядом на стол легла коробочка с лоперамидом.

– Ну что, Татьяна, будем лечить или пусть живет? – пошутил Ерофеев, видя, что стажерка принесла трехлитровую банку, полную мутноватой и еще крутящейся воды. – Вот любопытно, кто это у них дома калий потребляет? Старички есть в семье?

Мужчина кивнул.

– Мой отец – сердечник. Три года назад инфаркт перенес. Они все сейчас на даче.

– Будем лечить, – откликнулась Таня.

Мужчина кривовато усмехнулся:

– Да уж, пожалуйста, лечите. Я вот искал имодиум... Ну, вы рекламу видели? Спасает от диареи... И не нашел. Жена говорила, что купила, а я не нашел...

– Вы не нашли, зато я нашел, – сказал Ерофеев, придвигая к мужчине препараты. – Вот он, имодиум, он же лопедиум, он же лоперамид. Разные названия одного и того же препарата. Сейчас выпейте пару капсул, потом после каждого похода на горшок по одной, пока понос не прекратится. И вот это – левомецетин. К счастью, непросроченный.

Мужчина слушал внимательно. Ерофеев из банки отлил в чашку воду, приготовленную Таней.

– А вот эту жидкость будете пить, все три литра чтоб выпили.

Мужчина проглотил две капсулы лоперамида, запил раствором из банки, поморщился.

– Отрава. Мерзостное сладко-соленое пойло, но пить можно.

– Вот и пейте. Это специальный электролитный раствор. Вы сейчас из-за рвоты и поноса теряете много солей – калия, натрия, хлора, бикарбонатов... Здесь есть все, кроме калия. Его количество вы доберете с панангином и калия оротатом. Ясно?

Мужчина кивнул. А Ерофеев продолжил:

– Таблетки будете принимать по две три раза в день, сегодня и завтра. Банку выпьете, наведите еще одну. Состав запишите или запомните... – Мужчина принялся записывать в блокноте. – На литр воды по одной чайной ложке соли и соды пищевой и одну столовую ложку сахара. Воду можете использовать некипяченую, если ее нет. Мы оставим актив³⁰ на завтра участковому терапевту, а он передаст уже инфекционисту.

Мужчина торопливо дописывал рецепт раствора.

– Все. Пошли, – уже обращаясь к Тане, сказал Ерофеев.

– А есть-то когда можно будет? – вдогонку спросил мужчина.

– Ешьте хоть сейчас – сухари, сушки, рис рассыпчатый без масла, только ничего жирного и острого пока не ешьте, – уже в дверях ответил Саша.

– А суши можно, роллы?

– Можно. Только без рыбы, соевого соуса и васаби. Пожалейте желудок.

Как обычно, в машине Таня спросила Ерофеева:

– Я все поняла, кроме одного: зачем сахар?

– То есть как «зачем»? – Ерофеев улыбнулся. – Супчик щавелевый давно вылетел. Мужик с утра, а точнее сказать, со вчерашнего вечера ничего не ел. Жир расщепляться еще не начал. Откуда ему энергию брать? А так худо-бедно, но хоть часть необходимых калорий получит. Сейчас главное, чтоб он все сделал как надо, без самостоятельности... Тогда к вечеру понос у него прекратится. И вообще хватит про это, я есть хочу!

Обернувшись к водителю, попросил:

– Сергеич, давай порезвей, у меня уже голодные боли начались в брюхе...

И снова повернувшись к Тане:

– Стихи знаешь?

– Какие?

– Уходи с дороги, бабка, уходи с дороги, дед! Видишь, скорая несется, значит, дали ей обед!

³⁰ Активный вызов – это контрольный вызов медработника для повторного осмотра больного спустя какое-то время.

Комментарий специалиста

Пищевая токсикоинфекция (ПТИ) – довольно распространенное явление в быту. Фельдшеры совершенно верно дифференцировали ситуацию, ведь клинические явления отравления могут быть и при ПТИ, и при отравлении консервным ядом, и при сальмонеллезе. Отличие в нарушении работы центральной нервной системы. Ее поражение ботулином (ботулиническим токсином) сопровождается двоением в глазах (диплопией), головокружением. Также важно не спутать ПТИ с сальмонеллезом, дизентерией, холерой. К сожалению, эти заболевания встречаются довольно часто. Поэтому и ситуация, описанная в рассказе, не редкость. Но бывают и более тяжелые отравления. Иногда они становятся такими из-за того, что помощь не была оказана в первые часы. Больной пьет просто воду, промывая желудок, и при этом теряет очень много электролитов. **ОСОБЕННО ОСТРО И БЫСТРО ПРИ ПТИ ЭЛЕКТРОЛИТНЫЕ НАРУШЕНИЯ РАЗВИВАЮТСЯ У ДЕТЕЙ.** Поэтому если взрослого можно оставить дома на самолечении, то детей необходимо обязательно госпитализировать вместе с мамой или кем-нибудь из родственников. Распространенной ошибкой является питье раствора марганцовки. Это не решает проблему, а вот если в желудок попадет нерастворившийся кристаллик – проблема будет очень серьезная (до прободения язвы). Гораздо лучше давать раствор, описанный в рассказе, или готовый порошок регидрон (продается в виде пакетиков в аптеках). Очень неплохо снимает явления отравления активированный уголь (1 таблетка на 10 кг веса). До осмотра врачом можно начинать принимать такие современные препараты, как смекта, имодиум (и его аналоги), интетрикс, а также давно известные средства: сульгин, фталазол. В случаях тяжелой токсикоинфекции надо вызывать скорую и лечиться стационарно. Электролитные растворы в этом случае вливаются внутривенно.

Информация для немедиков – участников событий

Что нужно делать?

При отравлении несвежими пищевыми продуктами:

1. Необходимо исключить такую серьезную инфекцию, как сальмонеллез (чаще всего распространяется с куриным мясом или яйцами).
2. Начать помощь (как можно раньше!) с промывания желудка прохладной водой, выпивая по 500 мл. Кроме этого, нужно вызывать рвоту, нажимая пальцем на корень языка (лучше, если это будет делать кто-то из добровольцев-спасателей). На промывание желудка нужно потратить не меньше 2–3 литров воды, пока не убедитесь, что в последних порциях промывной воды нет остатков съеденной пищи.
3. Дать до 20 таблеток активированного угля (в зависимости от тяжести отравления от 1 таблетки на 1 кг веса (у детей) до 1 таблетки на 10 кг – взрослым).
4. В случае поноса пропустить два акта дефекации, а затем начать давать имодиум после каждого похода в туалет.
5. Пить раствор регидрона или состав, приведенный в рассказе, подойдет минеральная вода без газа «Ессентуки № 4» с добавлением сахара.
6. Обратиться в скорую в случае неуправляемой интоксикации и непрекращающихся рвоте и поносе.

Наиболее опасно пищевое отравление – ПТИ – для детей. У них очень быстро наступает обезвоживание, интоксикация протекает намного тяжелее, чем у взрослых, и намного выше риск смерти от электролитных нарушений. При ПТИ у детей обязательно нужно обращаться в «03» с поводом «ПИЩЕВОЕ ОТРАВЛЕНИЕ, РВОТА, ПОНОС, ВЫСОКАЯ ТЕМПЕРАТУРА». Низкая температура при ПТИ у детей (35–36 °С) говорит об особенно тяжелом состоянии и необходимости немедленной транспортировки в реанимацию.

Запах сирени

История пятая, в которой практикантка уясняет основные причины и этапы развития острого инфаркта, а также становится свидетелем массовой катастрофы и учится тактике оказания первой помощи в этих обстоятельствах.

Сидеть в салоне машины «03» – это примерно как в танке, потому что окружающий мир видно только через переднее лобовое стекло. Чем заниматься, когда машина едет далеко и времени много? Читать? Слушать плеер? Можно еще через небольшое окошко между салоном и кабиной разговаривать с врачом или фельдшером – старшим по бригаде.

Когда машина выезжала из ворот кардиологического санатория «Жемчуг», ее тряхнуло, и Таня, которая в это время высунулась через окошко в кабину, ткнулась лбом в плечо Ерофеева. Тот обернулся.

– Чего?

– Вот мы возили больного после инфаркта... – начала она вопрос. Ерофеев кивнул. – Но ведь он нормально себя чувствует. Ходит. Веселый такой. Зачем нужно было посылать именно линейную бригаду, а не обычную перевозку?

– Правда не понимаешь? Или есть соображения, но хочешь подтвердить их правильность?

– Как-то двояко. Ну, инфаркт – это серьезно. Пациент сейчас, наверное, инвалидность оформит, ну-у, возможен рецидив...

Таня притормозила с рассуждениями, а Ерофеев сказал:

– Тепло... Но не горячо.

Таня поняла, что Саша использует игровые словечки из игры в «горячо-холодно».

– Сперва давай ответим на вопрос: откуда или из-за чего у него инфаркт?

Ерофеев замолчал в ожидании ответа.

– Спазм артерии в сердце, развилась острая ишемия миокарда – и в этом месте клетки умерли, – сказала Таня. – Потом образовался рубец на этом месте. Правильно?

– В целом да. Но это все не конкретно.

Ерофеев сильнее развернулся лицом к Тане.

– Давай по порядку. Ты говоришь, спазм артерии в сердце. Сразу вопрос: что, одна артерия спазмировалась? А остальные? Если все спазмировались, то почему инфаркт не во всем сердце, а только в одном участке? И еще вопрос: сколько по времени формируется инфаркт, а сколько – рубец?

Таня подумала, вспоминая все, что читала в умных книжках и о чем они говорили раньше с Ерофеевым.

– Видимо, в этой артерии уже было сужение, поэтому, когда спазм возник, эта артерия перекрылась полностью и получился инфаркт в зоне ишемии, там, где критическая нехватка кислорода в тканях. Сперва начинается отек, потом в самом центре появляются разрушенные клетки и скорость нарастания отека и зоны некроза увеличивается за счет выхода в межклеточное пространство содержимого мертвых клеток. Так?

Ерофеев кивнул.

– По времени от начала приступа стенокардии до появления некроза проходит от сорока пяти минут до трех часов. А рубец, как пишут в учебниках, формируется месяц...

– Все верно: сначала возникает приступ стенокардии, а только через полчаса или даже час или три начинается и идет формирование инфаркта. Я не случайно говорю «начинается»,

потому что это не моментальный процесс – он именно развивается: сперва в зоне ишемии развивается отек и участок мышцы сердца уже не сокращается самостоятельно.

Машина шла по узкому асфальту от санатория к шоссе, водитель краем уха слушал разговор и объяснения, не вмешиваясь. Ерофеев продолжал:

– Вот ты палец порежешь, сколько времени рана заживает?

– Недели две, – подумав, ответила Таня, – а то и месяц.

– Правильно, это образуется рубец из соединительной ткани. А потом?

– Потом еще несколько месяцев.

– И это более крепкий рубец?

– Ну да.

– В сердце все происходит точно так же, только с учетом того, что если ты разрежешь мышцу на руке или ноге, то ты стараешься дать ей срастись и не нагружаешь ее, щадишь. А сердце как остановить? Нельзя.

Ерофеев рассказывал об инфаркте, будто сказку читал.

– Но, как говорят в рекламе, это еще не все.

Понимая, что спрашивать вслух глупо (Саша и так объяснит, что он имеет в виду), Таня раскрыла глаза в молчаливом вопросе: «А что еще?»

– Ты забыла, что сужение в сосуде никуда не делось... А значит, что случилось однажды, вероятно, скоро повторится, то есть инфаркт может развиваться снова. И есть еще подводный камень.

Таня еще шире открыла глаза: «Еще?»

– Синдром Дресслера³¹, который возникает при крупных инфарктах, и в течение двух-шести недель развивается иммунная реакция: участок, где погибли клетки миокарда, насыщается лейкоцитами, а они не сокращаются. Это же не мышца. Они активно пожирают мертвые клетки. Но могут и живые прихватить. При этом иммунитет может атаковать здоровую ткань, и тогда развиваются осложнения – пневмония, перикардит, плеврит... Теперь понятно, почему инфарктных больных после лечения в отделении отправляют в санаторий не перевозкой или такси?

– Понятно, – сказала Таня.

– Кроме того, – продолжил Ерофеев, – если инфаркт трансмуральный, то есть на всю толщину сердечной стенки и большой по площади, наверняка разовьются сердечная недостаточность и аневризма левого желудочка...

Машина выкатилась на шоссе.

– Сильное движение! – сказал Ерофеев.

Несмотря на будний день и рабочее время, автобусы шли почти все набитые. Водитель скорой не включал маяк. Какой смысл? Из области нужно добраться в район подстанции, там уже позвонить, что вернулись, и ждать распоряжения.

Таня вернулась в салон и устроилась на сиденье, как котенок. Услышанное надо было обдумать. Автомобиль вдруг сильно вильнул, так что девушка чуть не упала с кресла.

– Идиот! – заорал водитель и добавил еще несколько «тяжелых» слов.

– Что случилось? – спросила Таня, подтянувшись к окошку.

– «КамАЗ»-самосвал обогнал нас по встречке, – ответил, не меняя тона, Ерофеев. – Василий Иванович, ты полегче с эпитетами... На всех дураков матерных слов не напасешься.

– Ниче, – сказал водитель и усмехнулся. – Батя, бывало, так завернет, только диву даешься: откуда слова берет?!

³¹ *Вилли Дресслер* – американский врач польского происхождения. Он впервые описал постинфарктную аутоиммунную реакцию, которая развивается в период до 50 дней после развития инфаркта. Вероятность возникновения синдрома Дресслера, как и тяжесть его течения, прямо пропорциональна размеру зоны некроза в сердце.

С улицы донесся грохот.

– Мать Божья! – крикнул водитель и дал газу, одновременно включая маяк и сирену.

– Что там? – Таня силилась увидеть за кузовами машин происходящее.

Саша повернулся к ней:

– Прежде всего, спокойно.

Таня ничего не понимала. Машина уже подъезжала к месту, и водитель искал, где бы встать.

– Этот идиот на «КамАЗе» раздавил автобус. Василий Иванович сейчас доложит в ГИБДД и в центр об аварии, а нам надо рассортировать пострадавших. Если у кого кровотечение – надо останавливать. Доставай всю перевязку, что есть, косынки.

Таня оцепенела – как это «раздавил автобус»? Там же люди! Ерофеев, видимо, почувствовал ее состояние.

– Так, смотри на меня! Слушай меня!

Машина остановилась, и водитель выскочил из кабины.

– Ты сейчас откроешь дверь. Твоя задача – не слушать крики, не смотреть, а все записывать: пол, возраст... Если сможешь – меряй давление и пульс. Делай все быстро. И не думай ни о чем. Что бы ни увидела – все эмоции потом! Ясно?

Таня кивнула.

– Работаем. Остановишься – работать не сможешь! Пошли!

Они разом вышли.

«КамАЗ» разломил автобус посередине и лег на него, вывалив из кузова щебенку. Вокруг стоял какой-то непрерывный крик на одной ноте. Кто-то из пассажиров лежал, кто-то сидел, кто-то медленно ходил по кругу. Над искореженным автобусом висело облако серой пыли.

Ерофеев крикнул водителю:

– Из «КамАЗа» шофера достанешь?

– Да! – отозвался тот. – Поломало ноги. Сейчас оттащу.

Исчез тарахтящий звук. Это заглух дизель «КамАЗа». Ерофеев вынимал из салона автобуса тех, кто не попал под щебенку, но был травмирован от удара. Быстро осматривал, тому, кто мог двигаться и как-то помогать, давал салфетки марлевые, чтобы закрывали ссадины и раны. Таня шла следом и мерила давление, считала пульс на пятнадцать секунд, спрашивала имя, фамилию, возраст, все записывала. Подбежали добровольцы из дачного поселка – стали помогать отгрести щебенку и вынимать заваленных людей. Таня механически делала, что велел Саша. Он что-то сказал одной из подбежавших женщин, и та умчалась. Вернувшись через несколько минут, принесла рулон черной пленки, и женщины из числа очевидцев принялись накрывать каких-то неподвижно лежащих людей. Подъехала еще одна машина «03» – подбежали ребята. Ерофеев указал на двух детей – мальчишек лет пяти-семи, которые даже не плакали, а тихо стояли, видимо еще не выйдя из шока. Один лелеял свою руку, второй держался за живот.

– Запрашивайте место. Тут у одного перелом плеча и ребер слева, пневмоторакса не вижу, но не исключаю. Летите срочно! И второй – тупая травма живота, ушиб мозга, симптоматики закрытой ЧМТ не вижу, но тоже не исключаю. Как получите место, сообщите, кто вы и куда повезете, вот этой девушке, – он указал на Таню, которая ходила молча, как робот, и делала, что сказал Ерофеев.

Ее что-то раздражало, но она никак не могла понять что. Что-то все время диссонировало с происходящим кошмаром. Она не слышала криков, плача, животного воя каких-то женщин. Она действовала методично и молча. Вот к ней подбежал кто-то из другой бригады. Что-то сказал. Она записала. А что сказал? Что она писала? Девушка будто разделилась на две Тани: одна – маленькая испуганная девочка – сидела где-то далеко, наблюдала за всем через маленькое окошечко и страшно боялась, кричала, плакала, старалась вырваться и броситься на

траву, ничего не делать, онеметь от ужаса; а другая – словно из железа – ничего не понимала, только старательно выполняла приказ старшего по бригаде: спрашивала, записывала, измеряла давление, считала пульс...

Вдруг на дороге показались машины – все звуки накрыл рев сирен. Потом пространство вокруг искореженного автобуса и завалившегося на него «КамАЗа» заполнилось людьми в синей форме с надписями «Скорая помощь» и людьми в черном, которые что-то измеряли.

Подошел Ерофеев, забрал из ее рук бумагу с записями. Что-то сказал. Но внутри уже ломалась плотина – и рев, слезы, боль рвались наружу. Горло перехватило раскаленным железом. Щека левая загорелась, что-то дернуло голову, и раздался голос Саши:

– Иди в машину! Сейчас поедем!

Она развернулась и пошла, не замечая, что слезы текут и нос не дышит.

Пришел водитель, завел мотор. Рядом сел Ерофеев.

– Сколько погибших?

Таня поняла, что спрашивал водитель. Словно сквозь вату. И Сашин голос ответил:

– Шестнадцать, включая четырех детей. Еще трое в тяжелом состоянии – нет шансов выжить. Это которые оказались под щебнем.

Машина еще стояла, и Таня поняла, что на носилках лежит черный пластиковый мешок с молнией. «А что это? Кто это? Когда уже успели загрузить? Это они сделали? Чем они вообще тут занимались?» – Таня забилась в кресло и поджала ноги под себя.

К открытому окну кабины снаружи кто-то подошел.

– Спасибо вам! Живых вывезли, остальных заберем, как только закончат эксперты. Вы оставили свои данные? Куда везете?

– Да, – Ерофеев говорил хрипло, видно, голос сорвал, – я координатору все написал. Всех погибших в Подольский морг. Мы можем ехать?

– Конечно.

Водитель выключил радио. Не до музыки.

И все как всегда. Дорога. Впереди сидит Ерофеев и молчит. В кресле свернулась калачиком Таня, пытаясь осмыслить, что это было.

Они сдали труп. Таня с места не сходила до самой подстанции, ее била крупная дрожь. Уже на кухне Саша насыпал ей в ладонку горсть глицина, дал выпить валокордин, перемешав его с валерианой, и напоил горячим чаем.

– Ну что, успокоилась?

Таня кивнула. Напряжение, что, подобно гвоздю, не давало ни дышать, ни думать, отпустило. Слезы опять потекли в три ручья. Дыхание восстановилось, но слезы не останавливались. Текли и текли само собой. Картинки, как кошмарные фотографии, выскакивали из памяти, и вдруг она увидела огромные кусты сирени, покрытые мелкими цветами³², и поняла, что ее так раздражало. Одурачивающий запах сирени. Наверное, долго еще он будет ассоциироваться у нее со смертью.

Она не ушла в этот день сразу домой. Не просилась. Почему-то подумала, если уйдет, Ерофеев это посчитает слабостью. А она не хочет, чтобы он так о ней думал. Им дали новый вызов, потом еще, затем наступила пересменка – открывались ночные бригады. Ерофеев и Таня пошли на кухню – передохнуть и попить чаю. На вызовах они говорили только о деле, вообще не вспоминая происшедшее.

– Ну что? – спросил Ерофеев. – Продолжим про инфаркт?

Он грел руки о кружку, хотя на улице стояла жара, да и на кухне от плиты тянуло паром от кипящих чайников. Таня покачала головой.

– А ты нарочно велел мне все записывать, чтоб я не запаниковала?

³² В июле еще может цвести дикий сорт сирени с очень сильным резким запахом.

– Двойко. Молодец, ты хорошо держалась. Только под конец уже тебя прибило к месту, пришлось шлепнуть по щеке. Помнишь?

– Нет. Я ничего почти не помню связно. Все будто вспышками. И сирень!

– Это защитная реакция на опасность. Хорошо, что не убежала... а то лови тебя по всему району!

Таня криво улыбнулась, высморкалась в заранее приготовленный кусок бинта.

Ерофеев сказал:

– В такой ситуации главное – не фиксироваться на картинке. Отключи эмоции. Держи инструкции в мозгу и тверди: «Кроме меня, никто этого не сделает!»

– А что по инструкции?

Таня не хотела ни есть, ни пить, ее немного подташнивало и знобило. Адреналин оставил ее. Наступала апатия.

– Сортировка. Живых и мертвых, тяжелых, средних и легких. Останавливаешь кровотечение, если видишь. Главное – не заниматься кем-то одним в ущерб другим, кого ты еще не осмотрела.

– А если кто-то умрет?

– Если кто-то умрет в первые минуты, пока ты тут, уверяю: он умер бы в любом случае. А вот к тому, кого действительно еще можно спасти, ты из-за этого не подойдешь и жгут не наложишь. И трупов будет уже не один, а два. И второй будет не потому, что ему суждено было умереть, а потому, что ты занималась заведомо безнадежным пострадавшим, а того, кому можно было помочь, вовремя не осмотрела и тяжесть состояния не оценила. Поэтому первым делом сортировка и остановка видимых кровотечений. Ясно?

– Ясно. А писать и давление измерять?

– Писать нужно обязательно – потом, может быть, уже не у кого будет спрашивать. А давление?... Чем-то тебя надо было занять. Вот давлением, пульсом.

– Это я, выходит, ни на что больше не гожусь? – Таня хлюпнула носом.

– Пока не годишься. Не таскать же тебе теток весом в центнер и ведра со щебенкой?! – Ерофеев говорил совершенно серьезно. – Мне всегда казалось абсурдом, что во время Отечественной войны раненых бойцов с поля боя выносили девчонки вроде тебя. Это неправильно. То есть это было, но не должно так быть.

Комментарий специалиста

В рассказе подняты две темы, не связанные между собой: это механизмы развития **острого инфаркта миокарда** и тактика – правила поведения при массовой катастрофе.

1. Критический стеноз – сужение ветвей артерии, питающих сердце. При незначительных физических нагрузках может не замечаться и проявлять себя в виде приступов стенокардии – сжимающих болей в груди, когда нагрузка определяется организмом как стресс. То есть для усиления кровообращения надпочечники выбрасывают адреналин, который приводит и к повышению артериального давления, и к сужению сосудов, включая сердечные, и к учащению сокращений сердца, а следовательно, и к повышению потребления мышечными клетками сердца – миоцитами – кислорода и глюкозы. Как правильно определила стажер, в каком-то сосуде имеется участок сужения, который до спазма не проявляется и перекрывается только при выбросе адреналина – стрессе. Выловить эти участки – стенозы – можно при специальном исследовании – **КОРОНАРОГРАФИИ**, – когда сосуды сердца с помощью специального

катетера заполняются рентгеноконтрастным веществом. При этом выполняется видеосъемка с помощью рентгеновских лучей, и на снимках ясно видны участки атеросклеротических бляшек – сужений. Современные технологии позволяют эти участки расширить с помощью специального баллона на конце катетера и установить особый протез – каркас, – не дающий сосуду сужаться. Международное название таких протезов – STENT (СТЕНТ), а операция по установке – стентирование. Показанием (причиной) для коронарографии и стентирования являются приступы СТЕНОКАРДИИ НАПРЯЖЕНИЯ, характерным симптомом которой является сжимающая боль в груди при нагрузке или волнении и проходящая в состоянии покоя – при отдыхе или после применения нитроглицерина (под язык) или нитропрея (в рот). Затягивать с этим исследованием и стентированием опасно для жизни.

2. Оказаться свидетелем массовой катастрофы может каждый, а вот принимать правильные решения, организовать сортировку пострадавших, первую помощь – удел решительных, кто не впадет в ступор и оцепенение от очень страшной картины. Решительность и умение держать себя в руках, определять тяжесть состояния, распределять пострадавших по степени тяжести (живые и мертвые), останавливать кровотечения, если их видно, а главное, вести учет и все записывать – это все может быть очень важно и для медиков, и для родственников, и для следствия. Бывало, что при скверной организации процесса оказания скорой помощи случайно проезжавшие бригады «03» брали кого-то из пострадавших, начинали лечение и даже госпитализировали, при этом не оставляя никаких сведений ни о себе, ни о пациенте, ни о клинике, в которую доставили пострадавшего. И только четкая организация и учет позволяют все держать под контролем. Это часто избавляло от неточностей и «потери» пострадавших.

Информация для немедиков – участников событий

Что нужно делать?

1. Прежде всего нужно переписать все номера и марки машин, затем – адреса, телефоны и имена очевидцев, потому что потом их будет сложно найти.
2. Сообщить о происшествии по единому номеру вызова экстренных служб – 112³³ – или по телефонам 103, 003, 02, 01³⁴.
3. Организовать сортировку пострадавших по принципу «живые-мертвые», а живых разделить на легких, тяжелых и крайне тяжелых.
4. Видимые кровотечения необходимо остановить подручными средствами, для чего нужно организовать проезжающих мимо водителей и использовать содержимое их аптечек, а также ремни, веревки, гибкие провода.
5. Фиксировать время наложения артериальных жгутов прямо на теле пострадавших шариковой ручкой или маркером (несмываемым).
6. Дождавшись приезда первого адекватного³⁵ сотрудника полиции, скорой помощи или МЧС, передать все собранные данные о происшествии.
7. Если позволяют и, тем более, того требуют обстоятельства, продолжать оказание помощи пострадавшим под руководством медика-специалиста.

³³ Единый телефон службы спасения работает везде, где есть сотовая сеть, и даже в телефонах без SIM-карты.

³⁴ Все экстренные службы связаны между собой.

³⁵ Нередко бывает, что полицейские сами впадают в ступор. Хорошо умеют ориентироваться в экстремальной обстановке сотрудники МЧС.

Сахарная атака

История шестая, в которой Таня встречается с диабетической атакой, а Ерофеев показывает, как моча превращается в сироп.

Ерофеев закинул карточку в окошко диспетчерской, доложил:

– Тринадцатая дома! – и тут же потребовал: – Мы хотим есть!

– Кто это мы? – спросили из окошка диспетчерской.

– Мы – это я, водитель и стажер, – объяснил Ерофеев. – Уже все сроки вышли, четвертый час. Давай обед!

– В городе или на подстанции?

– На подстанции, – ответил Саша, удаляясь в сторону кухни.

Пока он шел по коридору, селектор разнес: «Тринадцатая, пятнадцать двадцать – обед!»

На кухне у плиты суетилась Таня, а за столами расположилась бригада интенсивной терапии (реанимации), сокращенно – БИТ. Их так и называли – «БИТы», или ласково – «БИТочки».

БИТы сыто смотрели на голодную тринадцатую бригаду. Ерофеев выложил на раскаленную сковородку молодую отварную картошечку, пару котлет, приличный кус сливочного масла. Таня сюда же подсунула куриную ножку и высыпала горсточку отварной цветной капусты. Ерофеев, критично оценив ее рацион, заметил:

– Фигуру блюдешь?

– Блюду, – ответила Таня.

– Это хорошо, – задумчиво резюмировал фельдшер. И, выглянув в столовую из кухни, спросил БИТов: – Ну что, много сегодня оживили?

Доктору-реаниматологу было лень отвечать на подначку, он махнул рукой и ответил:

– Сегодня тихо. Но я слышал, ты отличился?

– Да уж, пришлось постараться.

– Что там было?

– Массовое ДТП, о нем в «Новостях» сообщали.

– А еще Саша дядьку с остановкой сердца оживил, – сказала Таня из кухни. – Не сегодня.

На прошлой неделе.

– Кому сдали? – ревниво спросил реаниматолог.

– Пирогову, от соседей, – ответил Ерофеев, не останавливая поглощения пищи.

– Вот халявщики, – всплеснул руками доктор БИТ, – везет людям! А где ж мы-то были?

– Бронхостатус мы тогда купировали, – откликнулся фельдшер БИТ. – Помнишь? Тоже небось не ноздрями мух давили... Я встречался с Пироговым, он рассказывал. Везунчик ты, Саша! Пирогов просил тебе передать: «По пути в КР³⁶ тот больной еще раз останавливался³⁷. Били триста джоулей. На пленке нарисовался переднебоковой трансмуральный инфаркт». Хао! Я передал! Доктор, вы свидетель.

БИТы посмеялись. Им можно. То сидят полдня, то уезжают на полдня.

Ерофеев кивнул, приняв сообщение. Купировать бронхостатус (или, правильнее, тяжелое осложнение бронхиальной астмы – астматический статус, когда спазм бронхов не удастся снять практически никакими обычными препаратами-бронхолитиками) – это тоже очень серьезно. Не менее серьезно, чем реанимировать человека в состоянии клинической смерти.

В столовую вошла, неся две тарелки с едой, Таня. Доктор БИТ оживился.

³⁶ Кардиореанимация.

³⁷ Имеется в виду остановка сердца.

– Э! Да ты не один! И где таких красавиц выдают? – Он уже забыл, как уел его Ерофеев в первый день знакомства со стажеркой. – Вот это кто чирикал из кухни?!

Таня покраснела. Но руки были заняты, и она только и смогла что фыркнуть вверх, чтоб сдуть со лба мешающую прядь волос.

– Там больше нет, – отрезал Ерофеев. – Лучших девушек – на лучшие бригады!

– Саша, а где вилки взять?

– Нет! А голос! – Доктор БИТ восхищенно причмокнул губками. – Не говорит – поет! «Саша, а где вилки взять?»

Из селектора донеслось:

– Восьмая бригада, вызов! БИТ, у вас вызов!

Таня растерялась и стояла возле стола вся пунцовая. Ерофеев вступился за нее:

– Ну, что сидите?! Не слышали – у вас вызов! Проваливайте, не смущайте девушку. Вас ждут великие дела!

Доктор БИТ, проходя мимо Тани, сказал:

– Ничего, ничего... Нынче краснеть не всем дано... Это редкое качество.

– Редкое, редкое... Мы ширпотреба не держим... – провожал БИТов из столовой Ерофеев. – Езжайте, не портите людям аппетит!

– Хороший аппетит комплиментом не испортишь, – уже выходя, резюмировал фельдшер БИТ.

Ерофеев положил на стол две алюминиевые вилки с кривыми зубьями, стащенные когда-то давно, может быть, еще при СССР, в какой-то столовой, возможно, даже в той же злополучной «Ласточке»... На отдельной тарелочке нарезал перочинным ножом два малосольных огурца.

– Садись, ешь! Осталось пятнадцать минут!

Таня ела осторожно, медленно, казалось заставляя себя прожевывать и глотать...

– Ну что ты? – заметил ее состояние Саша.

– Ничего.

Таня смотрела в тарелку. Она терпеть не могла, когда ей уделяли слишком много внимания или как-то обсуждали ее внешность.

– Не обращай внимания... – Ерофеев остановился, чтоб не сморозить глупость типа «Врут они все!».

– Я не обращаю.

– Ну и правильно. В конце концов, – его вдруг понесло, – на правду не обижаются.

Таня не удержалась и хихикнула в тарелку.

Ерофеев успокоился.

– Ну и правильно. Хотя я не понял, а чего я смешного сказал?

– Да нет, ничего, – Таня улыбнулась, – это я не над твоими словами. – А про себя подумала: «А кто-то говорит, что я – страшная сестра!»

Ерофеев решил замять тему.

Они поели – уложились тютелька в тютельку – и ждали, пока остынет чай. Саша катал в ладонях горячую кружку, переливал ее содержимое из горячей чашки в холодную, потом поставил кружку в ковш с холодной водой.

– Водяная антибаня!

Но не суждено было Ерофееву попить чаю после обеда.

– Тринадцатая бригада! У вас вызов! Фельдшер Ерофеев, у вас вызов!

– Вот зараза! Ведь не уймется, пока карточку не возьму! Тань, сходи забери. Я еще чуток постужу.

Таня ушла. Вернулась через минуту с карточкой в руках.

– Ну и что там?

– Мужчина, пятьдесят лет, «плохо гипертонику».

– Ага. Ясно. Ну, иди, Иванычу скажи, и ждите меня у машины.

Попить чаю! Надо сделать всего-то пару глотков крепкой заварки, чтоб картошка с котлетами равномернее улеглась в желудке. Но чай все никак не остывал. Однажды Ерофеев так же, спеша, хлебнул горяченького чаю – и обжег пищевод. С тех пор ничего горячего ни пить, ни есть не может.

Он так и отнес кружку в свой шкафчик. Не судьба. Придется выпить уже холодный чай, после вызова.

В машине Саша спросил:

– Ну что, Татьяна, будешь за главного на вызове?

Во как! Ну что ж, все-таки не зря она уже неделю через день работает на скорой. Надо накопленный опыт претворять в практику.

– Я попробую, – ответила она.

– Попробуй дать мне баллон с закисью, – сказал Ерофеев.

Таня полезла в деревянный ящик рядом с носилками, достала баллон с закисью азота и протянула Саше.

– На.

– Я просил попробовать дать, а ты даешь.

– Я не понимаю, – растерянно сказала Таня.

– Ну что тут непонятного? Я тебе сказал: «Попробуй дать», а ты даешь.

Таня недоуменно смотрела на Ерофеева.

– Я не понимаю, – снова сказала она. – Чего тебе надо?

– Мне надо, чтобы ты попробовала дать мне баллон с закисью.

– Ну, я попробовала – и даю, – разозлилась девушка.

– Нет, ты мне просто даешь. А ты только попробуй, – серьезно сказал Ерофеев.

– Это невозможно, – сказала Таня, – я или даю, или не даю...

– А почему ты думаешь, что можно попробовать осматривать больного? Ты или уверенно осматриваешь его, или он с порога видит твою нерешительность – и ты для него никто! Поняла?

– Поняла.

– Будешь пробовать или смотреть?

– Буду смотреть.

– Ну, пошли. И еще: я – не зануда, как ты наверняка подумала.

Таня незаметно улыбнулась. Она действительно мысленно обозвала Ерофеева занудой.

Дверь им открыла старушка лет под восемьдесят, но крепенькая. Стоит прямо, смотрит ясно, хоть и дома, но в косынке. Ерофеев посторонился, пропуская вперед «доктора» – Таню. Они поздоровались. Старушка ответила:

– Спаси, Господи! Приехали. Проходите.

Покачала головой:

– Докторша-то молоденька. Это что ж, прямо с института?

Ей никто не ответил.

Ерофеев окинул квартиру взглядом, увидел образ Спаса Нерукотворного, перекрестился. Таня, судорожно сжимая фонендоскоп, прошла в комнату.

На неприбранной кровати сидел тучный дядька, лохматый, мутноглазый какой-то. Часто дышал и чесался. Скребся он самозабвенно. Скоблил запястья, шею, подмышки, пах, уши, снова запястья и локтевые сгибы...

– Что вас беспокоит? – спросила Таня.

– На фонтане у руля... наливаю, крепкое – боржом не пить, а язык... жуть, – сообщил больной. – Силамыло... фла. Муть.

Ерофеев подозрительно смотрел на больного, принюхивался. Потом наклонился к старушке, спросил вполголоса:

– Он не пил?

Старушка махнула рукой.

– Что вы! Он совсем не пьет. Он гипертоник. Давление скачет! Участковый замучился совсем. Что ни назначит, не помогает! Или давление туда-сюда! Вся пенсия – на лекарства, а все не впрок.

Она убежала и вернулась с огромным пакетом, из которого вываливались разнокалиберные коробки.

Таня, поняв, что от больного ничего путного не добьется, стала осматривать. Измерила давление, послушала легкие, оттянула веки и посмотрела в глаза, потребовала показать язык. Больной высунул кончик малинового языка и сказал:

– Бе-бе-бе... Бяшка, дура! В бульоне булькают бульонки! – выдал он новую «народную мудрость».

– Мне надо руки помыть, – сказала Таня, обращаясь к старушке.

– А, пойдёмте, доктор!

Та повела «доктора» в ванную, повесила на крючок хрустящее вафельное полотенце. Таня пустила воду и попросила:

– Фельдшера позовите, пожалуйста!

Ерофеев втиснулся в маленькую комнатку, навис над Таней.

– Саша, я не знаю, что с ним. Давление – сто пятьдесят на сто, пульс под сотню, чешется непрерывно, язык сухой. И чухь несёт...

– А чем от него пахнет? – спросил Ерофеев. – Запах чувствуешь?

– Не могу понять. Чем-то приторным... И химический какой-то запах...

– Ну, на что похоже?

Таня перебирала в уме все возможное. Наконец сказала:

– Наверное, это бред, но пахнет жидкостью для снятия лака.

– Совсем даже не бред! Ацетон. А когда у нас от больного пахнет ацетоном?

– При диабетической коме...

– Вот! Правильнее, при гипергликемической. Ну, до комы тут дело еще не дошло, но она не за горами. Пошли лечить.

В коридорчике им встретилась старушка с большой кружкой холодной воды. Увидела Таню, пробормотала:

– Пьет и пьет... пьет и бежит...

Таня переглянулась с Ерофеевым. Тот остановил женщину.

– Попросите его помочиться в баночку. Нам надо посмотреть, какая моча.

Пока старушка разговаривала с сыном, Ерофеев наклонился к Тане и прошептал:

– Спроси, есть ли у них активированный уголь, и назначь выпить сейчас же. И еще заставь его выпить раствор соды. Сделай покрепче: столовую ложку на пол-литра воды. Поняла?

– Поняла.

– Действуй. Я пока место на него запрошу. Надо везти в больницу.

Ерофеев пытался дозвониться до диспетчера, запрашивал место и слышал, как Таня уверенным голоском отдает распоряжения. Диспетчер сообщила номер больницы. К Саше подошла старушка и протянула банку с мочой. Из банки поднимался знакомый запах «жидкости для снятия лака».

На кухне фельдшер аккуратно плеснул несколько капель из банки на линолеум. Подождал минутку и наступил. Когда отрывал кроссовку от пола, линолеум чвакнул. Ерофеев еще пару раз почвакал и заключил:

– Не моча – сироп!

Он извлек из ящика портативный глюкометр и, получив каплю крови из пальца больного, определил уровень сахара. На дисплее высветилось число 22,7.

Таня вошла в кухню и негромко доложила:

– Он проглотил двадцать таблеток активированного угля и выпил пол-литра содового раствора.

– Хорошо. Ты про госпитализацию им сказала?

– Да. Старушка хлопочет, собирает его. А он пока невменяемый, но послушный. Что говоришь, то он и делает. Но дурашливый какой-то.

– Это ацетон. Точнее, кетоацидоз. Ничего, ему сейчас полегче станет.

Саша показал стажерке результат измерения уровня сахара.

– Правильнее будет сказать, гипергликемическая атака, кетоацидоз, прекома. Хотя последнее мы уже предотвратили. Поехали. Он еще может подкинуть сюрпризы.

– Какие же?

– Да любые. Например, инсульт, или инфаркт, или тромбоз артерий кишечника. У него сейчас кровь как перестоялый вишневым кисель – кисло-сладкая и с хмельком.

В машине Ерофеев сел в салон, а Таню посадил на переднее место. Мужчина в дороге немного изменился. Дурашливость прошла. Он по-прежнему бешено чесался и жаловался, что все зудит. Ерофеев его успокаивал, увещевал, что, мол, надо потерпеть, сейчас начнут лечение и через день, от силы два, все прекратится³⁸.

По дороге на подстанцию Таня высунулась в салон и спросила:

– Я поняла, зачем уголь и сода, но мне не ясно, почему мы не стали ему колоть инсулин? Ведь ему сразу стало бы легче. Так?

– Сколько и как инсулин расщепляет глюкозу? – задал встречный вопрос Ерофеев.

Таня порылась в памяти.

– Кажется, так: одна единица инсулина расщепляет четыре грамма глюкозы.

– Верно! А какой у него был сахар в крови?

– Ну, 22,7.

– Это я измерил, а ты ведь не знала. А как же ты собиралась колоть инсулин? Вслепую? Авось поможет? И сколько его надо вводить при такой цифре? Ты знаешь формулу пересчета миллимолей на литр к сухой глюкозе в организме?

– Ну, нет, не знаю. Но можно же ввести не полную дозу, а немного, шесть или восемь единиц... Ему сразу стало бы легче. Ведь не всегда же есть глюкометр под рукой.

– Получить содержание глюкозы в крови в миллиграмм-процентах, или миллиграммах на децилитр, можно, умножив число в миллимолях на литр на двадцать. Умножишь полученное число еще на десять – выйдет количество миллиграммов глюкозы в литре крови. А объем крови у стокилограммового дядьки чуть больше пяти литров. Простая арифметика. Учти главное: тебе нужно утилизировать не ВСЮ глюкозу, а только часть ее. Вот и реши задачку. Тебе нужно снизить сахар в крови на десять миллимолей. Сколько инсулина надо ввести?

Таня задумалась. А Ерофеев продолжал:

– В общем, если проблема с госпитализацией, а ситуация обостряется и выходит из-под контроля и ты не знаешь, сколько глюкозы в крови, ты так и можешь делать. Сначала шесть единиц, потом еще шесть, а уж потом везти. Да, так можно, но... больше – нельзя. А то можно из одной комы загнать в другую. Почему? Тут все просто: организм уже привык к высокой концентрации глюкозы, и если ты быстро сгонишь сахар к норме (6,6), то это содержание будет для него уже как гипогликемия – и приличный обморок гарантирован. Это как минимум. Так

³⁸ По современным стандартам скорая ставит капельницы на дому и выводит из кетоацидоза, не госпитализируя, а стабилизовав состояние, передает больного участковому терапевту и эндокринологу поликлиники. Автор не согласен с подобной тактикой и отношением к довольно тяжелому состоянию.

что лучше обходись угольком и содой, а уж в больнице пусть инсулин делают. Так, поверь, безопаснее. И лучше его отвезти таким, какой он есть. Да, сейчас почти у каждого диабетика есть глюкометр.

– Выходит, что мне нужно ввести три единицы?

– Это почему? – удивился Ерофеев.

– Два грамма на литр, всего пять литров – это десять граммов. Одна единица снижает на четыре грамма. Выходит, чтоб сжечь десять граммов, надо ввести всего две с половиной единицы?

– В крови да. Только вот сахар этот растворен во всей «воде» организма, а ее не пять литров, а все шестьдесят. И как только ты погасишь сахар в крови, он тут же восстановится в крови, перейдя из межклеточной воды.

– Ты сказал посчитать в крови, – обиделась Таня.

– Ну, молодец. Так ты теперь поняла, что сахар нужно рассчитывать весь... и что выжить только то, что в крови, недостаточно. Шесть единиц сколько сахара уберут?

– Двадцать четыре грамма.

– Вот именно! И произойдет это не в одну секунду, а за пятнадцать-тридцать минут. И следи в это время за давлением и пульсом. Если заметишь, что развивается гипогликемия, питай больного сиропом. Учти еще – ты одна. У тебя только две руки. И очень сложно все сразу держать под контролем. Сейчас больной в сознании, с нормальным давлением, ты углем и содой застabilизировала его состояние. Но как только ты влезешь в него с инсулином, уже глаз не спускай! Если б все происходило в глуши, где нет больницы и ты его лечишь, это одно. Но мы в мегаполисе и тут полсотни клиник, поэтому оставь тонкую работу специалистам. Твоя задача – привезти больного в сознании, с давлением, пульсом и соответствующими симптомами, подтверждающими поставленный тобой диагноз. Уяснила?

– Угу, – сказала Таня, загибая пальцы и стараясь запомнить все по пунктам.

Комментарий специалиста

В описанной ситуации **диабет** – впервые выявленный. Больной и его мама не подозревали об этом заболевании. И пока не произошла гипергликемическая атака, не спохватились. Ситуация нередкая, даже у тех, кто знает о своем заболевании. Особенно возможно развитие гипергликемии у недисциплинированных больных сахарным диабетом II типа. Или, как его еще называют, «диабетом пожилых и полных». Активированный уголь снижает концентрацию ацетона в крови, а содовый раствор немного погасит кислотность (ацидоз), развивающуюся из-за того же ацетона. Сейчас глюкометры продаются в каждой аптеке. Чтобы измерить уровень сахара, большого ума не надо. Главное, чтобы коды на полосках и в установке анализатора совпадали. И еще: учтите, что полоски бывают откалиброваны не по цельной крови (из пальца), а по плазме крови (сыворотке), а в ней уровень сахара немного (около 15 %) ниже, чем в цельной крови. То есть показатель уровня глюкозы в крови на таких полосках будет на 12–15 % выше. Скажем, аппарат сработает на 7 ммоль, значит, на самом деле 6,2–6,3 – верхняя граница нормы. Расчет сухого содержания глюкозы, которым пользуется фельдшер Ерофеев, довольно приблизительный и имеет погрешность +/- 15–20 %, а это немало. Однако дозировка инсулина (не пролонгированного, а обычного), которую можно ввести без страха при условии стопроцентной уверенности именно в диабетической – гипергликемической – коме, – 6 единиц. Для того чтобы человек пришел в себя, вполне достаточно. Если же нет уверенности, что потеря

сознания связана с высоким уровнем сахара, можно влить в рот столовую ложку сахарного сиропа (сладкой воды), и если эта мера не приведет человека в чувство – вводить инсулин. Главное, помнить, что от избытка сахара смерть не наступит в ближайшее время после потери сознания, а вот от инсулиновой комы – гипогликемии, из-за критического снижения уровня глюкозы в крови – умереть можно наверняка.

Информация для немедиков – участников событий

На что нужно обратить внимание?

1. От больного доносится характерный сладковато-приторный запах ацетона.
2. Он постоянно пьет и часто мочится, потому что сладкая моча раздражает мочевого пузыря.
3. Человек чешется, потому что с потом выделяется сахар и активируются все бактерии и грибы, живущие на коже и слизистых.
4. Он может вести себя странно: невпопад отвечать на вопросы, неуверенно ходить, у него может быть нарушена координация (не попадет пальцем в нос, не понимает, о чем его просят).
5. Частое дыхание (одышка до 24 вдохов/выдохов в минуту) и сердцебиение около 100 ударов в минуту.
6. Если измерить артериальное давление, оно может быть нормальным или повышенным.

Что нужно делать?

1. Вызвать «03» с поводом «ДИАБЕТИЧЕСКАЯ АТАКА»³⁹. Помните, вы не врач и диагноз не ставите. Если диспетчер попросит описать жалобы и состояние больного – сделайте это без раздражения.
2. Пока едет бригада скорой, больному нужно дать максимальное количество активированного угля исходя из простой формулы – 1 таблетка на 10 кг веса.
3. Дать выпить раствор пищевой соды (натрия гидрокарбоната) – 1–2 чайные ложки на литр кипяченой воды.

³⁹ Это неофициальный, устаревший, но понятный «диагноз», который можно использовать в качестве повода для вызова скорой.

Сердце, сердце... Что случилось?

История седьмая, в которой практикантка снова встречается с инфарктом миокарда и узнает, как часто не совпадают повод к вызову и реальная болезнь.

По пути из больницы «закрякал» телефон. На экране высветился адрес. Повод – «мужчина, сорок пять лет, болит спина».

Ерофеев показал водителю адрес, тот включил сирену и маяк и чуть наподдал газку, учитывая сложную обстановку на дороге.

Таня высунулась в кабину.

– Что дали?

– Боли в спине, – ответил Ерофеев.

– Дорсопатия? Радикулит?

– Боли в спине, – повторил Саша. – Может быть и радикулит, и миозит... Приедем – увидим. Ты же помнишь, что повод к вызову не добавляет ясности, а только усложняет качество тумана. Поэтому ориентируемся на него, но не опираемся в планах оказания помощи.

– Будет пациент, будут жалобы, анамнез – будет и диагноз! – повторила заповедь Таня.

– А повод – это только повод, чтобы вызвать бригаду. Вообще правильно сформулировать повод – самое сложное. Это ты уже могла бы заметить. Что нам чаще попадается: совпадение поводов или несовпадение?

– Несовпадение, – улыбнулась Таня. – Но все равно, ведь мы как-то ориентируемся благодаря поводу?

– Не мы. Ориентируется диспетчер. По поводу он определяет, какой бригаде ехать. Детской, взрослой, врачебной или фельдшерской.

У Ерофеева было ощущение дежавю: то ли кто-то из стажеров уже заводил эту тему, то ли он сам, когда начинал работать на скорой, тоже думал о несовпадении повода и реальности на вызове. От ощущения какой-то громадной ошибки в отношениях «вызывающий – скорая помощь» он не мог избавиться все годы работы. Саша заталкивал это чувство как можно глубже, понимая, что исправить ситуацию ему не дано. Где-то там, в высоких кабинетах, может быть, и думают над этим вопросом, но, скорее всего, нет. Потому что средние медики – обычные врачи и фельдшеры – это разменная монета в отношениях медицинского начальства, депутатского корпуса и страждущих больных. И удел этих медиков – обслуживать клиентов. Не лечить и не спасать, а именно обслуживать. Такова позиция власти.

Ерофеев знал, что в странах, где мнение людей не так важно, как деньги, и где этим деньгам знают счет, уже давно все придумали и поняли, что нереально, чтобы по первому звонку к пациенту приезжал высококлассный специалист. Как говорится, на всех врачей не напасешься. А значит, намного проще – доставить страждущего к специалистам с аппаратурой, лабораторией, палатами и сотней глаз, начиная от санитаров и студентов и заканчивая высоколобыми профессорами. И скорая там – не нашей чета, если сравнить: ничего они толком не знают и не умеют. Точнее, умеют и знают: от первой странички стандартов и алгоритмов до последней, и ни-ни отойти в сторону. наших вот сейчас тоже переводят на этот принцип работы. Знай инструкцию и действуй согласно ей. Отойдешь на шаг – объясняй потом, зачем, почему, а для этого уже знать нужно намного больше, чем книжку со стандартами. Одна беда: люди наши, пациенты, никак не поймут, что все меняется – и правила, и жизнь, и отношения. Не хочет население ехать в больницу. Вот хоть ты тресни. Объясняешь, уговариваешь, растолковываешь – все напрасно. «Я еще подожду, может быть, пройдет?» – такой ответ слышишь чаще всего.

Машина въехала во двор и уперлась в шлагбаум. Подождали полминутки. Водитель посигналил, посвистел сиреной – ноль внимания. Ерофеев вышел, открыл боковую дверь в салон и взял рыжий ящик с лекарствами. Таня выскочила следом, поправила халат, волосы, забрала у фельдшера карту вызова и средство связи.

– Нам в дальний подъезд. Если откроют – езжай в самый конец, к первому подъезду, – сказал Саша.

Шофер его понял, молча кивнул, достал сигарету.

Уже когда отошли от машины, Ерофеев негромко сказал Тане:

– Что мне нравится у Иваныча, он знает, что мы не курим, и всегда ждет, пока уйдем.

Культура!

У подъезда Саша вдруг остановился и сказал:

– Знаешь что, дай мне карту и сбегай в машину, заведи кардиограф.

– Думаешь, понадобится? – зачем-то спросила Таня, но отдала карту и развернулась к машине.

– Не знаю, интуиция, на всякий случай. Беги, я пока дверь открою.

Он принялся набирать код к подъезду. Почему вдруг подумал о кардиографе? Сам себе ответил: «Если боли связаны с грудной клеткой, по инструкции надо снимать ЭКГ. Повод «боли в спине» условно не указывает на «боли в груди», но разница невелика. Лучше сразу взять с собой «машинку», чем потом бегать за ней, время тратить».

В квартире их ждали. Скептическая дама, которая встретила Ерофеева с Таней, фыркнула:

– Посолиднее врачей не нашлось?

Ерофеев не отреагировал, а Таня невольно покраснела.

– Здравствуйте, покажите, пожалуйста, где больной, – сказал Саша.

Дама повела по квартире.

Больной сидел в кресле, криво усмехался – он только что выключил телевизор. Ерофеев нашел на столе свободный уголок, сдвинув грязные чашки с остатками чая, недопитую бутылку водки, куски грудинки на блюдечке. Тане сказал:

– Померяй давление, пожалуйста, посчитай пульс.

Повернулся к женщине:

– Мне нужно помыть руки, проводите...

Мужчина порывался рассказать Тане, как и где у него болит спина, но она приложила пальчик к губам и сказала:

– Помолчите минутку, сейчас придет доктор, и ему все расскажете по порядку, а я давление меряю.

Больной послушно умолк.

Ерофеев вернулся, сел напротив. Таня положила ему в руку сложенный листок, на котором было написано: «Сто сорок на девяносто, восемьдесят восемь в минуту». Он кивнул, отдал бумажку.

– Я внимательно слушаю, жалуйтесь.

– Да не умею я жаловаться, – смутился мужчина. – Я в гараже был...

– Ханку жрал с друзьями! – вставила женщина.

– Не жрал я... Головку блока⁴⁰ снимали втроем, а когда вынимали, то я ее на себя – и как-то так вышло, что я один держал с полминуты. А как перехватили ее, так чую, что как-то ноги ослабели и спину запекло... Ну, присел я, к стенке гаража прислонился, а она железная и прохладненькая такая... Мужики, конечно, сто граммов поднесли... с огурчиком.

Ерофеев внимательно слушал. Женщина за его спиной что-то неразборчиво нудела.

– Ну а как не принять? Такое дело большое... Она ж полцентнера весит. Да еще я так неудобно держал. Видно, спину сорвал.

– Вы лечь можете? – спросил Ерофеев.

– Могу, – мужчина послушно прилег на диван. – Вот.

– И при движении боль в спине не меняется? Двигаться не мешает?

Таня распутывала провода у кардиографа ЭКП. Ерофеев пощупал пульс.

– Нет. Ровно так печет, будто гвоздь раскаленный вбили.

– Со спины? Или спереди?

Мужчина задумался.

– Не пойму. Наверное, со спины, – но тер он при этом грудь и живот. – Сюда отдает. Прямо навывлет.

– Сейчас мы вам снимем кардиограмму, лежите спокойно.

Ерофеев обратился к Тане:

– Снимаем и сразу передаем на пульт кардиологам.

Таня кивнула, а Ерофеев тихо сказал:

– Что увидишь или услышишь – без комментариев! Обсудим потом.

Она снова кивнула. Уже привыкла выполнять команды, а вопросы задавать позже.

Пока Таня снимала ЭКГ и передавала ее на пульт кардиологов, Ерофеев набрал ампулу морфина и развел физраствором. Стажерка выслушала заключение специалистов и записала его на бумажку. Торопливо подсунула ее Ерофееву под нос. «Острый инфаркт миокарда нижней стенки левого желудочка». Саша кивнул.

⁴⁰ Головка блока цилиндров автомобильного двигателя. Обычно эту работу выполняют с помощью лебедки.

– Дай мне набор для установки кубитального катетера, подготовь систему и пакет с физраствором, а больному в рот таблетку зилта и аспирина, набери мне в шприц гепарина пять тысяч. Потом звони на центр и вызывай бригаду. Диагноз ты знаешь.

Таня бросилась выполнять, а Саша повернулся к мужчине:

– Постарайтесь точно сказать, сколько времени прошло с момента, как заболела спина.

Мужчина задумался.

– Часа два, наверное.

– А домой как дошли?

– Да нормально, с остановками, правда. Постою минутку, жжение успокоится – снова иду. Как разойдется – торможу. Я поэтому, как добрался, решил скорую вызвать.

Ерофеев достал из ящика нитроспрей.

– Рот откройте.

Брызнул одну дозу под язык. Пока мужчина осознавал изменения в состоянии, установил ему в вену на руке катетер. Собрал и подключил капельницу.

– Ну как?

– Отпускает!

Мужчина зажмурился.

– Отпускает! Уходит в ниточку... Это что было?

– Не было, а стало, – Ерофеев принялся медленно вводить морфин. – Инфаркт у вас – острый.

Мужчина недоверчиво посмотрел на фельдшера. Женщина опять что-то скептически каркнула за спиной.

– Да ладно! Это точно?

– Точнее не бывает. На ЭКГ видно. А еще реакция на нитроглицерин, боль очень необычная. Если бы это был грудной радикулит, вы бы двигаться не могли от боли. А вы и до дома дошли, и ложились спокойно. Так что это жжение от сердца. От инфаркта.

– А чего ж я кони не двинул? – засомневался больной. – Инфаркт... Даже не верится.

– Ну, во-первых, все только начинается, – спокойно сказал Ерофеев. – Мы вызвали специальную бригаду, ведь нет никаких гарантий, что ситуация не качнется в худшую сторону.

– Так боль же прошла! – сказал мужчина. – Во! Совсем не болит ничего!

– После морфина, – улыбнулся Ерофеев, – оно и не должно болеть.

Женщина высунулась из-за Тани и елевым голосом спросила:

– Мне его в больницу собирать?

– Приготовьте паспорт и страховой полис, – сказал Ерофеев, – больше пока ничего не понадобится.

– Мы еще что-нибудь будем делать? – спросила Таня. – ЭКГ убирать?

Она подозвала женщину и отдала ей пакет с физраствором, который держала над мужчиной.

– Давай снимем еще пленочку для себя и спецов, потом смотаешь все, – ответил Саша. – Я пока карту напишу.

Спецы ввалились шумной толпой из трех человек. Те самые реаниматологи, что любили подтрунивать над Ерофеевым и его стажеркой.

– Ну чего тут? – осведомился доктор. – Говорят, инфаркт?

– Да, – спокойно ответил Ерофеев, отдавая ему кардиограмму. – Два часа и еще пятнадцать минут. Зилт, гепарина пять тысяч и аспирина полграмма. Обезболил морфином, гемодинамика пока стабильная. Давление чуть снизилось после нитро, до ста двадцати на семьдесят, пульс – восемьдесят в минуту. Капельницу поставили, если вы решите ввести тромболитик.

Доктор протянул пленку между пальцами, кивнул.

– мудро. Все правильно. Спасибо, Саша. Можете быть свободны.

Он наклонился к мужчине, слушая сердечные тоны.

– «Выхлоп» откуда?

– Нитро на спирту, – сказал Ерофеев.

– Ну да, – согласился доктор. – И то верно.

Он обратился к женщине, не успевшей вставить реплику:

– Полис, паспорт – и мы поедem в больницу. Тромболизис – по обстоятельствам.

Ерофеев спросил:

– С погрузкой помочь?

– Справимся, – сказал один из фельдшеров, – ежайте.

И, как обычно, в машине Таня начала забрасывать Ерофеева вопросами:

– А ты сразу понял, что это не дорсалгия⁴¹, а инфаркт? А почему? А разве можно, если пьяный, морфин? А зачем капельницу, если давление нормальное? А почему сразу нитро в рот не прыснул? А...

– Стоп, – сказал Ерофеев, – давай по порядку.

Таня умолкла и приготовилась усваивать.

– Смотри сама. Мужик переносит большую физическую нагрузку – держит один больше пятидесяти килограммов в очень неудобной позе. У него развивается приступ стенокардии, который он принимает за радикулит. Логично?

Таня кивнула.

– Не всякий решит, что боль связана с сердцем, когда такие обстоятельства и начинается все со спины. Но это все пока детали. Дальше, ему дают сто граммов водки. При его весе в восемьдесят килограммов (а он явно не алкаш запойный, а нормальный такой мужик, иногда позволяющий себе немного принять, то есть немного толерантен к спирту и потому не сильно опьянел, главное, получив то, что его уберегло от болевого шока, – наркоз) водка сняла слишком сильную боль и не вызвала угнетения работы сердца и дыхания. А по сути, спасла его. Он кое-как добирается до дома и вызывает нас, при этом он не принимает никаких лекарств, а жена долбит ему про то, что он выпил. Что происходит в сердце? Мы уже обсуждали.

– В зоне ишемии идет формирование отека, а в центре этой зоны развивается участок некроза – собственно инфаркта.

– Правильно. За два часа водка частично расщепилась, зона инфаркта, к счастью, не задела проводящие пути, не повлияла на сократительную способность. Так что давление и пульс сохранялись в пределах нормы. Но если бы мы не начали лечить, так продолжалось бы недолго: еще через час или два начал бы развиваться кардиогенный шок – снижение давления и, возможно, острая сердечная недостаточность⁴² в левом желудочке и отек легких. Мы вполне могли эту картину увидеть. Нитро сработал очень неплохо. Гепарин и аспирин, а также зилт разжижают кровь, и это тоже способствует улучшению питания в зоне ишемии. Ты поняла, почему я запретил тебе вслух передавать диагноз от кардиологов?

– Чтобы он не запаниковал?

– Да. Пока я не ввел ему морфин и нитро, лучше было не создавать ситуации для стресса. Диагноз ведь страшный. Так?

– Но он довольно спокойно отреагировал. Сперва даже не поверил тебе.

– Теперь насчет сочетания морфина и алкоголя. Официально нельзя вводить морфин при алкогольном опьянении из-за угрозы развития блокады дыхательного центра. Но не надо путать легкую алкоголизацию – по сути, минимальную степень опьянения – и полную

⁴¹ Боль в спине (от латинского *dors* – «спина», *algia* – «боль») может быть вызвана разными причинами: ущемлением корешка межпозвоночного нерва, растяжением мышц спины, переохлаждением и воспалением мышц – диагнозы разные: а симптом один – дорсалгия.

⁴² *Левожелудочковая недостаточность* – снижение сократительной силы мышцы сердца и снижение насосной функции. Такой дисбаланс приводит к нарушению давления в малом кругу кровообращения и отеку легких.

отключку. Если бы он выпил бутылку водки, я бы обошелся анальгином – ввел бы кубика четыре – или кетопрофеном. А теперь давай представим, что вот ты пришла в гости к его жене и застала такую вот картину. Приходит дядя из гаража и жалуется на жжение в спине, от него немного разит водочкой. Жена пилит. А он стесняется попросить у тебя помощи. Твоя тактика?

– Ну, не знаю, – сказала Таня честно. – Если б не попросил помочь, сама бы не полезла.

– Правильно, мы услуги не навязываем. И выходит, что дядя через пару часов, если б не принял еще сто граммов, начал бы задыхаться, жаловаться на то, что боль теперь во всей груди, и на сильную слабость. А ты, если б тебя позвали как соседку-знакомую, услышала бы влажные хрипы в легких, увидела бы картину истинного кардиогенного шока с давлением семьдесят на сорок и пульсом больше ста двадцати... Та-ак?

Таня кивнула.

– Кинулась бы вызывать скорую на острый коронарный синдром... инфаркт с отеком легких – и в целом шансов выжить тут было бы меньше одного к ста. А все почему?

– Почему? – как эхо повторила Таня.

– Потому что после пятидесяти лет нужно регулярно проходить полноценное обследование по кардиологическому профилю хотя бы один раз в год. С нагрузкой на тредмиле или велоэргометре⁴³... И если, не дай бог, при нагрузке появится хоть намек на ишемию – делать коронарографию в плановом порядке. Иначе будет так, как мы сегодня видели. И наш разговор помнишь, когда мы вызов получили?

– Какой?

– А про несовпадение повода и реальной ситуации. Вот то, что мы обсуждали. Болит спина, а реально – инфаркт. Не пришлось долго ждать.

Водитель крикнул:

– Ну, я так и понял, когда вторая машина прикатила, что вы вляпались во что-то.

– Но ведь у него реально спина болела. Он ведь и нам все про спину говорил. Помнишь?

Таня устала висеть на перегородке.

– Мы домой едем?

– Да, возвращаемся. Надо марфутку⁴⁴ списать, пока начальство и аптека не разошлись по домам.

Ерофеев обернулся к устроившейся в кресле Тане.

– И все-таки, если б ты поняла, что у дядьки, ну, скажем, что-то не так... Ну не мог он крутиться с болью в спине. И тебя бы это насторожило. Допустим?

Таня согласилась.

– Что б стала делать?

– Пощупала бы спину, – ответила она.

– Боль не меняется.

– Померила бы давление.

– Сто сорок на восемьдесят.

– Дала бы нитро...

– Молодец! – Ерофеев улыбнулся. – Вот ты даешь ему нитроглицерин, он говорит: «Ура! Все прошло!» Ты думаешь: «Оба-на! Стенокардия или инфаркт». Так?

Таня подтвердила.

– Ну а он через пару минут говорит: «Снова печет». И на этот раз уже трет грудь. Ну... что дальше?

– Опять дам нитро и вызову скорую помощь.

⁴³ На них в комбинации с электрокардиографом и компьютером, в котором заложена специальная программа, выполняется нагрузочный тест (электрокардиограмма при физической нагрузке).

⁴⁴ Морфин (*проф. жаргон*).

– Хорошо. Это снова боль на три минуты уберет. Так и будешь ему по таблетке в рот кидать?

– А что еще делать? Хорошо, если нитро есть.

– Нитроглицерин есть у всех почти и везде. Но ты права: именно в такой момент его и не найти. Пошлешь жену в аптеку. Пусть купит что?

– Нитроспрей, ну... – Таня задумалась, – анальгин в ампулах, шприцы, салфетки спиртовые, ну... Что еще?

– Аспирин, клопидогрель (он же зилт) и обязательно валокордин или корвалол. Особенно если ты знаешь, что скорая не московская и приедет не через пятнадцать минут, а намного дольше придется ждать.

– Да! – вспомнила Таня и чуть не вскочила. – Я хотела спросить, зачем ты ему аспирин и зилт дал? Одного гепарина мало?

– Мало, – сказал Ерофеев. – Они все дезагреганты и антикоагулянты, то есть разжижают кровь и уменьшают тромбообразование. Но каждый действует по-своему. Аспирин уменьшает «слипчивость» форменных элементов, зилт то же самое делает с тромбоцитами, а гепарин блокирует один из факторов свертывания крови. В результате мы получаем отличную кровь, делая меньше риск образования тромбов и закупорки сосудов в сердце. Уже сформированный тромб это не растворит, конечно, но остановит его дальнейший рост.

– Я поняла. А валокордин – для мадам?

– Нет, для него.

Машина вкатывалась во двор подстанции. И, уже немного торопясь, Ерофеев объяснил:

– В валокордине есть фенобарбитал (снотворное), который в комбинации с анальгином усиливает его обезболивающее действие. При настоящем инфаркте это все, конечно, что мертвому припарки, но, чтобы дождаться бригаду, минут на тридцать или даже на час хватит. При условии, что анальгин ты введешь в вену, а валокордин дашь выпить.

– Сколько?

– Чтоб не тратить время на счет капель, набирай шприцем два кубика и давай, разведя водой, чтобы можно было выпить. Он подействует минут через десять. За это время введешь анальгин внутривенно. Понятно?

– Понятно. А если кто не умеет колоть? Можно пить?

– Можно. Что ж поделаешь.

Ерофеев открыл перед стажеркой дверь.

– Ты запоминаешь?

– Я стараюсь, потом даже записываю в тетрадку, – сказала Таня и опять почему-то покраснела, будто стыдилась.

Ерофеев отвернулся, притворившись, что не заметил ее смущения. А Таня решила, что он посчитал ее дурой, которая ничего не может запомнить.

Комментарий специалиста

Описанная в рассказе боль характерна для «нижнего» инфаркта, или, как его еще называют, диафрагмального. Именно эта стенка левого желудочка прилежит к диафрагме, и, когда развивается болевой приступ, импульсация может выглядеть и так, как описано в рассказе (в нижней трети грудины, ближе к солнечному сплетению, но сзади вперед), а может опуститься ниже в область солнечного сплетения, маскируясь под боли в животе, имитируя боль

при гастродуодените, язве двенадцатиперстной кишки или остром панкреатите. Такая форма инфаркта называется абдоминальной (брюшной), потому что настолько симптомы напоминают проблемы в животе, что даже рвота присутствует. Сила, интенсивность боли при инфаркте часто пропорциональны тяжести заболевания, осложнений и прогноза. Поэтому нарастание боли, слабая реакция на нитроглицерин (кратковременная) или ее отсутствие, падение артериального давления, одышка (до 24–28 вдохов/выдохов в минуту), появление хрипов в легких при дыхании, которые можно услышать даже без фонендоскопа, – все это говорит о наличии осложнения. К счастью, у пациента бригады «03» осложнений не было, но, как справедливо заметил фельдшер Ерофеев, тут дело времени.

Информация для немедиков – участников событий

На что нужно обратить внимание?

1. При физической нагрузке (или после нее) появляется или усиливается боль в грудной клетке. Появление или усиление боли подтвердят ее сердечное происхождение.
2. Боль уменьшается, если нагрузка прекращается.
3. Проходит совсем, если дать нитроглицерин, и возвращается спустя несколько минут при возобновлении большим физической активности.
4. Присутствует остаточная боль. Человек в данном случае говорит: «Она как бы прошла, но чуть-чуть осталась, далеко где-то, напоминая, что может вернуться». Если попросить больного пальцем указать на больное место, он приложит ладонь ко всей груди, а конкретную точку указать не сможет. Часто пациент отмечает отражение (иррадиацию) боли в другие части тела: левую руку, шею, плечо или плечи, локти, иногда даже в пальцы, в нижнюю челюсть и зубы.

Что нужно делать?

1. Обеспечить больному покой – положить или посадить в полулежачее положение.
2. Измерить пульс и артериальное давление (если есть чем).
3. Если пульс на запястье определяется четко и ритм не нарушен, то можно дать 1 дозу нитроглицерина⁴⁵ в любой форме (таблетка, спрей, капсула, капля).

Для определения пульса на запястье нужно 3 пальца приложить к основанию большого пальца на руке пациента и прижать. Ощутимая пульсация и есть пульсовая волна. Нужно считать за 15, 20 или 30 секунд. После чего полученное число умножить на 4, 3 или 2 – и результат покажет пульс. Норма от 50 до 90 в 1 минуту. Субъективно пульс описывается как: нитевидный (слабый) или «мягкий», нормальный или «эластичный» и твердый или «напряженный», – эта оценка наполнения использовалась с древних времен еще до изобретения аппарата для измерения АД (рис. 5).

⁴⁵ С нитроглицерином нужно обращаться очень осторожно. Сначала лучше дать больному аспирин, растолченный и немного растворенный водой, и только через 15–20 минут – нитроглицерин (при нормальном артериальном давлении (наполнении пульса) и ритме).

Рис. 5. Измерение пульса на запястье

4. Вызвать «03» с поводом «БОЛЬ В ГРУДИ».

5. Если боль после приема нитроглицерина уменьшилась или совсем прошла, значит, она, вероятнее всего, сердечного происхождения.

6. Если боль после приема нитроглицерина не прошла или вернулась через 2–3 минуты – это вероятный признак инфаркта миокарда. Давайте нитроглицерин и контролируйте пульс (его частоту и напряженность).

7. Внимательно следите за дыханием и цветом кожи лица. Появление бледности и пота на лбу – признак начинающегося коллапса (падения артериального давления). Давать нитроглицерин в этом случае не следует.

8. Можете дать $\frac{1}{2}$ таблетки аспирина, 2 таблетки анальгина и 5–10 таблеток глицина, или дать сразу $\frac{3}{4}$ таблетки ацетилсалициловой кислоты (РФ) (или 3 таблетки аспирина кардио (по 100 мг), или 3 таблетки кардиомагнила), до 4 таблеток анальгина с 2 мл корвалола (валокордина, валосердина), или, если есть, любого успокаивающего средства, например настойки валерианы. Все варианты правильные и зависят от того, что есть под рукой в данный момент.

9. Если больной жалуется на сухость во рту, дайте ему некрепкий сладкий теплый чай.

10. Дождитесь бригаду скорой помощи.

11. Помогите с транспортировкой или организуйте мужчин-волонтеров, потому что переноска больного должна непременно производиться на носилках!

Можно ли давать алкоголь?

Для обезболивания вместе с анальгином можно дать 50 мл 40 % алкоголя (водки или коньяка), ни в коем случае не больше! Это предохранит от развития болевого шока, но при этом в диагноз больного врачи могут добавить приписку «алкогольное опьянение». Впоследствии возникнут проблемы с оплатой больничного листа.

Бывают ли безболевые формы инфаркта миокарда?

Спорный вопрос. Считается, что они бывают крайне редко, и в основном это боли, на которые человек не обращает внимания в силу особенностей характера или при наличии сахарного диабета, когда имеется полинейропатия (поражение нервной чувствительности) и болевой порог слишком завышен. Вероятность безболевого инфаркта не превышает 0,5–1 % и чаще всего обусловлена небрежным сбором анамнеза при первичном опросе и осмотре.

Ловись, рыбка!

История восьмая, в которой Таня получает почти сорок килограммов живой рыбы в подарок и узнает, что такое «разрыв уздечки».

Дверь в квартиру была не заперта, но Ерофеев принципиально позвонил и, только услышав приглушенное: «Заходите», отворил ее.

Таня, заходя в комнату, ощутила тонкий аромат духов «Босс». Но отмела в сторонку эту деталь. Спина фельдшера закрывала ей часть панорамы, и больного она не видела, а только слышала.

– А пусть девушка ваша на кухне подождет.

Ерофеев повернулся к стажерке:

– Выйди, пожалуйста. Я позову.

Молодой человек сидел на кровати, засунув в трусы обе руки. Таня, на которую выражение «ваша девушка» произвело довольно странное впечатление, положила карту на стол и вышла, прикрыв за собой дверь. Фраза «ваша девушка» эхом отзвывалась в голове и вызывала какое-то звенящее состояние. Пришлось сделать изрядное усилие, чтобы как-то заглушить это чувство. Пока заняться было нечем, прошла на кухню. Духами пахло возле ванной очень сильно. Она заглянула туда, но на полочке стояли исключительно мужские предметы гигиены, хотя одна вещичка никак не вписывалась в картину холостяцкого жилья или, наоборот, вписывалась – это две бумажки, которые отрывают от женской прокладки-ежедневки. И Таня похвалила себя за наблюдательность: женщина тут была, и была совсем недавно. Но зачем ей понадобились именно две прокладки? Это было нелогично. Других не было? Вдруг началось – и сразу обильно? Странно. Ежедневки хватит на час, чтобы добраться до магазина или аптеки. Или до дома. Да и как сразу две? Одну на другую? Это глупо. Девушка Ерофеева... А что? Если бы он пригласил на свидание, пошла бы? Пошла.

Ерофеев тем временем поставил стул и сел напротив больного парня, который так и не вытащил рук из трусов.

– Я слушаю внимательно. Что случилось?

– В общем, такая дурацкая история.

Парень явно смущался, мекал, хмыкал, краснел.

– У меня есть девушка.

Ерофеев кивнул.

– Вот... Она девственница.

Ерофеев опять кивнул, молча слушая.

– В общем, мы договорились сегодня... Ну, в общем, она решилась... Елки, – парень достал измазанную кровью руку из трусов, – а вышло так, что «девственность» потерял я. Там чего-то у меня лопнуло. И болит. Не то чтоб сильно, но кровь идет и не останавливается.

– Разрыв уздечки, – сказал Ерофеев. – Это бывает. И чаще всего именно в таких вот случаях. Доставайте, посмотрю.

Парень спустил трусы. Орган был обмотан женской прокладкой, которая сильно пропиталась кровью. Ерофеев натянул перчатки и осмотрел повреждение. Разрыв уздечки был совсем небольшим, миллиметра два, но из него обильно, капля за каплей, не собираясь останавливаться, шла кровь.

– Уже часа два идет, – сказал парень. – Я как-то значения не придавал. Думал, покапает и остановится. Так, трещинка, а оно течет и течет... Всю постель испятнал. Что делать?

– Вопрос первый, – сказал Ерофеев, – поедете в больницу? Надо сделать несложную операцию, и сегодня же отпустят. А второй – можно ли показать коллеге?

– Я стесняюсь, – сказал парень. – Это обязательно? Она смеяться будет.

– Не будет, – сказал Ерофеев серьезно, – она не дуручка, она медработник, и вряд ли ей доведется еще когда-нибудь увидеть случай разрыва уздечки.

– Ну ладно. Если это так важно. А кровь-то можно остановить?

– Попробуем. Татьяна! Заходи!

Конечно, она не ожидала увидеть такое. Конечно, оторопела на долю секунды. Конечно, взяла себя в руки. Но вот надеть перчатки и взять в руки пострадавший орган не решилась. Смотрела из-за спины Ерофеева, кивала молча, пока тот объяснял, что да почему.

– Достань гемостатическую губку, – сказал он, – и марлевую салфетку. А еще бинт семь на четырнадцать.

Больного попросил:

– Держите за головку.

Наложил салфетку, обильно посыпанную гемостатической губкой, и несколько раз обмотал орган бинтом, потом пропустил туры бинта вокруг паха и таза, формируя что-то вроде стрингов.

– Одевайтесь – и поедem.

– Это обязательно?

– Операцию надо делать обязательно, – объяснил Ерофеев, – кровотечение остановится, а вот рубец там будет грубый, и когда-нибудь непременно порвете снова. Так что или вы с нами едете, или сами потом обратитесь к урологу, но не затягивайте с этим.

– Я не поеду. Спасибо вам.

Ерофеев протянул парню карточку – подписать отказ от госпитализации.

– Дело ваше. К любому урологу обратитесь. Операция идет полчаса. Ничего сложного. Пока ранка свежая. Потом придется иссекать рубец.

– Я понимаю.

Парень полез в кошелек:

– Я вам что-нибудь должен?

– Вы ничего не должны, – усмехнулся Ерофеев, – но можете. Это ваше право.

Парень сунул фельдшеру в карман куртки тысячную купюру. Тот сказал: «Спасибо».

– А если кровь не остановится, – спросил вдруг парень, – можно снова вызвать?

Ерофеев, который в этот момент пропускал стажерку из квартиры, остановился.

– Вы сами абсурдность этого вопроса не ощущаете? Если будет идти кровь через час, когда снимете повязку, то можете вызвать. Но лучше не трогайте ничего, ведь мочиться повязка не мешает. Главное, не тяните с визитом к урологу.

– Я понял.

Ерофеев закрыл за собой дверь. Таня в лифте тихонько спросила:

– А за деньги ничего не будет?

– Не будет, – ответил Саша, – если болтать не будешь.

– А брать можно?

– Вымогать нельзя. Условия вроде: «Бесплатно лечим по стандарту, а так, как вы хотите, стоит дорого» – ставить нельзя. Это скотство. Но если сами предлагают или суют в карман, то смотри, у кого берешь. Одно дело – вот этот мажорик, которому деньги распирают кошелек, и другое, когда тебе пенсионерка одинокая, извиняясь, двести рублей протягивает. У меня рука не поднимется взять. Просто думай: когда, где, от кого. Совесть подскажет.

На первом этаже, когда выходили из лифта, «крякнул» телефон. На экране высветился адрес.

– Куда нам дали? – спросила Таня, высунувшись в окошечко перегородки в машине.

Ерофеев, не оборачиваясь, сказал так, чтобы слышал и водитель:

– Речной вокзал. К причалу. Пароход «Профессор Звонков».

– А что там? – Таня не дождалась, пока Саша озвучит повод.

Почему она всякий раз спрашивала? Просто само собой так выходило.

– Там мужчина сорока пяти лет от роду с травмой ноги, – ответил терпеливо Ерофеев, но как бы намекая: «Чего спрашивать? Приедем – увидим».

– А ты не знаешь, кто это – профессор Звонков?

Ерофеев молча протянул Тане компьютер-планшет.

– Посмотри в Интернете. То, что он не медик, – это наверняка.

Таня зашла в Интернет и, возвращая планшет, сказала:

– Действительно, не медик. Это специалист по водному транспорту еще в СССР. Василий Васильевич Звонков – профессор, академик, его именем теплоход называли еще в 60-е годы. Мы этот теплоход увидим сейчас.

– Саш, а ты бы хотел, чтоб твоим именем теплоход назвали? – спросил водитель.

– Нет, – довольно хмуро сказал Ерофеев.

– Почему?

– Я не собираюсь умирать. А при жизни героя пароходам его имя не дают.

– А представляешь, ходил бы по Волге теплоход «Фельдшер Ерофеев», и люди бы спрашивали: «Кто это такой?»

Таня тихонько хихикнула, чтобы Саша не услышал. Но подумала: «А что, вот работают люди, себя не жалеют, профессионалы. А кто помнит о них? Почему вот какого-то профессора увековечили в имени теплохода, может, даже какого-нибудь академика, врача тоже так помянули? А простые фельдшеры или медсестры? Они что, не заслужили?»

Водитель продолжил:

– И вот, как девушка наша, лезли б в Интернет, а там: «Фельдшер Ерофеев – работник скорой помощи и бла-бла-бла... спасавший героически...»

– Мне было бы все равно, – сказал Ерофеев. – Все равно тогда, все равно и сейчас. И вообще хватит трепаться.

Машина уперлась в шлагбаум служебного въезда на территорию речного порта. Из будки вышел охранник, поглядел в салон через окно.

– Езжайте до главного здания, там – направо и увидите теплоход. Вас ждут у трапа.

Поднялась красно-белая штанга. Машина скорой помощи, сверкая маячками, покатилась по аллее.

– Сирень⁴⁶ включить? – спросил водитель.

– Зачем? – терпению Ерофеева не было предела. – Для понту? Шума тебе мало?

Теплоход только издали казался большим бело-голубым красавцем. Когда Таня прошла по трапу и ступила на палубу, увидела проступающую сквозь белую краску ржавчину, ощутила, как играют доски под туфельками, услышала скрип отворяемых дверей. Да, чувствуется, что это корыто построено еще в 60-е годы и ему уже больше полувека.

В каюте было невероятно тесно, потому что она, рассчитанная на двух пассажиров, вмещала четверых. Один пассажир лежал, упершись ногой в стену, а еще трое стояли рядом и смотрели на подошедшую бригаду.

Ерофеев осмотрелся, поставил ящик в коридоре, сказав негромко Тане: «Жди тут».

– Я буду очень признателен, господа, если хотя бы двое из вас освободят каюту и дадут мне пообщаться с больным и осмотреть его.

Он произнес эту тираду негромко, но все трое созерцающих пострадавшего и его ногу, закованную в палки и тряпки, повернулись и выскочили из каюты.

– Благодарю, не уходите далеко, вы мне еще понадобятся.

Саша жестом подозвал Таню:

⁴⁶ Сирена. Ее иногда называют «дуделка», «крякалка», «цветомузыка», «люстра».

– Возьми ножницы в ящике и убери эти конструкции с ноги.

Пока стажерка выполняла распоряжение, он принялся расспрашивать травмированного. И вот что тот рассказал.

Он с друзьями, теми самыми, что ожидали в коридоре, рыбачил в низовьях Волги и поймал огромного сома. «Ну, гигантский зверюга!» И вот этот монстр потащил мужчину за собой. Может, и утащил бы совсем, да в бочажине⁴⁷ нога рыбачка застряла в чем-то.

– Вроде капкана. Я ничего понять не мог. Леску на руку намотал, потому что удилище пополам, это ведь углепластик! А он тянет, тварь, я ноздрями в воде. Орать хочу – не могу... Нога намертво. Думал, все... – рыбачок крепким словом обозначил перспективу. – Хорошо, ребята подлетели – у нас лодка моторная – и лесу-то обрезали. Я торчу из воды буйком... Хорошо, вода не очень холодная, мелководе, но дно илистое. И там, как я понял, коряг видимо-невидимо! Вот в одну такую нога и влетела. Больно так, что в глазах искры.

Ерофеев слушал не перебивая, с совершенно серьезным видом.

– Ребята нырнули, кое-как ногу из коряги вынули. Долго ковырялись. Пришлось и сапог резать, и гидру тоже...

Ерофеев кивнул.

– А как достали, вот... обе кости пополам.

– Давно это было?

Саша осматривал багровую опухшую голень.

– Третий или четвертый день сегодня.

– Я не понял. Вы прошли мимо нескольких крупных городов, почему там не сошли на берег?

Рыбачок пожал плечами.

– А я не знаю... Они меня сперва на лодке до причала, а там этот вот корабель стоит, и свободная каюта есть. Договорились с капитаном, он подождал немного, пока ребята вещички собрали...

– Погодите, но боль ведь должна быть... Как вы это все терпели?

Рыбачок запустил руку под койку и выкатил пару пустых бутылок.

– Вот, обезболивали...

– Вы хоть закусывали?

– А как же, ребята бутерброды из буфета приносили.

– А вот эти лангеты когда наложили?

– А сразу. Из удилищ соорудили и остатками гидрокостюма обмотали. Порезали на ленты. А что? Что-то неправильно?

– Да нет, все правильно. Зря только не сошли в Ярославле или Саратове. Или где вы там были. Вам бы уже и рентген сделали, и, может быть, операцию. А теперь не знаю, что там. Гематома огромная. Сосуды порваны.

– Ногу могут отрезать? – побледнел рыбачок.

– Не знаю. Сейчас шину наложим нормальную. И поедем.

Ерофеев выглянул в коридор к Тане и товарищам пострадавшего.

– Беги в машину, отнеси ящик, бери водителя, пневмошину⁴⁸ и волокушу⁴⁹, а носилки пусть приготовит у трапа.

⁴⁷ Яма на дне реки с корнями и корягами.

⁴⁸ Надувное приспособление для фиксации сломанной конечности в неподвижности.

⁴⁹ Специальное мягкое средство с ручками для переноски пострадавших в неудобных местах – узких коридорах или по лестничным пролетам.

Водитель загрузил больного в салон, а один из компании рыбаков вдруг с криком «Подождите!» умчался на теплоход. Таня измеряла давление. От рыбачка несло таким жутким перегаром, что у нее слезы на глаза наворачивались.

– Зачем же вы столько пили? – спросила она.

– Я не пил, – сказал пострадавший, – я лечился. Вася сказал, что помереть могу от боли...

– И сколько «лекарства» вы приняли?

Рыбачок принялся загибать пальцы.

– На четверых одиннадцать бутылок.

Таня недоверчиво усмехнулась.

– Не верите?

– Почему? Верю... То есть вы один четыре бутылки выпили? Два литра водки? Это очень много.

– Четыре по ноль семь, девушка, это почти три литра – два восемьсот. Зато вот как-то пережил. Я тогда в воде боли не чувал: в горячке да от холода... А как понеслись на лодке, так я каждый толчок замечал. Несколько раз сознание терял. Хорошо, у нас было... Да и с парходом этим повезло. А то конец бы мне.

В салон скорой распахнулась дверь, и на пол плюхнулся огромный резиновый мешок.

– Это что? – спросил с переднего кресла Ерофеев. – Вещи его?

– Не! Улов! Рыба тут! Щука, судак, пара сомов, севрюга.

– Стухла небось? – усомнился Ерофеев. – Которые сутки?!

– Да ни фиги! В камбузе во льду лежала! А в жабры мы хлебного мякиша с водкой натолкали! Да крапивным листом переложили. Забирайте!

Рыбачки прощались с товарищем.

– В какую больницу повезете?

– В Склиф, – сказал Саша.

В приемном отделении рыбачок в ухо Ерофееву задышал:

– Рыбу заберите. Это вам.

– До утра не долежит, – сказал фельдшер. –хлопотно. Может, родные заберут?

– Да нет никого, – шептал пострадавший. – Жена с детьми в Доминикане... Вернутся через неделю. А меня, эх, угораздило! Забирайте рыбу – пропадет. Раздадите друзьям.

В машине Ерофеев сказал категорично, повернувшись к стажерке:

– По дороге на подстанцию заедем к тебе, отнесем рыбу.

– И что я с ней буду делать? – удивилась Таня. – Зачем мне столько?

– Мне тоже некуда девать.

Ерофеев повернулся к водителю:

– Возьмешь рыбу?

– А много? Что там?

– Там килограммов тридцать или все сорок. Я прикинул. Несколько щук, сомы, судаки, стерлядка...

– Стерлядку возьму, – сразу сказал водитель, – через два часа смена кончается.

– Морда треснет, – отказал Ерофеев. – Щук заберешь. Ухи наварить. И сома. Стерлядку Тане отдадим. Она без зарплаты работает!

– А сам чего не возьмешь?

– Возьму пару судачков – небольших. Мне хранить негде.

Пока препирались, доехали до Таниного дома.

Младшая сестра – Вика – удивленно встретила сопящего от натуги Ерофеева.

– Это чего?

– Ванну наливай! Холодной водой.

Младшая сестра послушно метнулась в ванную комнату, и там зашумела вода. Саша принялся вываливать рыбу. Темные туши плюхались на дно. Чуть шевелили хвостами.

– Надо же, живые еще!

– Что мы с ними делать будем? – в спину сестре спросила Вика.

– Вечером папа с мамой придут – разберемся, – пожала плечами Таня. – Так получилось. На подстанции Ерофеев двух рыбок затолкал в морозилку на кухне. Водитель унес шук.

Таня стояла рядом с фельдшером и ждала ценных указаний.

– Чего ты?

– Ну, я спросить хотела. Про дядьку этого.

– Ну, спрашивай.

Судачки наконец улеглись в ящик. Ерофеев захлопнул дверцу морозилки.

Таня, перебивая сама себя, начала быстро задавать вопросы, как обычно, когда ей что-то было непонятно.

– Вот он ногу сломал. Там закрытый перелом большой и малой берцовых костей в средней трети? А еще там большая гематома. Видно, сосуды порвались? А чтобы шока не было, он водку пил?

Ерофеев кивал молча.

– А вот они ему там типа шины наложили из палок. А это правильно? А почему мы ему наркотики не ввели? Хотя бы внутримышечно. Или ты что-то сделал? А зачем мы заменили их самодельные шины на нашу?

– Все?

– Все.

Ерофеев поставил кипятить чайник.

– По порядку. У него перелом обеих костей голени в средней трети, возможно, с повреждением сосудов, артерий голени. Напряженная гематома. Ногу он может потерять. НЕ обязательно, но риск большой. Если порвана была артерия, то в стопе почти наверняка за эти сутки началась гангрена. Сейчас его взяли на операционный стол, выпустили кровь из тканей и межфасциальных карманов⁵⁰, может быть, сшили сосуды, и если артерия цела, хотя бы одна, то попытаются спасти ногу. Теперь насчет шин из удилищ. Рыбаки эти – люди опытные и все сделали правильно, кроме одного.

Таня наклонила голову, как умная собака с неммым вопросом: «Чего именно?»

– Кроме того, что не надо было его тащить до Москвы, следовало сойти в первом же крупном городе. Там, где наверняка есть больница с травматологией и реанимацией. Любой областной центр. Главная их ошибка именно в этом, но я полагаю, что им помешала водка. Они просто спали. А когда просыпались, теплоход плыл дальше. Теперь насчет наркотиков. Для чего мы их делаем?

– Чтобы предотвратить шок.

– Правильно. А у него была угроза развития шока уже на третьей сутки?

– Нет, он же водку пил, – поняла Таня.

– Если только токсический, от перепоя. Но, как я понял, они его хоть и заливали, но помногу. Сколько он выпил?

– Почти три литра, – сказала Таня. – Это по-умному?

Ерофеев сделал круглые глаза.

– Это слишком. Как бы к нему «белочка» завтра не наведальась.

– Какая белочка? – не поняла Таня. – О чем ты?

⁵⁰ «Карманы», ограниченные фасциями и образующиеся между мышцами при кровотоке. В таких «карманах» собираются «затеки». Иногда это кровь, иногда лимфа, а может быть и гной.

– Белая горячка, как после запоя. Ты знаешь, сколько ему хватило б водки, чтобы избежать шока?

– Нет. Сколько?

– Два стакана в день. Утром и вечером по двести граммов. Это по максимуму. А они явно перестарались. Понятно теперь, почему плыли до Москвы. Проспали все на свете, может быть, и ногу.

Комментарий специалиста

Два довольно разных случая, объединенные только наличием кровотечения.

Разрыв уздечки полового члена – явление нередкое и может происходить из-за излишней торопливости, врожденно короткой уздечки (анатомического дефекта), а также недостаточной увлажненности женского органа во время секса. Также часто это случается, как описано в рассказе, при первом половом опыте у девушки и недостаточном опыте у мужчины, переоценивающего свои возможности. Кровотечение при разрыве уздечки длительное, и связано это с тем, что пещеристые тела пениса богаты тучными клетками, которые выделяют гепарин. Поэтому кровь, циркулирующая в этом органе, не сворачивается в течение 10–15 минут. Именно на это время требуется прижать и держать пальцами место разрыва, чтобы кровотечение остановилось и рана закрылась.

Теперь о случае с переломом обеих костей голени.

Закрытым переломом. Отломки большой и малой берцовых костей довольно острые, и опасность такой травмы в первую очередь в том, что артерии, которые проходят в глубине голени между мышцами и костями, могут быть порваны этими отломками. Диаметр артерий голени небольшой – 3,5–1,5 мм⁵¹. Но, кроме артерий и вен, идущих вдоль костей, имеются еще и перфорантные вены, которые расположены поперек и соединяют наружные и глубокие вены. При переломе обеих костей голени в средней трети чаще всего разрываются сосуды рядом с отломками костей, и кровь изливается в межмышечное пространство, под кожу и пропитывает ткани. Давление гематомы идет на мышцы, нервы. Нарушение кровоснабжения тканей стопы может привести за сутки к необратимым изменениям, атрофии и некрозу тканей, а если присоединится инфекция, то и к гангрене. Поэтому главной ошибкой рыбаков было стремление везти пострадавшего непременно в Москву, в результате чего они потеряли много времени. Более серьезной ошибкой было бы наложение жгута на бедро. Злую шутку с рыбаками сыграла и водка, которая не только выполнила роль анальгетика, но и опьянила, притупила бдительность и понимание серьезности ситуации.

Информация для немедиков – участников событий

На что нужно обратить внимание?

Закрытый перелом двух костей предплечья, голени или трубчатой кости плеча или бедра опасен в первую очередь тем, что острые края сломанных

⁵¹ Цифры даны в порядке уменьшения, потому что артерии тем тоньше, чем ниже они находятся от бедра. В области голеностопа диаметр артерии не превышает 2 мм.

костей режут мышцы, связки и сосуды. Признаками полного перелома участка конечности являются появление «ложного сустава» или явной деформации конечности, боль в месте перелома и невозможность управления конечностью.

Что нужно делать?

1. Необходимо приложить холодный предмет к месту перелома или обработать этот участок специальным охлаждающим спреем.

2. Нужно иммобилизовать (обездвижить) конечность с помощью лубка⁵², для которого подойдут дощечки, дранка⁵³, ровные ветки (с обрезанными сучками), собранные в пучок, сложенный в несколько слоев гофрокартон от коробок из-под бытовой техники. Задача – обеспечить максимальную неподвижность отломков кости относительно друг друга и мягких тканей. Для прибинтовывания лангеты годится любая эластичная лента: бинт марлевый, бинт эластичный, клейкая лента, скотч, полоски любой прочной ткани или разрезанный на ленты неопреновый гидрокостюм.

3. После проведения иммобилизации необходимо вызвать скорую с поводом «ПЕРЕЛОМ» и с указанием места – перелом чего: «БЕДРА», «ПЛЕЧА», «ГОЛЕНИ» или «ПРЕДПЛЕЧЬЯ». В двух последних случаях, если очевидно, что сломаны две кости, нужно добавить: «ЗАКРЫТЫЙ, ДВУХ КОСТЕЙ».

4. В случае если нет связи или нет возможности вызвать скорую непосредственно к месту происшествия, например в лес, необходимо обеспечить транспортировку пострадавшего к дороге или ближайшему населенному пункту.

5. При наличии транспорта необходимо доставить пострадавшего в ближайшую больницу, даже если в ней нет отделения травматологии. Сотрудники больницы проведут профилактику болевого шока и самостоятельно организуют перевозку пациента в профильную клинику.

6. Допустимо в качестве противошоковой терапии использовать алкоголь, если очевидно, что в течение ближайших 12–24 часов не удастся доставить пострадавшего в медучреждение. Норма – 2–3 мл водки (или любого другого сорокаградусного алкогольного напитка) на 1 кг веса пострадавшего.

⁵² В данном случае твердая лечебная повязка, шина.

⁵³ Старорусское название «надранных» досточек, которыми покрывали крышу как черепицей.

Голова – предмет темный...

История девятая, в которой Таня с доктором Сомовым встречаются ишемический инсульт, а водитель не понимает, почему его заставляют таскать носилки.

День на день не приходится. Таня выходила на дневные дежурства через сутки, а фельдшер Ерофеев работал по какому-то странному графику: то сутки через двое, то вдруг в ночь. Она спросила: «Почему так?» Он ответил коротко: «Начальство попросило дырки прикрыть – пора отпусков». И бывали дни практики, когда Таня попадала на другие бригады, к другим медикам. Тут уже не спрашивать приходилось, а отвечать и все, чему научил Ерофеев, выдавать. Ей не понравилось работать в бригаде реанимации, потому что они или сидели, ожидая «профильный» вызов полдня, или уезжали на несколько часов, а ей поручали только бумажки заполнять да шприцы набирать. Ходила третьим лишним и стеснялась что-либо спросить, а сами БИТы ничего не объясняли. Выполняла, что прикажут.

В этот день она, как обычно, приехала к восьми, переделалась, подошла к диспетчерской. Там ее застал старший врач подстанции Виктор Васильевич Сомов. Он посмотрел на стажерку и сказал:

– Э... девушка... – он забыл ее имя. – Ты свободна? В смысле, еще ни с кем?

Видимо, по рассеянности он не осознавал всей двусмысленности своих вопросов. Но так как Сомов, с его лицом старого бассета и усталыми глазами, никакой пошлости никогда бы не сказал, Таня поняла его совершенно буквально:

– Нет, Виктор Васильевич, я еще ни к кому в бригаду не вписана. А вы что-то хотели?

– Нет... Да... В общем, поедете со мной? У меня вызов, а мой фельдшер если и выйдет, то только с девяти.

Он наклонил голову, чуть улыбнулся, отчего еще больше стал похож на старого бассет-хаунда с грустными глазами.

– Тут рядом.

– Давайте поедем. Вещи в машине?

– Да...

Сомов отдал девушке карту, и она увидела повод – «головокружение, женщина, восемьдесят три года».

– А потом приедем и, если захотите, пересядете на другую бригаду.

– Мне кажется, вы очень устали, Виктор Васильевич? – Таня добавила чуточку вопросительной интонации в голос.

– Ну да... Сейчас отпуска, оставлять бригады незакрытыми не хочется. Вот в выходной и я подрабатываю. А ты-то чего вышла в субботу?

– Через день, все по-честному.

– Все бы всегда так – по-честному, – вздохнул Сомов.

Таня знала, что некоторые девчонки отлынивали от дежурств.

Водитель ворчал в машине. Терзал стартер. «Не успел прийти на смену – вызов! Нынче ж лето! Чего они, совсем оборзели?! Дергают и дергают!»

– Володя! – сказал Сомов, залезая в кабину на переднее сиденье.

– Чего? – спросил водитель, слушая мотор.

– Заткнись и поезжай по адресу. Раз вызвали, значит, надо ехать.

– А чего дали? – не унимался водитель. – Опять херню какую-нибудь? Пятки чешутся или голова кружится?

Сомов разозлился:

– Твое какое собачье дело? Езжай на вызов и оставь нам нашу работу. Свою выполняй как положено.

– Да надоело по ерунде мотаться! Только и гоняем: то давление, то горло болит, то ракушнику врач забыл наркоту выписать. Это ж не наша работа.

Сомов повернулся к Тане:

– Э... девушка, вот запомните: никогда не обсуждайте больного и происходящее на вызове с водителем.

Таня криво улыбнулась. Ей не понравился разговор с водителем. Хорошенькое начало дежурства. Сидит пузырь за рулем и брызжет злобой. Ему самому-то не противно?

– А с кем им еще разговаривать? – гоготнул шофер Володя. – Неужели вам нравится делать не свою работу?

– У меня нет «не своей работы». – Таня услышала в голосе Сомова металлические ерофеевские нотки. – Кстати, у тебя тоже. Потому что твоя работа – это кратчайшим путем и максимально быстро доставить бригаду по адресу, а не рассуждать, к кому нужно, а к кому нет. И ты сейчас заткнешься и мнение свое засунешь себе сам знаешь куда, иначе я в понедельник напишу начальнику колонны докладную о твоей профпригодности в линейной бригаде. Уяснил?

– Злой вы, Виктор Васильевич!

Водитель замолчал.

– Спецсигналы! – сказал Сомов.

Водитель щелкнул переключателями, улицу наполнил звук сирены.

– У тебя семь минут, чтобы не опоздать. Ты меня злого еще не видел.

К подъезду Таня бежала вприпрыжку за врачом, который нес ящик.

– Он вас сильно разозлил?

Сомов обернулся и улыбнулся. Стажерка удивилась. Обычный флегматичный бассет. Как он мог так жестко отвечать?

– Нет худа без добра. Он мне сон разогнал. Небольшая адреналиновая стимуляция. Я не злюсь.

Таня до сих пор только один раз работала с Сомовым – это было в самом начале ее практики, – и сравнивать старшего врача было не с кем, разве что с Ерофеевым. Однако поводы вызовов фельдшерских и врачебных сильно отличались, и в то ее первое дежурство с Сомовым он сделал подряд несколько детских вызовов, а потом отпустил стажерку домой.

На вызове Сомов будто включал скрытую внутри лампочку. Как бы ни были взволнованы или раздражены родственники, появление громадного врача со спокойным лицом, уверенными движениями и голосом диктора центрального телевидения рассеивало любой негатив. Таня тоже ощутила эту ауру уверенности и спокойствия.

– Ну, – сказал Виктор Васильевич, осматривая неприбранную комнату. – Кто мне поведает, что произошло?

Он раскрыл ящик и первым делом натянул голубые латексные перчатки. Повернул голову к Тане:

– Заполни пока карту, потом померь давление.

На диване лежал мужчина по виду лет пятидесяти, довольно упитанный и совершенно непохожий на женщину восьмидесяти трех лет (как было указано в карте вызова). Таня нашла старушку на кухне и выяснила, что вызывала-то она «03» сыну, а назвала свои данные.

– Я встать не могу, – хрипло сказал лежащий на диване. – Все плывет. Хотел на дачу ехать, проснулся вот... Мама! – громко сказал он. – Мама! Дай докторам на что сесть.

Старушка принесла две табуретки. Сомов и Таня присели.

– Ну, не можете встать, и не надо, – согласился старший врач. – Осмотрим лежа. Поднимите руки и ноги повыше.

Он откинул одеяло, и мужчина послушно поднял конечности.

– Держите, сколько сможете. Пока силы есть или пока я не скажу опустить.

Сомов наблюдал, как левые рука и нога медленно опускались, тогда как правые конечности мужчина держал уверенно.

– Чудесно, – сказал врач, а Таня уловила в голосе интонации доктора Ливси из мультика «Остров сокровищ», – теперь оскальте зубы. Замечательно, – добавил он, увидев кривую ухмылку, – теперь высуньте язык как можно дальше. Прелестненько, – оценил он красную загогулину языка, прижавшуюся к правой щеке.

Потом Сомов посмотрел в зрачки больного, попросил глазами следить за пальцем и поводил им вправо-влево.

– М-да, – резюмировал он осмотр. – Анечка, радость моя, померяй ему давление и пульс, а я пока наберу полезные лекарства.

Сомов любил использовать такие малоосмысленные сочетания вроде «полезных лекарств» или «страдающих больных».

– Виктор Васильевич, я – Таня, – поправила стажерка старшего врача.

– Хорошо, – согласился тот, – однако от этого ты не перестала быть «моей радостью».

Он набирал шприцы.

– Ну, что там?

– Сто шестьдесят на сто, пульс – шестьдесят шесть.

– Это многоватенько... Что ж вы так, батенька? Давление давно повышается?

– А я его мерил? – хрипло ответил мужчина. – Ребята, тошнит – не могу, сделайте что-нибудь.

– Танюш, ты сделаешь? Надо – в венку.

– Катетер будем ставить?

Таня решительно полезла в ящик за перчатками.

– Ну, если тебе хочется – поставь, – не стал спорить Сомов. – Ты умеешь?

Таня гордо кивнула. Однажды Ерофеев пожертвовал свои толстенные вены и заставил ее перепортировать несколько катетеров, но научиться «ставить вену» а главное, избавил от страха перед этой манипуляцией.

Катетер она поставила с первой попытки, не замечая текущего по лбу пота.

– Готово! Можно вводить.

– Вот, держи.

Сомов на живот мужчины положил набранные шприцы.

– Вводишь церукал... Не спеши, тут немного, потом мексидол, дальше эуфиллин, а «на закуску» – медленно-медленно – магнезию. А как закончишь его «жарить на медленном огне», вот еще и лазикс.

Сомов разогнулся и позвал громко:

– Мамаша!

Явилась старушка.

– Баночку литровую приготовьте, пожалуйста.

– Это для чего? – осведомилась она.

– Сыночек ваш сейчас много писать будет, а в туалет мы его не пустим. Вот в баночку и помочится. Танюш, катетер закроешь, и померяй опять давление и пульс.

– Сто тридцать на шестьдесят! – радостно сообщила стажерка.

– Голова прошла, – доложил мужчина, – муть в глазах исчезла. Эй! Да я в порядке!

Чудеса!

Он откинул одеяло и решил сесть на кровати.

– Ой! Ой! – сказал Сомов, бросившись к больному. – Не спешите! Давайте пока полежим!

Таня отошла и уступила свое место врачу.

– Так, повторим осмотр. Лежим на спине, руки и ноги вверх! Держим, сколько сможете. На этот раз левые рука и нога не опускались.

– Изумительно, – заключил Сомов. – Улыбнулись, язык вперед...

Ровный оскал и прямой язык убедили старшего врача, что неприятные симптомы прошли.

– Теперь есть можно?

Мужчина очень хотел подняться.

– Есть? Можно. Только осторожно. Ножки спускаем и сидим. Посмотрите на меня. Сомов изучал зрачки.

– Чудесно, нистагм⁵⁴ ушел. Так. Теперь глаза закройте, руки – вперед и подержите. Мужчина выполнил приказ. Левая рука чуть дрожала.

– Ага, теперь руки расставьте и указательным пальцем правой руки попадите в кончик носа.

Мужчина уверенно попал пальцем в нос.

– А теперь левой.

На этот раз палец уперся в щеку.

– Ага! – сказал Сомов. – Ну, понятно. А что вы вчера ели?

– Я вчера ел, – сказал мужчина.

– Не сомневаюсь, – произнес Сомов, – на голодающего вы не похожи. Так что же вы ели вчера? На обед? На ужин?

– Ну... я это заказал... Там варили, жарили... потом принесли. Я ел!

Сомов уставился на мужчину.

– Так, мужчина, что это?

Он показал обнаруженную на столе вилку, которой раньше пользовался для определения рефлексов.

– Чтобы есть, – сказал мужчина, – как обычно.

– Называется это как?

– Ну как называется... – Больной задумался. – Я же знал... Это такая железная штука, чтобы на нее накалывать мясо и класть в рот. Вот эта штука.

– Одним словом – штука?

Сомов не улыбался. Таня встревожилась. С мужчиной явно было что-то не то.

– Ну да.

Сомов подошел и показал на табурет.

– А это как называется?

⁵⁴ Непроизвольные горизонтальные колебания глазных яблок при движении ими вправо-влево, подергивания.

– Это? Деревянная штука для того, чтобы сидеть.

– Я не спрашиваю, для чего она. Как она называется?

– Штука, – уверенно сказал мужчина. – Я хорошо себя чувствую. Мне надо ехать, это... чтобы собирать там...

Сомов повернулся к старушке.

– Ехать надо, только вот в другое место. Мамаша, соберите ему спортивный костюм, чтобы носить, зубную щетку, чтобы зубы чистить, и трусы, чтобы было на смену, еще тапочки и майку. В больницу поедem.

– Зачем? – спросил больной. – Голова не кружится. Не тошнит.

Сомов усмехнулся.

– Хоть голову называете правильно. У вас, дорогой мой, инсульт. Понимаете? А, да, вы же названия не помните. В общем, парализовало вас. Мы немного полечили, но полностью мозг в норму не пришел. Это понятно? Вы забыли названия предметов. Это вот – вилка, а это – табурет, а вот это – банка, а совсем не штука, в которую наливают... Впрочем, налить ничего не хочется? Мочу, например?

– Хочу.

Больной рассматривал банку, которую перед ним держала Таня. Он, не вставая, наполнил посудину.

– А можно не ехать в больницу?

Старушка тоже с надеждой подскочила к Сомову, но только молча смотрела.

– Когда Гиппократ спросили, можно ли есть волчьи ягоды, он ответил: «Можно, только отравитесь!» Можно не ехать, только тогда парализует окончательно, а сейчас есть шанс выкарабкаться и вспомнить названия предметов, а не только их назначение, – спокойно, немного иронично объяснял Сомов. – Голубчик, инсульт – это когда в голове у вас кровь не питает некоторые участки мозга из-за тромба или сужения, и то, что после лекарств вам стало легче, дает надежду на восстановление функций, если старательно и правильно лечить. А делать это можно только в специальном отделении. Такая вот штука.

Госпитализация прошла не без приключений. Долго убеждали мужчину лежать на волокуше. Потом он хотел непременно сидеть на носилках, и водитель не соглашался ехать, пока тот не ляжет. В приемном невролог от восторга чуть не прыгал – довольно редкий случай, будет чем порадовать студентов. Потом водитель Володя, уже по пути из больницы, ворчал:

– На хрен было этого кабана тащить, спину рвать? Сам бы отлично дошел до машины.

Сомов повернулся к Тане.

– Ты тоже так думаешь?

– Нет, – покачала она головкой. – Я думаю, почему его парализовало во сне? Ведь получается, что он уже проснулся с инсультом? А если бы он был один дома?

Ее передернуло.

– Жуть! Так вот лежишь, встать не можешь... и некого позвать на помощь. Он же мог умереть!

– Так обычно и бывает. Тебе объяснить?

Таня улыбнулась и кивнула.

– Ну, давай по порядку. Дядька, как сказал весьма метко наш водитель, – кабан. Избыточного веса в нем килограммов тридцать. Как он нам попытался объяснить, вчера он заказал, а ему варили и жарили... то есть он съел первое и второе. Не могу утверждать, но полагаю, что ему еще наливали и он пил... хотя сейчас алкоголем не пахло. Дядька явно не дурак поесть и выпить, свининку любит... Давление у него скачет, но он на это внимания не обращал. Думаю, он и солонинку уважает, и пивко с воблой или чипсами. Так что в группе риска по гипертензивной болезни и, вот как мы видели, по инсульту. За ночь все его жирненько-солененькое всосалось в кровь, отчего та загустела, соль притянула воду, и давление подскочило, да еще и

почки отреагировали на вязкую кровь – подбросили ренин⁵⁵, поэтому сто шестьдесят на сто с утра. Так?

Таня опять кивнула, как китайский болванчик.

– Надо полагать, в правом полушарии у него уже имелись проблемы с кровообращением, но до поры себя не проявляли. И вот утречком он пытается встать, чтобы ехать на дачу. Но не тут-то было. Пока лежал, крови более-менее хватало мозгу, а как встал, так сразу и стало не хватать. Мышцы заработали, положение тела изменилось. Развилась острая ишемия в правом полушарии, а судя по тому, что он не мог подняться и его тошнило, задеты были область ствола и мозжечок. Что первым делом происходит при ишемии?

– Отек, – коротко ответила Таня.

– Правильно. Вся его вестибулярная симптоматика была вызвана не столько ишемией, сколько окружающим ее отеком. Причем отек этот, вероятнее всего, затронул височную зону или затылочную, около мозжечка. И как только мы начали его лечить: снизили давление, расширили сосуды, наладили питание в мозге, а мочегонными активно убрали лишнюю водичку, – так ему сразу полегчало. Но!

Сомов поднял вверх указательный палец, а Таня внимательно на него посмотрела, будто на пальце было что-то очень важное.

– Кое-какие структуры в мозге, вероятно в коре, за то время, что развивалась ишемия, все-таки погибли или отключились. Именно те, где хранилась память названий предметов. Теперь ключевой вопрос нашего Володи: «Зачем мы его несли на волокуше и почему я не дал ему идти своими собственными ногами?» Это не тавтология, Таня, это чтоб наш водитель понимал, что если человека накрыл инсульт при попытке сесть в кровати, то при попытке пешком дойти до машины он его, с огромной долей вероятности, накрыл бы снова. И мы привезли бы в больницу не сохранного дядьку со «штукой» в голове, а «растение» на искусственном дыхании со стволовым инсультом. Ясно? Тебе все понятно с осмотром?

Таня снова кивнула.

– Да, вы его не стали ставить в позу Ромберга – он все равно не встал бы. Поэтому координацию проверяли лежа. А почему все симптомы стволового поражения не стали смотреть? На ногах? Не нужно? Или что?

Она постеснялась сказать: «Поленились, Виктор Васильевич?»

Сомов объяснил:

– Некоторые признаки поражения ствола я увидел: угол рта, глаза, которые дергались при движении, нистагм, язык отклонялся вправо. Для определения диагноза этого достаточно. Если б возникли сомнения, я полез бы к пяткам и смотрел симптомы Бабинского, Кернига с Брудзинским... тыкал бы его иголкой и «щекотал живот» вилкой, но в целом на нашем этапе было ясно, что случилось. Ты, если наткнешься, смотри все, что вспомнишь. А почему?

Таня пожалала плечиками. Это было непонятно. Почему Сомову можно было не смотреть все симптомы, а ей надо все?

– Во-первых, ты ведь сама не повезешь в больницу, бригаду вызовешь?

Таня согласилась.

– А когда приедут спецы, ты им доложишь все, что увидела, что сделала и что изменилось. Поэтому чем точнее и правильнее ты все сделаешь, тем уважительнее отнесутся к тебе как к медработнику и к поставленному тобой диагнозу. Любая динамика в поведении и симптомах имеет значение для прогноза. Так что «голова, конечно, предмет темный», но изучению подлежит.

И тогда Таня задала вопрос, который ей не давал покоя с самого начала осмотра парализованного дядьки:

⁵⁵ Вещество, выделяемое почками для повышения артериального давления через цепочку ферментов.

- Виктор Васильевич, а почему вы у него рефлексы проверяли вилкой, а не молоточком?
Старший врач чуть порозовел и смущенно сказал:
– Ты понимаешь, его кто-то спер...

Комментарий специалиста

Ишемический инсульт от геморрагического отличается плавностью развития. И хотя он может наступить внезапно, в его динамике наблюдается некоторая этапность и даже предпосылки. Это высокое артериальное давление (непривычно высокое), субъективно: шум или звон в голове, головокружение, тошнота. Могут быть онемение кожи рук, ног, лица, проблемы с проглатыванием слюны и чувство першения в горле. Все это указывает на развивающийся инсульт.

Любая мозговая симптоматика (тошнота, рвота, темнота в глазах) – это признак нарушения кровоснабжения мозга, отека мозга, а если при этом нет высокого артериального давления – перечисленные жалобы являются очень тревожными сигналами. Если не принять мер, все может закончиться печально – инсультом самой разной тяжести: от ишемической атаки, которая отступает сама собой (ТИА⁵⁶), до стволового инсульта и комы, из которой уже практически нет шансов вывести больного. В жару инсульты часто случаются после употребления жирной и соленой пищи в большом количестве. Факторы риска: избыточный вес, сахарный диабет, курение, гипертоническая болезнь, повышенное содержание липидов в крови – атеросклероз сосудов, сколиоз (искривление) шейного отдела позвоночника.

Важнейшим фактором в помощи больному с инсультом (любым) является время. И его всегда мало (не более 3 часов от появления симптомов), поэтому либо по «03», либо самостоятельно, но пациент должен быть доставлен в больницу как можно скорее.

Информация для немедиков – участников событий

Острая ишемия головного мозга, или ишемический инсульт (ИИ), может развиваться у любого человека, входящего в группу риска: диабет, курение, хронические болезни легких, мерцательная аритмия, гипертоническая болезнь, избыточный вес, атеросклероз, первые 3 месяца после острого инфаркта миокарда. Характерная особенность ИИ – неторопливое развитие. Часто он случается в жару, после тяжелой работы и потери большого количества жидкости или резкого повышения артериального давления – криза. Например, после сильного стресса. Бывает, что ИИ развивается во время операции, наркоза.

Как определить инсульт?

1. Человек жалуется на головокружение, тошноту, головную боль и слабость в одной половине тела.
2. Он не может уверенно стоять, сдвинув ноги и вытянув руки вперед (в позе Ромберга), при этом падает на сторону поражения, на ту, где слабее нога.

⁵⁶ Транзиторная ишемическая атака.

3. При выполнении пальценосовой пробы (ПНП) (рис. 6) – с закрытыми глазами, стоя или лежа нужно попасть поочередно пальцем в нос (более специфическая проба – поочередно пяткой одной ноги провести по голени другой от стопы к колену) – человек не может попасть в нос пораженной рукой или вообще не может ее поднять.

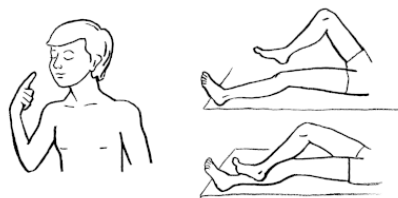

Рис. 6. Выполнение пальценосовой и пяточно-коленной пробы

4. Если пациента просят улыбнуться (оскалить зубы), он выполняет это задание одной половиной рта, вторая – или не работает, или плохо работает. При инсульте симптомы «налицо» – обвисание угла рта и сглаженность носогубной складки, при высовывании языка кончик отклоняется в «больную» сторону (рис. 7).

Рис. 7. При инсульте человек не может равномерно улыбаться

5. Если потрогать кожу на лице, руках и ногах заостренным предметом (иглой, расческой, вилкой), то больной отметит снижение чувствительности с той стороны, где плохо работают рука и нога.

Что нужно делать?

1. Необходимо вызвать скорую помощь с поводом «ПАРАЛИЗОВАЛО».
2. Положить больного, освободить шею и грудь от тесной одежды, голову повернуть набок на случай рвоты.
3. Если есть проблемы с вызовом скорой, а время дорого и имеется транспорт – машина под рукой, лучше всего доставлять «самотеком» в ближайшую крупную больницу. Больного надо уложить на сиденье. До машины перенести больного на одеяле или покрывале – лежа.
4. Пока скорая едет к вам на вызов, развести на полстакана 2 чайные ложки или 2 куска сахара и дать выпить этот раствор, а также открыть окно и обеспечить приток свежего воздуха.
5. Если есть глицин или валериана (экстракт), можно дать несколько таблеток – это немного снимет стресс и страх.

6. Дождавшись бригады скорой, рассказать, какие симптомы вы видели, сколько, по-вашему, времени прошло с начала развития приступа.

7. Помочь бригаде «03» с переноской или организовать мужчин-волонтеров для транспортировки больного на носилках в санитарную машину.

Ничего особенного

История десятая, в которой Таня дежурит на пляже, отбивается от спасателя, а потом и сама спасает утопленника, а на следующем дежурстве в составе врачебной бригады практикантка встречает закрытую черепно-мозговую травму и попутно узнает, что такое «коммунизм».

Середина летней практики. Вторая половина июля. Засуха сменяется грозами, потом – похолодание, пляжи пустеют, но скорая там продолжает дежурить, бессмысленно выстаивая рядом со спасательными станциями с девяти утра до семи или даже девяти вечера. И снова жара, вялые предутренние дожди, духота и пыль. Медикам предписано сидеть в машине в обнимку с ящиком и дыхательным мешком АМБУ⁵⁷ на тот случай, если вдруг придется кого-то откачивать.

Таня больше всего не хотела попасть на такое вот сидение-стояние. И не в том, конечно, дело, что кто-то реально может начать тонуть и придется спасать, а как раз наоборот – в том, что ровным счетом ничего не происходит. Но однажды ей все-таки «повезло». Дежурство на пляже выпало именно ее бригаде. Фельдшер – женщина, с которой в этот день выпало Татьяне работать, – оставила стажерку в машине, а сама, вопреки инструкции, улеглась загорать. Предоставленная сама себе, стажерка скучала в кабине, слушала радио, дремала, изредка к ней подходили отдыхающие с мелкими травмами. Почему-то на нее обратил внимание спасатель, который демонстрировал идеальную бодибилдерскую фигуру, и, видимо раздосадованный тем, что Таня никакого интереса к нему не проявила, подошел сам.

– Привет. – Он осмотрел через открытую боковую дверь салон машины, увидел дремлющего водителя. – А напарница твоя где?

– Привет, – отозвалась Таня. – Где-то тут она, загорает.

– А ты чего не пошла? – спасатель оглянулся, видимо надеясь увидеть фельдшерицу.

– Я – стажер. Она сказала сидеть в машине.

– Стажер? – спасатель улыбнулся. – А ты знаешь, что никто не умеет правильно спасать утопающего? Вот любого тут спроси – ни один не расскажет и не покажет!

Таня оторвала глаза от книги и посмотрела на парня.

– Вот правда, – сказал спасатель и, обрадованный, что сумел-таки обратить на себя внимание, продолжал: – Все, что показывают в кино, – это ерунда... Не верь. Там ведь как показывают? Достали человека из воды, положили на спину и давай вдвухать воздух и качать сердце.

Таня наклонила голову – она думала, что это правильно.

– Вот! – воскликнул спасатель и, ободренный ее интересом, продолжил лекцию: – Нужно сначала воду из легких вытрясти! Понимаешь? Вот давай покажу прямо на тебе.

Он потянул ее за руку.

– А можно не на мне?

– Можно, конечно, – озадачился спасатель. – Только на ком? Давай на водителе?

Но водитель спал на носилках в салоне машины и был бы недоволен тем, что на нем что-то кому-то хотят показывать. Тогда спасатель поглядел на подростка, который неподалеку задумчиво ковырял пальцем ноги песок и о чем-то размышлял.

– Эй! Малой! Поди сюда!

– Зачем это?

Подросток лениво поглядел на спасателя.

– Ну, надо, помощь нужна.

⁵⁷ Ручной аппарат для искусственной вентиляции легких.

Парень сделал два шага по направлению к здоровенному спасателю.

– Ну, подошел.

– Ближе. Да не бойся ты!

Спасатель опустился перед Таней на одно колено. Мальчишка гыкнул.

– Вот сюда подойди и ляг мне на бедро животом вниз. Я фельдшеру скорой помощи хочу показать, как оказывать помощь при утоплении. Помогите мне – изобрази утопленника. Понял? Тебе ведь тоже пригодится. Ну, иди сюда, не дрейфь!

Парень выторговал себе поход в каптерку спасателя, свинцовое грузило от пояса водолаза, дежурную поездку на спасательной лодке с мотором и только тогда подошел и сделал, как ему объяснил спасатель, то есть лег и изобразил утопшего. А спасатель ловко подхватил парня под плечи и поясницу, перевернул лицом вниз и положил себе на бедро, после чего принялся бить кулаками по спине.

– Э-э-эй! По-о-о-о-ле-е-егче-е-е-е! – заголосил парень.

– Молчи, утопленник, – сказал спасатель, – тебя оживляют. Не возражай! Я же не сильно.

Парень утих и продолжал тряпочкой висеть через коленку.

– Вот, надо даже сильнее, чтобы воду выбить максимально: чем меньше ее останется в легких, тем больше шансов оживить. А только потом уже нужно положить на спину и начать искусственное дыхание.

Таня внимательно наблюдала за действиями спасателя. Она вспомнила, как ей показывал Ерофеев тройной прием Сафара: уложить на ровную и твердую поверхность, под плечи и шею подложить валик и максимально откинуть голову назад, чтобы подбородок был на одной линии с грудиной, вытащить язык, освободить дыхательные пути – и после этого, зажав нос, вдвухать воздух в рот, или наоборот – зажать рот и вдвухать в нос. Это искусственная вентиляция легких.

Спасатель, обрадовавшись, что стажерка снизошла до разговора, предложил ей экскурсию по спасательной станции, но Таня сказала:

– Я не могу уйти.

А спасателя уже тянул парнишка.

– Ну, дядь! Ты же обещал на лодке покатать. Ну, поплыли!

– Может быть, на лодке с нами прокатишься хотя бы? – спасатель предпринял последнюю попытку тронуть Танино сердечко.

Но тут за его спиной появилась обгоревшая фельдшерица в светящемся купальнике из зеленой лайкры и сказала:

– Спасатель! Лучше меня прокати! – Спасатель обернулся, встретил знакомые глаза. – Все-таки это моя бригада, а стажеры пусть работают – им дневник надо оформлять.

Фельдшерица подмигнула Тане:

– А я и на лодке прокачусь, и хозяйство ваше осмотрю. Ты ведь мне его покажешь?

В глазах спасателя зажегся огонек сексуального азарта, и он увел сотрудницу «03» патрулировать акваторию, а потом «писать совместный отчет». Мальчишка семенил рядом, помалкивая.

Таня сделала вид, что ничего не понимает. Не ее это дело. Но интерес пропал полностью и к пляжу, и к спасателю... Ясно, что они с этой фельдшерницей давно знакомы и все это дежурство явно было спланировано заранее. Поэтому когда оно наконец закончилось, стажерка обрадовалась несказанно.

Она лучше сходит на пляж просто так – сама, как отдыхающая. Вот сестру возьмет и сходит.

* * *

Жалко было терять погожие солнечные деньки. Кто знает, сколько еще продержится жара?

Сестра Вика, не изменяя себе, естественно, потащила Таню на дикий пляж рядом со старым песчаным карьером. Пойти на официальный городской пляж не давала ее бунтарская натура. «Дикость» состояла в отсутствии спасателей и палаток с фастфудом. Загорающих здесь было не меньше, а вот вода все-таки почище. Хотя бы потому, что не мотались по акватории моторки и неповоротливые теплоходы. Одним из многих неудобств этого дикого пляжа было отсутствие общественных туалетов и кабинок для переодевания. Вика показала Тане «изобретение» – прошитую простыню, с одной стороны собранную резинкой. Надеваешь такой чехол на шею – и спокойно под ним переодеваешься. Таня оценила гениальность. Значит, туда они едут уже в купальниках, а потом переоденутся и поедут домой. Молодец, сестренка!

Таня, несмотря на свою темную «шатенистость», имела кожу молочно-белую, обгорала в один момент на солнце и потому перед каждым выходом на пляж запасалась солнцезащитными кремами и не снимала с головы широкую шляпу даже в воде. Вика, наоборот, любила полежать на солнце и получала идеальный бронзовый загар в первый же день. Несмотря на соломенные волосы, кожа ее была чуть смуглее, чем у сестры. Так уж несправедливо распределились гены, доставшиеся им от родителей. Вика получилась в бабушку по папиной линии, а Таня – в дедушку по маминной. Вот и вышли из дома утречком буднего июльского дня худенькая темная шатенка с белой кожей и серыми глазами и статная блондинка с карими. Кроме этих «достоинств», к тринадцати с половиной годам Вика имела грудь уже не меньше третьего размера и поэтому выделялась рядом с Таней с ее «полвторым».

Девушки по очереди искупались. Немного поплавав, легли на равномерное «прожаривание». Солнце то пряталось за высокими облаками, то распускало лучики. Народ прибывал, и если сперва плед лежал как бы с краю пляжа и поблизости почти никого не было, то постепенно соседей у них заметно прибавилось. Таня читала, а Вика, заткнув уши наушниками-«бананамии», наслаждалась грохотом тяжелого рока, от которого у старшей сестры мозг вскипал через полминуты.

Вика полезла в сумку достать попить и толкнула сестру локтем:

– Тань!

Та, не поворачиваясь, спросила:

– Чего?

– Сходи на берег, глянь!

– Зачем?

– Несут кого-то!

– Куда? Кого? Чего?

Таня приподнялась на локте, но глаза, привыкшие к странице книги в тени шляпы, отказались показать картинку пляжа – слишком ярко!

– Ну, вон, из воды кого-то вынесли за руки-ноги! Не хочешь посмотреть?

Стальная пружина подкинула Таню, и она помчалась к собирающейся толпе. Весьма упитанный дядька лежал на песке без признаков жизни, а другой со всей дури давил ему на грудь – делал непрямой массаж сердца.

– Вы неправильно делаете! – закричала Таня. – Перестаньте!

– Ты больно много понимаешь, – проворчал откачивающий утопленника дядька.

– Да остановитесь вы! Я на скорой... Ну, пожалуйста, остановитесь! – добавила Таня отчаяния в голос. – Послушайте меня!

– Качай сама, – сказал, разогнувшись, дядька.

– Нет! Переверните его на живот! – сказала Таня.

Она стала показывать, как ее учил спасатель.

– Теперь выбейте из легких воду!

Дядька послушно все выполнял, крепко дубася по спине утопленника. Кто-то в толпе выдохнул:

– Профи! Вон – вода вытекает!

– Теперь положите на спину!

Таня оттянула голову утопленнику и приложила ухо к груди. Ей послышалось какое-то слабое шепуршание – то ли есть ритм, то ли нет.

– Я буду дышать, а вы качайте: пять «качков» – один вдох.

Она говорила быстро, пальцами вытягивая язык и ошупывая, нет ли чего в горле. К счастью, нет ни водорослей, ни песка. Зубы у утопленника тоже оказались свои. Таня прижалась губами к холодным губам пострадавшего и с силой выдохнула воздух. Дядька пять раз качнул сердце. Она снова выдохнула в рот утопленнику. После седьмого или десятого выдоха у нее зашумело в голове и поплыли радужные пятна перед глазами. Она разогнулась и попросила:

– Кто-нибудь, помогите, надо еще подышать.

Она поглядела в глаза утопленника и вдруг увидела, что зрачки того затрепетали.

– Стойте! – закричала она. – Послушайте на шее пульс! Он, кажется, оживает!

Утопленник сделал неуверенный вдох, сразу закашлялся, потом задышал и зашевелился. Лицо у него очень быстро из бледного стало свекольно-красным. Он осмотрел собравшуюся толпу. Сдавленно проговорил:

– Охренеть...

Снова закашлялся и попытался лечь на бок или встать.

– Скорую вызвали? – спросила Таня. – Или МЧС?

– Не надо скорую, – сказал пострадавший. – Я в порядке, сейчас оклемаюсь.

Он сел и принялся смотреть на воду.

– Сейчас все пройдет. Голова шумит. А так ничего страшного. Спасибо!

– Вы, конечно, как хотите, – сказала Таня и пострадавшему, и окружающим, – но надо вызвать скорую, надо рентген легких сделать. Если вода глубоко прошла. Понимаете?

Ее понимали... или не понимали. Люди одобрительно посматривали на худенькую растерянную девушку, которая что-то пыталась всем объяснить, но шоу закончилось, можно разойтись.

– Вы все дураки! – завопила Вика. – Если сестра говорит, что нужно вызвать скорую, значит, так и есть!

– Ну и вызывай, – сказал кто-то.

К сестрам подошел «утопленник». Он уже твердо стоял на ногах.

– Успокойтесь, девушки. Не надо никого беспокоить. Я в полном порядке. Сейчас пойду домой и отлежусь. Выпью горячего чаю с коньячком, согреюсь... Все будет хорошо. Я тут недалеко живу.

Таня обреченно всплеснула руками и, чуть не плача, спросила Вику:

– Ну почему люди такие идиоты? У него же пневмония может быть... Ты понимаешь? И там еще что-то происходит в легких от воды, я не помню. Но нельзя ему без больницы.

– «Жираф большой – ему видней», – процитировала Вика любимую папину присказку из песни Владимира Высоцкого. – Как ты его заставишь?

Они смотрели вслед собиравшему вещи пострадавшему.

– Слушайте, дамочки, – обратился тот «спасатель», что выволок из воды и потом откачивал утопленника, – я понимаю, у нас разные возрастные категории, но все-таки одну жизнь мы сегодня спасли. Может быть, отметим?

– Извините, мы не пьем, – сказала Таня, не глядя на добродушного дядьку. – Мы сейчас тоже домой поедем.

– Настроения нет. Понимаете? – сказала Вика.

И дядька отстал.

– Хотя вообще-то он прав. Вы ж его спасли. Этот-то, – она показала в спину уходящего «утопленника», – совсем неживой был.

* * *

На следующий день было назначено дежурство, и Таня умудрилась записаться в ерофеевскую бригаду. Правда, Саша оказался в компании с доктором и они вместе со стажеркой сидели в салоне машины. По плану врач с фельдшером работали до шести вечера, потом врач уходила открывать ночную бригаду, а Ерофеев и Таня оставались до десяти. Все вызовы были «ничего особенного». Почти все к детям: то прыщики на попке, то кашель никак не пройдет, то температурка вроде как поднялась («мне показалось, что он горяченький») и т. п. Кого-то отвезли, кому-то мудрый совет дали... Врач – женщина большая, серьезная, властная. Ерофеев с ней – фельдшер, а Таня смотрелась как «детский сад». Вроде как ребенка оставить было не с кем, вот и катается... Ерофеев ей предложил подписать дневник и уехать домой. День такой. Одни вышли из отпусков, а другие еще не ушли. Таня отказалась. Что дома делать? Сестра притащила подруг – там дым коромыслом. Ерофеев не стал настаивать. Таня рассказала ему вчерашний эпизод на пляже. Ерофеев одобрительно выслушал. Проворчал: «Кое-чему научилась!» Таня пожаловалась, что «утопленник» отказался от скорой помощи. Что она настаивала, а он взял, собрал вещички и ушел. Но она-то знает, что вот так нельзя легкомысленно относиться. Ерофеев ее выслушал и спросил:

– А вот в чем опасность?

Таня пожала плечиками.

– Я думаю, что с грязной водой инфекция попадает, пневмония начнется наверняка.

Ерофеев кивнул.

– Ну, частично да. Но только частично. Главная опасность в том, что вода заполняет легкое, пусть даже не все, а только некоторые отделы, и доходит до конца – попадает прямо в альвеолы и разрушает сурфактант⁵⁸, – сказал Саша и поднял палец. – Это пресная вода. Морская действует несколько иначе. И когда тонут в реках и озерах или даже в ваннах и бассейнах, то главная опасность в том, что вода поступает в кровь и разводит ее. Понимаешь?

Таня кивнула в ответ, но как-то неуверенно. Ерофеев понял, что она еще не понимает смысла сказанного.

– Хорошо. Ты помнишь, что происходило с кровью, когда ты развела лекарство не физраствором, а дистиллированной водой? Ну, припомни: ты взяла преднизолон, одну ампулку,

⁵⁸ Очень важное вещество в легких, обеспечивающее транспорт кислорода и углекислого газа из крови в воздух и из воздуха в кровь.

развела ее не изотоническим раствором, а водой и потом вошла в вену, потянула поршень на себя. В шприц пошла кровь – ты убедилась, что ты в вене. Что с этой кровью случилось?

– Ну, она... Я поняла! Произошел гемолиз! Клетки разрушились! – воскликнула Таня, вспомнив, что кровь тогда мгновенно «взорвалась», то есть обычная ее взвешенность – гуща – исчезла, весь раствор стал розовым – кровь превратилась в красную краску.

– Верно! Только для организма больного та капелька крови, что разрушилась у тебя в шприце, – это мелочь, пустяк. Почки этого даже не заметят. А вот когда вода из озера качается прямо в кровь, гемолиз происходит страшный. И никто не даст гарантий, что уже вчера вечером дядька твой не затемпературил, не пожаловался, что моча идет бурая и вообще очень как-то плохо ему. А уже сегодня он может быть в реанимации и подключен к искусственной почке. Но твоей вины нет никакой – все, что должна была сделать, ты сделала. И замечание правильно сделала, и дышала правильно – не в желудок, а в легкие. Иначе бы вам его ни за что не оживить. А то, что отказался от вызова скорой, – это его дело. Дуракам закон не писан.

После полудня им дали вызов с поводом «мужчина, двадцать три года, кружится голова, теряет сознание». Вызов они получили в дороге и поэтому около подъезда стояли уже через пять минут. Вот что им рассказала мама молодого человека двадцати трех лет, который лежал на диване с грелкой у головы. (Правда, как выяснилось, вода в этой грелке оказалась заморожена.)

Парень всю ночь оттягивался в ночном клубе со своей девушкой. Много ли выпили – то неизвестно, потому что девушка довезла своего ухажера до дома и уехала спать. Все, что мама знает, она буквально клещами вытягивала из сына, который заявился в одиннадцатом часу дня и сразу завалился в постель, сославшись, что ему ушибли голову и врачи сказали прикладывать холод. Кто ушиб? Он ответил, что они там немного подрались в клубе и ему дали по голове чем-то тяжелым, что он даже на пару минут отключился. Пришел в себя он в обезьяннике в отделении полиции, и оттуда девушка повезла его на такси в травмпункт – снимать побои, потому что они написали заявление на тех отморозков, которые напали.

В травмпункте его осмотрели, сказали, что есть сотрясение головного мозга и нужно непременно в больницу. Но он в больницу не хотел, от скорой отказался и поехал на такси домой. А девушка забрала его справку о травме и поехала в полицию дооформить дело, а потом к себе – отсыпаться.

На вопрос врача: «Что же сейчас послужило причиной для вызова скорой, если он не захотел этого сделать три часа назад?» – мама сказала:

– Он меня не узнает и ничего не помнит.

– То есть как ничего не помнит? – удивилась врач. – Вы же сами сказали, что он вам рассказал всю историю. А сейчас говорите – не помнит?!

– Ну да, – сказала мать очень встревоженным голосом, – в одиннадцать он все мне рассказал, а сейчас он не понимает, где находится, кто я, а только отзывается на имя. И вообще он выглядит намного хуже, чем пару часов назад. Мне кажется, что с ним что-то происходит.

Врач повернулась к Тане:

– У тебя, кажется, есть фонарик. Ну-ка, посвети ему в глаза.

Таня выполнила приказ и увидела, что левый глаз широкий и на свет фонарика сужается зрачок, а вот правый – чуть отклонен кнаружи⁵⁹ и узкий (рис. 8).

⁵⁹ Эти слова: «кпереди, кнаружи, кнутри» – используются медиками для обозначения положения или направления и отклонения. Здесь я привел их, чтобы, встретившись с ними в другой литературе или медицинских документах, читатель не удивился и не посчитал это ошибкой.

Рис. 8. Анизокория

Доктор похлопала парня по щекам и потребовала: «Язык покажи, зубы оскаль». Парень, лежа на диване, что-то непонятное изобразил лицом. Он не отвечал на команды. Когда врач попыталась проверить мышечную силу в руках, он подтянулся и сел на постели. Посмотрел одним глазом на синюю форму медиков и произнес что-то типа: «Выбл, слабя, фафлу, пала».

Врач ощупала здоровенную шишку справа на темени и ближе к затылку.

– Так, ребятки... Так, мамаша... В общем, срочно повезем его мы. Прямо очень срочно, потому что все меньше времени остается. Саша, давай звони – бери место на травму черепно-мозговую закрытую, а ты, солнце мое, краса ненаглядная, – врач обратилась к Тане, – беги к машине и волокушу с водителем вместе принеси. Бегом! – Потом Таня узнала, что эта врач всегда, когда волнуется, начинает говорить, как мастер Йода из «Звездных войн».

Таня рванула к лифту, но успела услышать ответ врача на вопрос матери пострадавшего:

– Серьезно очень все! Если его на операцию не отвезти сейчас же – он умрет. Там растет гематома под черепом. Надо ехать было еще тогда – все было бы намного проще и легче, а что будет сейчас – ведомо одному богу!

Когда стажерка примчалась с волокушей в квартиру, она застала Ерофеева, вводящего внутривенно лекарство пострадавшему. Тот закрывал-открывал глаза и фыркал, словно морж.

– Магнезия? – догадалась она.

– Да, – сказала врач, – десять в вену, пять в задницу⁶⁰ и микседол в вену. Саша, лед не забудьте – пусть будет у головы. – Несмотря на давнее знакомство, врач эта всегда и ко всем обращалась исключительно на «вы». Таня слышала, будто сын доктора – известный байкер. И он очень любит свою маму.

Долетели с мигалками и сиреной за десять минут. Врач и Ерофеев стажерку посадили вперед, а сами остались с пострадавшим. Заранее приготовили мешок АМБУ, если вдруг остановится дыхание.

В НИИ им. Н. В. Склифосовского в приемном отделении стоял гвалт. Обычный день. Таня не пошла с Ерофеевым и врачом сдавать парня. Осталась в коридоре. Напротив нее стояла высокая красивая девушка в синем платье и плакала. Девушку утешал парень: он ей что-то говорил тихо и гладил по руке. Таня встретила глазами с плачущей.

– Что у вас случилось?

– А вы тут врач? – спросил парень.

– Нет, – смутилась Таня. – Я на скорой, на практике, мы парня привезли с головой.

– А мы побои снимаем, для полиции, – ответил молодой человек, сопровождающий девушку в синем. – Вику по голове стукнул какой-то дурак.

– То есть как? За что?

– Ни за что, – всхлипнула девушка. – Мы шли в ГУМе. Там народу очень много. Я немножко толкнула там, даже не видела кого, и говорю: «Извините». А он мне как даст кулаком по голове – в глазах аж потемнело.

– Этого «чудака» полиция задержала, а нам велели обратиться сюда, чтобы справку дали о побоях, а они спрашивают полис и паспорт. Ну какой полис? Мы приехали на неделю, а

⁶⁰ По современным стандартам раствор MgSO₄ – 25 % – вводится только внутривенно, однако врачи старой школы и помнят и применяют магнезию внутримышечно на свою ответственность.

паспорт в квартире остался – ждем, пока нам привезут. – Сопровождающий Вику молодой человек говорил немного возмущенно.

– А вы как хотели? – спросил оказавшийся рядом Ерофеев. – Кому справка нужна?

– Вот Вике, – сказал парень, уже понимая, что говорит глупость.

– А откуда известно, что она – это она? – усмехнулся Ерофеев.

– Ну, паспорт – ясно, нужен. А без полиса что, нельзя?

– Без полиса можно, – сказал Ерофеев. – Пока можно. Но с полисом лучше – сразу можно оформить оказание услуг. Все ж денег стоит. И осмотр, и перевязка, и обследование. Зарплата медикам и финансирование больницы собираются из этих денег. Не забывайте, мы уже не при социализме живем. Халява кончилась. Все стоит денег. Только туалет бесплатный, и то не везде.

Таня хихикнула.

– Ничего смешного, – сказал Ерофеев, – мы живем при коммунизме. А что такое коммунизм?

Таня покачала головой, как бы говоря: «Не знаю», а девушка в синем платье и парень улыбнулись.

– Правильно, не знаете. «Коммунизм есть учет и контроль, а также электрификация всей страны»⁶¹. Поехали на подстанцию – нам велено возвращаться и отзвониться из района.

Таня не ушла до шести. Им дали немного передохнуть – попить чаю. И она вспомнила «мудрые мысли», которыми Ерофеев делился в Склифе.

– Разве у нас коммунизм? Ты ведь шутил?

– Ну конечно, шутил. У нас самый обычный капитализм – и мы наблюдаем его звериный оскал... живем в обществе стяжательства, накопительства, обмана и выгоды...

– А ты застал социализм?

– Совсем чуть-чуть... Я при нем родился и ходил в детский садик, а в школе уже только слышал о пионерах и октябрятах. А последние комсомольцы при мне становились современными олигархами или главарями ОПГ. – Ерофеев допивал чай. – Ты домой собираешься?

– Ну да, вот еще на вызов съездим – и сразу домой.

Комментарий специалиста

Две важные темы: реанимация утопшего и закрытая черепно-мозговая травма.

При **утоплении** существует несколько вариантов развития состояния клинической смерти:

1. Рефлекторная остановка дыхания. В этом случае вода не сразу проникает в дыхательные пути, и шансов оживить такого спасенного из водной пучины больше.

2. Утопление в пресной воде или утопление в морской (соленой) воде. Эти виды утопления протекают несколько по-разному и с разным прогнозом.

При утоплении в пресной воде (если вода заливает легкие) происходит проникновение воды в кровь, а там пресная вода вызывает гемолиз – разрушение эритроцитов и развитие острой почечной недостаточности, если пострадавший долго пробыл в воде (например, его

⁶¹ Ерофеев намеренно исказил выражение В. И. Ленина: «Социализм – это учет и контроль», соединив его с фразой: «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны».

долго транспортировали к берегу и не сразу произвели реанимационные мероприятия), а также отсроченного (несколько часов) отека легких. Даже в случае успеха сердечно-легочной реанимации (СЛР) такой человек обречен на длительное лечение в больнице с пневмонией и почечной недостаточностью.

Утопление в соленой воде (например, в море) тоже вызывает тяжелые осложнения, так как соленая вода вызывает отек легких сразу. Поэтому утопление в соленой воде поддается лечению труднее. Главное в реанимации утопленника – не совершить самую распространенную ошибку, из-за которой многих можно было бы, но не удалось оживить. Ошибка в том, что большинство забывает первым делом выдавить или выбить из бронхов и легких воду, а уже только после этого при необходимости начинать массаж сердца и искусственное дыхание (30:2)⁶². Нередки случаи, когда для приведения человека в чувство достаточно освободить ему бронхи от воды. Все-таки если изначально человек здоров, то он весьма живуч, а удаление воды – это то малое, чего хватает для возвращения с того света.

Во всех случаях удачной доврачебной помощи, оказанной даже профессиональными спасателями, пострадавший должен быть госпитализирован, ибо прогноз всегда непредсказуем. Осложнения же очень вероятны.

Закрытая черепно-мозговая травма частенько оказывается нераспознанной, и человек доставляется в нейрохиргию, когда уже упущено время.

На что нужно обращать внимание при ушибе головы в первые минуты или час после постановки диагноза «сотрясение головного мозга» или «ушиб мозга»?

1. Была ли хотя бы кратковременная потеря сознания после удара по голове или головой?
2. Появились ли тошнота, рвота или головокружение сразу после травмы или спустя некоторое время?

3. Нарастает ли ухудшение самочувствия со временем – с момента возвращения сознания и спустя полчаса-час? Необходимо знать, что мозг – субстанция желеобразная и очень инерционная, то есть удар головой о твердую поверхность или по голове каким-либо предметом может не привести к повреждению костей черепа, но при этом сам мозг подвергнется удару, и, возможно, при этом произойдет повреждение небольших сосудов, а как следствие – кровоизлияние. Учитывая малый диаметр сосудов, гематома будет нарастать постепенно, и, соответственно, клиническая картина тоже будет развиваться небыстро. Вероятно и повреждение костей черепа – вдавление (которого под подкожной гематомой не видно), и развитие кровотечений либо под твердую мозговую оболочку (ТМО) – субдуральное (*dura mater*), либо между костью и ТМО – эпидуральное, клиника закрытой черепно-мозговой травмы (ЗЧМТ) и кровоизлияние нарастают быстро, за минуты человек погружается в кому, а затем наступает остановка дыхания и сердца. У бригады скорой помощи буквально 10–30 минут, чтобы успеть доставить пострадавшего в нейрохиргию, где его экстренно прооперируют.

Кровоизлияние под ТМО развивается постепенно и намного медленнее, чем эпидуральное. Гематома нарастает в течение нескольких часов и по достижении объема более 150 мл уже приводит к смерти.

Поэтому единственная мера спасения при ЗЧМТ – это своевременное ее определение, а сделать это можно только с помощью специальных инструментальных методов.

УЗИ – эхоэнцефалограмма, которая показывает смещение срединных структур головного мозга и косвенно указывает на некий лишний объем под черепом – метод несложный, но ясной картины, где и какая гематома или опухоль, не дает. Его удобство в том, что необходим

⁶² Смотрите второй рассказ сборника. Там подробно разбираются правила реанимации.

небольшой и недорогой прибор, научиться пользоваться которым может и немедик (например, спасатель или полицейский).

Более информативны рентгеновские методы: снимок черепа в двух проекциях покажет и повреждение костей, и эпидуральную и субдуральную гематомы.

Однако нужно еще определить, где же расположена ЗЧМТ. Наиболее точно на этот вопрос ответит компьютерная томограмма (КТ) или магниторезонансная (МРТ). Оба эти исследования однозначно укажут и место кровоизлияния, и расположение гематомы, и повреждение черепа.

Информация для немедиков – участников событий

Что нужно делать?

ПРИ СПАСЕНИИ УТОПАЮЩЕГО сразу после вытаскивания его из воды на сушу необходимо перевернуть пострадавшего лицом вниз, лучше всего положить животом на бедро и выбить-выдавить воду из легких. На это должно уйти не больше 30 секунд. После чего пострадавшего надо перевернуть на спину и определить наличие или отсутствие пульса на сонных артериях и дыхания (приложившись щекой к его рту). Это займет еще 10–15 секунд. И только убедившись, что пульс и дыхание **НЕ ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ**, а диаметр зрачков не превышает $\frac{1}{2}$ диаметра радужки, начать сердечно-легочную реанимацию: 30 нажатий на грудину двумя руками и два выдоха в рот. Если есть возможность провести электродефибрилляцию⁶³ (а происшествие произошло в людном месте, где может быть спасательная станция и необходимое оборудование), сделайте это по инструкции на ЭДФ. Только помните: кругом сырость, а разряд не должен поразить спасателя и окружающих волонтеров и зевак. Пострадавшего положите на сухое полотенце. Перед началом СЛР необходимо вызвать скорую (поручите кому-нибудь из свидетелей, не занятых в оказании помощи) с поводом «УТОПЛЕНИЕ». Реанимацию следует проводить до приезда бригады «03».

ПРИ УДАРЕ ПО ГОЛОВЕ ЛИБО ГОЛОВОЙ и ОЧЕВИДНОМ СОТРЯСЕНИИ ГОЛОВНОГО МОЗГА, то есть при наличии симптомов: потеря сознания на несколько минут, головокружение, тошнота, рвота, ретроградная амнезия (потеря памяти), – свидетелю-спасателю необходимо убедить пострадавшего, что нужна немедленная медицинская помощь (не исключена дезориентация и неадекватная оценка состояния у пострадавшего). Следует помнить, что до проведения объективного обследования и исключения закрытой черепно-мозговой травмы этот диагноз должен стоять на первом месте в тактике оказания помощи. А значит, необходимо вызвать бригаду «03» с поводом «ТРАВМА ГОЛОВЫ, ЗАКРЫТАЯ ТРАВМА ЧЕРЕПА». Этот повод требует от бригады скорой помощи обязательной госпитализации пострадавшего с целью осмотра нейрохирургом. Бригада не имеет права принимать отказы. Напомните медикам, что пострадавший неадекватен, и на себя ответственности за отказ от госпитализации не берите.

⁶³ В Европе во всех людных местах, парках и даже на улицах (на перекрестках) висят красные ящики с электродефибрилляторами, для использования которых не требуется обладания специальными знаниями. Элементарные правила написаны на крышке, а более современные приборы дают голосовые команды, достаточно только наклеить два электрода и нажать кнопку «пуск». Прибор сам определит наличие или отсутствие сердечных сокращений и выполнит дефибрилляцию, если будет необходимо. Надеюсь, когда-нибудь такое будет и в России.

До тех пор пока диагноз ЗЧМТ не будет исключен ИНСТРУМЕНТАЛЬНО, то есть по результатам КТ или МРТ, он не может быть снят. А значит, любой медик, взявший на себя ответственность за такое действие, в случае смерти пострадавшего будет нести уголовную ответственность.

Тягомотина

История одиннадцатая, в которой Таня обсуждает с Ерофеевым тягомотину, стандарты лечения гипертонической болезни, а потом знакомится с доктором Бармалеем и встречает отека Квинке.

Большинство дежурств в составе фельдшерской бригады – это поездки по квартирам, где пожилые люди не могут справиться с высоким артериальным давлением, маются с большими животами мужчины и женщины разных возрастов, иногда требующие госпитализации, чаще – нет. Несмотря на жару, случилось немало вызовов на высокую температуру и боли в горле – ангину. И Таня, которая первые дни записывала в свою тетрадку все вызовы, в середине практики решила сохранить в дневнике только необычные, интересные случаи, внимательно перечитав перед этим свои записи.

Вот вызов к бабушке восьмидесяти трех лет по фамилии Поварова. Формально она проживала одна. Фактически же с ней проживали шестнадцать кошек и две собачки неопределенной породы. Бабушка эта наотрез отказывалась не то что в больницу лечь, но и даже в поликлинику сходить. Участковый врач посещать ее не любил из-за характерного амбре, которое густо насыщало подъезд уже на первом этаже. К Поваровой два раза в неделю ходила соцработник, которая приносила еду из магазина и покупала лекарства по рецептам. Раз в месяц эта отчаянная женщина вызывала бригаду клининговой компании, и бойкие азиаты приводили квартиру немощной старушки в более-менее приличный вид, попеременно загоняя животных то в кухню, то в ванную. Поварова в эти часы стенала, заламывая тощие, похожие на паучьи лапки руки, и по окончании «экзакуции» непременно вызывала скорую помощь. «Мене очэнь плохо! – говорила она в черную трубку древнего телефонного аппарата. – У мене высокое давление». Приезжавшей бригаде бабка Поварова сообщала, что «это монгольское нашествие причинило дикий стресс ее нежным кошечкам!» Антисанитария возвращалась в квартиру Поваровой уже на следующий день.

Ерофеев, перед тем как войти в квартиру, сказал Тане:

– Смотри под ноги, там может быть кошачье дерьмо. Ни на что не садись. Я ее осматриваю, дам лекарство – и уходим!

Таня уже в подъезде надела масочку, и Саша оценил, что глаза ее так стали как бы больше.

– Тебе идет маска, – отвесил он весьма сомнительный комплимент, но Таня не обиделась. Она узнала об этом «эффекте хиджаба»⁶⁴, когда ездила с родителями и Викой отдыхать в Дубай.

Давление было повышенное. Поварова получила две таблетки капотена под язык, пять таблеток глицина. На предложение попить чаю с печеньками медики ответили вежливым отказом. Ерофеев подтолкнул стажерку к выходу. Отзваниваться они стали уже в машине, предварительно постояв на ветерке, чтобы выветрился мощный кошачий дух. Пока стояли и проветривались, Таня спросила:

– У нее ведь было сто восемьдесят на сто. Ты ей дал пятьдесят миллиграммов капотена. Ерофеев кивнул.

– Но через четыре часа действие препарата кончится, и она снова вызовет.

– Не вызовет, – сказал Саша, – там, кроме глицина, я ей еще две таблетки мочегонного дал. Она часа два побеждает по-маленькому, и будет ей хорошо. Да, когда будем на подстанции,

⁶⁴ Хиджаб – традиционная мусульманская женская одежда для выхода «на люди», полностью скрывающая фигуру и лицо, оставляющая открытыми только кисти рук, ступни и глаза.

запиши в журнал активов на завтра вызов участковому врачу. Хотя тут нужнее участковый полиции. Фанатизм пагубен в любой форме.

Потом, через две недели, Таня узнала, что Поварова спустя несколько дней поскользнулась на кошачьей какашке, упала и сломала себе бедренную кость. Нашла женщину спустя двое суток соцработница, которая отправила вопящую старушку в больницу. Поварова причитала: «Как же мои кошки? Они жэ бэз мэня погибнут!» Соцработница поступила наиболее гуманно – выпустила всех кошек на улицу. Освобожденное зверье некоторое время табуном ходило вокруг дома, потом куда-то рассосалось по квартирам сердобольных соседей.

Большинство вызовов с поводом «плохо гипертонику, артериальное давление, головокружение» были, конечно, не настолько колоритными, а будто писанными под копирку: пациенты и пациентки по каким-то одним им понятным мотивам самовольно меняли схему приема лекарств или наедались соленых огурцов, селедки, икры – и в результате получали повышение артериального давления. Все медики бригад скорой помощи поступали одинаково: капотен под язык (одну или две таблетки) и глицин. Лишь однажды, работая с врачом, Таня увидела другой подход. Доктор ввела в вену раствор магнезии и пару ампул мочегонного. Когда Таня, набравшись смелости, спросила: «А почему не по стандарту?» – доктор объяснила, что сегодня стандарт этот больной уже получал и нужно было применить следующий шаг: использовать более сильные средства для снижения давления. Вот тогда стажерка вспомнила про «военную хитрость» фельдшера Ерофеева и пристала к нему с допросом: как это он решил дать вместо глицина Поваровой мочегонное? Саша объяснил, что лекарство он купил сам, и именно для таких вот случаев. Что однократное применение фуросемида никаких вредностей не влечет, только пользу. Но так как в стандарте это не указано, то «мотай на ус». «Не все нужно записывать в карту. Главное, не забывай спрашивать про аллергию на лекарства», – сказал фельдшер.

Таня в тетрадке записала все способы неотложной помощи для снижения артериального давления. Запись эта выглядела так: «Высокое АД и низкий пульс (до 70 ударов в минуту) – капотена 25 или 50 мг и 5–6 таблеток глицина (+ 2 таблетки фуросемида). Высокое АД и частый пульс (от 76 и до 100 ударов в минуту) – анаприлин 40 мг (1 таблетку) и 40 капель валокордина (если высокое ДАД⁶⁵ – 2 таблетки фуросемида).!!! – анаприлин нельзя, если есть заболевания бронхов и легких: БА, ХОБЛ⁶⁶, хронический бронхит!!!»

В красную рамочку Таня обвела следующее:

«Многие больные принимают курсом препараты, содержащие гипотиазид (в комбинированных препаратах стоит буква «Н»). Это мочегонное сильно выгоняет из организма калий!!! В жаркую погоду у таких больных могут случиться приступы тахикардии или аритмии!!! Если повышение АД у таких больных сочетается с частым и/или неритмичным пульсом, прежде чем дать анаприлин, обязательно нужно снять ЭКГ (ЭКП)⁶⁷!»

После одного вызова Таня дописала рядышком: «Некоторые дураки пьют ежедневно фуросемид. Это нельзя!!! Расспрашивать! Если давление не снижается, расценивать как гипертонический криз и предлагать ехать в больницу!!! Можно вводить в вену магнезию. Медленно!!! Снимать ЭКГ, если слишком частый или аритмичный пульс. Актив на неотложку или участковому врачу – в случае отказа от больницы!!!»

Вообще вся работа в фельдшерской бригаде у Тани превратилась в борьбу с давлением и обострениями гастрита-дуоденита. К этому присоединилось немного случаев с радикулитными болями в спине и бытовыми травмами: ожоги, порезы, ушибы, падения с велосипедов и переломы рук-ног. Среди этой, как говорили Ерофеев, Сомов и многие другие работники «03»,

⁶⁵ Диастолическое давление (нижнее).

⁶⁶ БА – бронхиальная астма, ХОБЛ – хроническая обструктивная болезнь легких.

⁶⁷ Это запись медика, а родственнику или самому больному при ощущении перебоев в работе сердца непременно нужно обращаться в службу скорой помощи. Это угрожающее жизни осложнение.

рутины подобно ярким событиям приходили вызовы на автокатастрофы, инфаркты, острые состояния у детей. И Таня видела, что такие случаи возвращают медикам ощущение смысла их работы. Да, именно для этого и нужна скорая помощь, а не запоры лечить и не с давлением бороться! И однажды она сказала об этом Ерофееву. Мол, что ж это творится? Восемьдесят процентов всех вызовов непрофильные? А уж когда скучающие матроны вызывают глухой ночью на жалобы: «Доктор, я не могу уснуть! Вы послушайте, как сердце бьется! А снимите мне ЭКГ!» – это вообще без комментариев. Сама Таня ночами еще не работала, но ей рассказывали. Ерофеев молча ее выслушал. Не улыбаясь и не перебивая. Когда Таня замолчала, он сказал:

– Если из ста вызовов с поводом «плохо с сердцем» я приеду только на один инфаркт, а все остальные будут невралгиями, неврозами, истериями, ипохондрией и мнительностью или, извини, сексуальной недостаточностью, то я согласен так работать. Потому что если эти вызовы не отдавать нам, а инфаркт, не осознанный больным и его родней, приведет к смерти, то какой смысл в нас? Нужно менять всю систему. Понимаешь? И поликлиническую службу, и неотложку, и диспетчерскую, потому что девяносто процентов всей глупости, с которой нам приходится сталкиваться, зарождается именно там. На этапе диалога звонящего в скорую помощь и диспетчера. Когда один не может объяснить, что происходит, а другой не может понять, что ему говорят. Если хочешь смысла – иди на спецбригаду. Там все ясно. Я думаю, тебе стоит поработать на «детях». С педиатром. Там у тебя вопросов не будет возникать.

На следующее же дежурство она подошла к педиатру и попросилась в бригаду.

Доктор детский походил на Бармалея. На голове его была черная бандана с черепами. На носу – кругленькие очки в железной оправе, под носом торчали черные пиратские усы – и все это дополнялось черной же подстриженной бородой. Однако, несмотря на грозный вид, глаза у него были добрые, а пухлые губы, выглядывающие сквозь черные заросли усов и бороды, улыбались и вкусненько причмокивали. Дети сами к нему шли на руки. Взвизгивали от хохота, когда он их ощупывал и осматривал. Под халатом педиатр носил настоящую тельняшку. Его знали в районе и любили и дети, и мамы. Когда-то он работал в поликлинике участковым, но какой-то вредной тетке не понравился его пиратский вид, и она накатала жалобу в Департамент здравоохранения. Главный врач потребовал сменить имидж. Доктор Бармалей наотрез отказался и в конце концов уволился. Прижился он на подстанции скорой помощи.

Тане он тоже понравился. Она припомнила мультик про Айболита, где Бармалей был маленького роста, с огромными усами и совершенно нестрашным тоном сообщал, что «он ужасный, опасный, злой разбойник Бармалей» и ему «не надо ни шоколада, ни мармелада, а только маленьких, да, очень маленьких детей». При этом «злой разбойник» рассказывал об этом неуверенным, шепелявым голосом, будто стесняясь собственных слов. Педиатр, казалось, использовал именно этот образ.

Что еще понравилось Тане – это отзывчивость доктора Бармалея и его желание объяснять все, что ее интересовало. Так, уже в конце дежурства девушка спросила, почему обычные врачи, которые тоже ездили на детские вызовы, всех детишек возили в больницу, а Бармалей спокойно оставлял дома. Доктор распушил усы и сказал:

– Это потому, что я – педиатр. А они возят к педиатрам. Поняла?

Таня покачала головой:

– Нет. Вы хотите сказать, что обычные взрослые врачи не решаются взять на себя ответственность и оставить ребенка дома?

– Ну да. Дети – они же инопланетяне. У них все не так, как у взрослых.

– Ну, я это понимаю, – уверенно сказала Таня. Но если бы Бармалей спросил: «А что не так?» – она бы не смогла толком объяснить. Вот, с одной стороны, все понятно и очевидно, а с другой – попробуй объяснить!

– Вот тебе первое и главное отличие ребенка от взрослого – масса тела. Ребенок, ну, в год весит около десяти-одиннадцати килограммов. И если его атакует инфекция, то он нагревается мгновенно. За несколько минут. В отличие от взрослого, он избавиться от лишнего тепла не может. Терморегуляция несовершенная. Если взрослый температуру от тридцати девяти до сорока еще может перенести, то у ребенка судороги и кома наступают уже через полчаса.

– А как охладить? – Таня в первый момент подумала о лекарствах. – Парацетамол?

– А он у тебя всегда при себе, мамаша? – Бармалей подмигнул, увидев, как смутилась Таня. – Проще всего обернуть ребенка в мокрую пеленку, а к голове приложить лед. Идеально – это колотый лед в пакетике. Чтобы, как шапочка, прилегал к темени и шее, сзади, где холка.

– А еще чем отличается?

– А еще площадью слизистых оболочек и их чувствительностью к разным бактериям. У детей иммунитет находится в стадии формирования – обучения. Поэтому чем больше грязи они ташат в рот, тем крепче и «обученнее» будет их защита от инфекций к зрелости. Смешно? Но это правда. Цивилизация и гигиена с санитарией, с одной стороны, снизили детскую смертность – тоже правда, а с другой – убивают человечество, которое с каждым поколением теряет все, что накопило со времен пещерного периода.

– А что же делать?

– Ничего, – сказал «Бармалей», – просто жить в гармонии с природой и людьми. Идеальная среда для детей от года до семи лет – деревня. И чем больше там будет других детей и домашнего зверья, тем лучше. Главное – регулярно гнать глистов!

Таня вспомнила, что ее к бабушкам отправляли каждое лето: до шести лет – в Рязанскую область к бабушке по папиной линии, а в школьные годы – на север к маминной бабушке Татьяне. И там, и там всегда были и куры, и гуси, и свиньи, и коровы. И все лето она плескалась или в Пырке⁶⁸, которую курица вброд перейдет, или в ледяной Вели⁶⁹. А потом они переплывали на спор и наперегонки лесное озеро, в котором относительно теплым был только самый верхний слой воды. Наверное, поэтому ни она, ни ее сестра Вика почти никогда не болели в учебный период.

– Ну, еще отличие в том, что скорость обмена веществ в клетках и тканях у детей настолько высокая, а кости еще настолько мягкие и гибкие, что переломов почти не бывает. Чаще трещины и надломы. Но это не значит, что детьми можно в футбол играть, – подмигнул Бармалей.

Этот разговор происходил в машине по пути с вызова на вызов. Внутри «детская» машина сильно отличалась от «взрослой». Она больше походила на реанимационный автомобиль: здесь были пластиковый кувез для грудничков и новорожденных, кислородная аппаратура, кардиомонитор, а главное, очень много ярких игрушек. С Бармалеем постоянно работала женщина, за которой закрепилось прозвище «няня Вика». Невысокая, такая же худенькая, как Таня, обладательница чудного детского «чебурашкинского» голоса, она, словно извиняясь, сказала Тане, что пробовала работать на линейной, но тетки и дядьки ее не воспринимают всерьез. А с детьми нормально договаривается. Таня случайно узнала, что прозвище это женщина получила за то, что действительно работала няней, пока сидела со своими детьми. Это был небольшой приработок к ее декретному пособию. На подстанции об этом однажды узнали и так стали звать.

Вечером пришел вызов «детям»⁷⁰ – «девочка, четыре года, задыхается». Таня, для которой этот выезд был «крайний»⁷¹, взяла с собой вещички, чтобы после вызова выскочить у станции метро.

⁶⁸ Небольшая речка в Рязанской области.

⁶⁹ Река в Архангельской области.

⁷⁰ Педиатрическая бригада.

Когда открылась дверь, педиатры увидели совершенно безумную картину: с ребенком на руках по комнатам носилась растрепанная женщина, которая трясла девочку; чуть сбоку от нее металась другая – ярко покрашенная тетка лет тридцати пяти – пятидесяти с огромными губами и глазами. В квартире было душно и до приторности пахло косметикой.

«Бармалей» поставил ящик на стол и страшным голосом закричал:

– Положите ребенка! Отворите окна! – Он чуть сбавил тон и, сдержавшись, произнес, обращаясь к покрашенной женщине: – Пожалуйста, подождите на кухне. – Кричал он таким голосом, каким отчаянные капитаны-корсары орут: «На abordаж!» или «Убрать паруса!», а вот обратившись к гостье, он произнес все тихо и нарочито очень вежливо, хотя Татьяна почувствовала, что доктор-пират мог бы повесить ее на рее или выбросить за борт в открытое море. Дама, не возражая, удалилась.

Девочка задыхалась. Ее глаза заплыли. Все личико будто наливалось изнутри водой. Воздух с сипением втягивался в широко открытый ротик. Бармалей строго сказал няне Вике:

– Адреналина полкубика в мышцу. Две ампулы преднизолона и одну ампулу супрастина.

Фельдшерица все делала молча и очень быстро: не прошло и десяти секунд, а у нее в руке было три маленьких шприца. И раз-раз-раз... три укола сделаны. «Душистая» дама курила на кухне. Мамаша пометалась отсюда сюда и наконец, заметив, что ее чадо начало дышать спокойно, спросила:

– Что это было?

Бармалей послушал девочку, дал ей потрогать усы и бороду, убедиться, что они самые настоящие, оставил в ее руках фонендоскоп, а сам пересел к столу – заполнять карту.

– А вот нам Таня скажет сейчас, что она увидела.

Таня икнула от страха и неожиданности. Голос у нее вдруг стал писклявым.

– Отек Квинке?

– Молодец! – объявил Бармалей. – Он самый! И я сейчас вам даже расскажу, как и отчего он развился. Хотите?

– Я, кажется, понимаю, – покраснела мама. – Мы все так сильно перепугались.

– Нет, я все-таки расскажу, – сказал Бармалей. – К вам приехала подруга. – Доктор показал в сторону кухни. – Дама яркая и душистая. У меня аж глаза заслезились от ее «духа». Она, наверное, потискала девочку? Обнимала, целовала?

Мамаша кивнула.

⁷¹ «Скорпомощники» люди суеверные и слово «последний» не употребляют.

– Ну, вот на ее косметику ребенок и выдал отек Квинке, – сказал педиатр и повернулся к Тане: – Скажите, девушка, какие меры первой помощи нужно было оказать в случае развития отека Квинке? Не стесняйтесь, двойку не поставлю. Эти элементарные вещи нужно знать и будущим мамам. Вы ведь планируете когда-нибудь стать мамой?

Таня потеряла лобик. Нужно вспомнить. Нет, нужно сообразить! В квартире пахло духами, и первое, что закричал доктор, – «Отворите окна!».

– Нужно проветрить помещение, чтобы убрать аллерген, – сказала она.

Педиатр кивнул.

– А еще... – На этом объем знаний кончился. Речь шла о первой доврачебной помощи. Лекарства, если есть, и дурак даст. А что делать, если не знаешь, какие лекарства, и вообще ничего нет?

– Хорошо, в данном случае аллерген воздушный, тут все ясно – проветри и жди бригаду. А если бы отек Квинке развился на ореховую пасту «Нутелла» или шоколад с арахисом? Или на укус насекомого? Оса, пчела... долгоносик какой-нибудь?

– Лед к месту укуса, – сказала Таня.

Бармалей кивнул.

– Жгут можно наложить венозный, если укусил кто-то в руку или ногу.

Доктор-пират опять согласился:

– Верно. Нужно ограничить всасывание аллергена. Если же он пищевой – нужно промыть желудок, пока это возможно. Дать содовый раствор – очень слабый, типа минералки «Нарзан» или «Боржоми». Можно дать глюконат кальция, если есть, или любое антиаллергическое средство, какое найдется. А если рядом окажется астматик с симбикортом⁷², то надо сделать один впрыск в рот этим препаратом. Но это если уж очень повезет или отек Квинке разовьется в каком-то очень людном месте, – объяснял Бармалей и маме девочки, и Тане. Потом понизил голос и сказал: – Вы сейчас проводите подругу, или нам придется отвезти девочку в больницу – второго приступа она так легко уже не перенесет. И предупредите ее, чтоб приезжала к вам в гости без косметики! Пожалейте дочку!

– Не надо в больницу! – сказала мама, чуть не заплакав. – Я поговорю с Олей. Она поймет. Вы не ругайте ее! В красоте вся ее жизнь!

В машине Татьяна спросила педиатра: «А шестьдесят миллиграммов преднизолона такой малышке не много?» Бармалей улыбнулся. Ответил серьезно: «Молодец! Ты первая, кто удивился. Объясню. У нас индийский преднизолон, не венгерский от «Гедеон Рихтер», а он слабее. Я не знаю почему. Но явно – слабее. Поэтому я делаю по две. По эффекту эти шестьдесят примерно равны сорока обычного преднизолона. Это бывает с дженериками. И всегда определяется личным опытом».

Дома Таня тщательно записала случай с отеком Квинке в свою тетрадку с названием «Практика на скорой».

Комментарий специалиста

Вся работа скорой помощи регламентирована «Стандартами оказания медицинской помощи» – комплексом разработок методистов из Министерства здравоохранения на основании методических указаний международных организаций врачей различных специальностей.

⁷² Ингаляционный препарат с кортикостероидным гормоном.

Каждое заболевание, несчастный случай или другая ситуация разрешаются согласно этим стандартам. И медицинские работники их выполняют. Может ли врач или фельдшер отклониться от стандарта? Да. Но он обязан обосновать причины этого отклонения. Одной из объективных причин, к примеру, является аллергия на указанные в стандартах медикаменты. В этом случае работник бригады может использовать альтернативные разработки и инструкции Минздрава. Желания и просьбы пациентов ввести тот или иной препарат не являются аргументом для отклонения от стандарта⁷³. Оказание помощи при повышении артериального давления или хронической цереброваскулярной болезни⁷⁴ тоже стандартизовано, а по статистике службы «03» в мегаполисах эта патология, отягощенная хронической ишемией головного мозга и присоединившейся к ней энцефалопатией, – наиболее частая причина обращения за помощью к службе скорой или неотложной помощи.

Отек Квинке – острая аллергическая реакция, характеризующаяся отеком кожи и слизистых оболочек головы, лица, дыхательных путей. При критическом сужении гортани и трахеи может привести к смерти от удушья. Аллергены подразделяются на пылевые, или ингаляционные (пахучие вещества, пыльца растений, шерсть животных, косметика), пищевые и трансмиссивные (в результате повреждения кожи или слизистой и попадания аллергена в кровь). В оказании помощи важная мера – удаление аллергена. Если он в воздухе, то нужно или перейти в другое место, или закрыть дыхательные пути влажной ветошью и дышать через нее. Если аллерген пищевой – необходимо сразу, как только стало ясно, что развивается аллергия (при пищевой реакции она может проявиться болью в животе, рвотой, спазмами и позже развитием крапивницы или отека Квинке), сделать промывание желудка 2–3 литрами прохладной воды. При укусе насекомого или рептилии или уколе шипом плавника рыбы необходимо попытаться высосать яд-аллерген из раны (важно, чтобы во рту не было ран и язвочек), после чего место выше укуса перетянуть венозным жгутом⁷⁵ и приложить лед. В любом случае, если имеется аллергическая реакция, нужно обратиться к скорой помощи или в медицинское учреждение.

Информация для немедиков – участников событий

Что нужно делать?

В «рутинных» ситуациях ухудшения самочувствия больным **ГИПЕРТЕНИЧЕСКОЙ БОЛЕЗНЬЮ** необходимо первым делом измерить артериальное давление и пульс. Если нет угрожающего жизни состояния (слишком высокого АД, слишком частого или неритмичного пульса), можно оказать первую помощь тем, что успокоить пациента, воспользовавшись распространенными успокаивающими: валокордином или его синонимами (валосердином, корвалолом), афобазолом, персеном, экстрактом валерианы в таблетках или глицином, которого можно без опаски дать и 5, и 8, и даже 10 таблеток. Если нет ничего, а артериальная гипертония вызвана стрессом, допустимо употребление 25–50 мл алкоголя (норма – 0,5–1 мл на 1 кг веса). Если давление превышает привычные цифры систолического (верхнего) на 20–30 или 40 мм рт. ст., прежде чем обратиться к службе «03», можно дать двойную дозу назначенных лечащим врачом препаратов. Затем следует подождать 30 минут, и, если давление не начало снижаться, надо обратиться

⁷³ Работникам скорой запрещено вводить любые лекарства, не входящие в укладку и не указанные в стандарте, то есть по просьбе больного ввести, например, назначенные участковым терапевтом или из платной клиники медик «03» не имеет права.

⁷⁴ Обобщенный диагноз поражения головного мозга вследствие атеросклероза сосудов, питающих мозг.

⁷⁵ Капроновые чулки или колготки отлично подходят для этого, не слишком туго (см. первый рассказ «Когда доктор сыт...»).

к службе скорой помощи или неотложной помощи при поликлинике. Повод к вызову – «ВЫСОКОЕ АРТЕРИАЛЬНОЕ ДАВЛЕНИЕ». В этом случае к вам приедет бригада НМП⁷⁶ или «03» по возможности и при наличии.

При ухудшении самочувствия у больного с ЦЕРЕБРОВАСКУЛЯРНОЙ БОЛЕЗНЬЮ, обычно на фоне нормального или пониженного АД, наблюдаются сильное головокружение, тошнота, может быть рвота. Необходимо начать помощь с обеспечения притока свежего воздуха. Можно дать выпить полстакана сладкого некрепкого чая, напомнить принять назначенные препараты (часто ухудшение связано с тем, что больной или забывает их принять, или отказывается, капризная). Следует дать выпить любое успокаивающее из свободно продающихся в аптеках (см. выше). И если в течение 30–50 минут самочувствие не улучшится, необходимо обратиться за помощью к службам «03» или НМП. Повод к вызову – «ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ».

При развитии ОСТРОЙ АЛЛЕРГИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ на известный или неизвестный аллерген, которая проявляется или крапивницей, или отеком Квинке, необходимо:

1. Первым делом вызвать бригаду «03» с поводом «АЛЛЕРГИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ НА...».

2. Точно отвечать на вопросы диспетчера.

3. По окончании разговора с диспетчером, если аллерген пищевой или лекарственный, то есть был принят внутрь через рот, промыть желудок.

4. Затем дать любой антиаллергический препарат⁷⁷, который имеется под рукой.

5. Открыть окна, обеспечив приток свежего воздуха пострадавшему.

6. Если происшествие случилось в людном месте – обратиться к окружающим с вопросом, нет ли у кого-нибудь при себе ингалятора с кортикостероидными гормонами⁷⁸ (больные бронхиальной астмой всегда носят с собой), и если есть – дать 1 дозу препарата.

⁷⁶ Неотложная медицинская помощь – бригада обычно дежурит при поликлиниках.

⁷⁷ Супрастин, тавегил, димедрол, пипольфен, зиртек, эриус, кларитин, телфаст, терфенадин, цетрин. Один из старейших антиаллергических препаратов – глюконат кальция.

⁷⁸ Симбикорт, пульмикорт, серетид и т. п.

Солянка сборная по-студенчески

История двенадцатая, в которой Таня встречается с ложным крупом и беспечными родителями-студентами, а также еще раз получает урок «нарушения правил техники безопасности».

Педиатр по прозвищу Бармалей любит ездить рядом с водителем. Он отлично знает город. Район обслуживания детской бригады огромен и покрывает территорию сразу четырех подстанций, а частенько приходится ездить и к соседям⁷⁹. Таня однажды прикинула, что количество вызовов к детям за сутки по всей подстанции составляет не меньше трети от общего числа вызовов и выполняют их в основном обычные врачебные бригады, которым отдают поводы «температура» и «болит живот». Зато Бармалею доставались все случаи с «задыхается», «сыпь» и «болит сердце»... На педиатрической бригаде работают еще три доктора, но Бармалей – самый колоритный и обаятельный.

После отека Квинке педиатр получил вызов с поводом «задыхается мальчик, два с половиной года» в общежитие сельхозакадемии. С маячком и сиреной машина скорой помощи «долетела» до старинного трехэтажного особняка – семейного общежития аспирантов.

Доктор взял ящик, фельдшер Виктория Викторовна, которую все на подстанции звали или няня Вика, или по имени-отчеству, повесила на плечо сумку с кислородным прибором, но Бармалей отобрал и его. Велел взять небулайзер⁸⁰ и мешок АМБУ.

Таня растерянно сказала:

– А что же я понесу?

– Вот, возьми карточку, телефон и рацию, – сказал педиатр. – Ну, полетели, птички мои!

И они действительно полетели. На третий этаж. Педиатр шагнул через ступеньку, за ним бежали дамы. На этаже их встретила девушка.

– Идите за мной!

И они полетели дальше по широкому коридору с дверями по обе стороны. Впорхнули в тесную комнатку. Несмотря на лето, все окна закрыты, душно. Повернуться негде. Кровать полуторная, детская кроватка, письменный стол, книжные полки. Прямо над головой под потолком натянута веревка с бельем. На стенах плакаты с рок-группами, какие-то схемы. На

⁷⁹ С введением в работу навигаторов и контроля местоположения бригад жесткой привязки к району обслуживания уже нет, вызов по мере неотложности передается ближайшей свободной бригаде «03».

⁸⁰ Специальный ингалятор с ультразвуковым испарением лекарственных препаратов.

кровати сидит зареванная молодая мама и держит малыша, который с трудом дышит. Сип стоит такой, что слышно в коридоре.

Бармалей скинул ящик и амуницию на пол. Подбежал к окошку и приоткрыл форточку.

– Температуру мерили?

– Дааа, – отвечала мамаша ноющим голосом, – тридцать сеемь и двеее...

– Не реви, – сказал педиатр. – Врач уже был? – Он заметил больничный на письменном столе.

– Быыл, была. Сказала пить сиропчик вот этот... и вот этот... А что у него?

Бармалей осмотрел флакончики. Няня Вика записывала в карточку данные больного мальчика, а педиатр взялся ощупывать ребенка. Не спрашивая, забрал его на руки. Потребовал:

– Открой рот, скажи «а».

Мальчик заорал «аааааа» толстым и хриплым басом.

Педиатр положил его на кровать. Пацан завопил благим матом. Бармалей, как и положено пирату, не обращая внимания на вопль, ощупал живот, погнул руки-ноги, покачал мальчишке голову, стараясь прижать подбородок к груди. Попросил:

– Не мешай мне. – Мальчик уже не орал, а сипел. Бармалей запустил ему руку под колготки. – Паховое кольцо в норме, – сказал он, – но если будешь так тужиться – грыжу наорешь. Сколько дней он уже болеет? – Парень перестал кричать, удивился такой фамильярности и хрипло захихикал.

– Сегодня второй, – ответила мама и хлюпнула носом.

– Вика, дай ему сиропчик с валерианой, и у меня там в ящике был флакончик с аскорилом – тоже ложечку, – сказал Бармалей фельдшеру. – Он успокоится, и ему дышать будет полегче. Но вообще-то, мамаша, я предлагаю вам съездить в больницу. Мне его рефлексы не нравятся. Лекарства вам доктор хорошие назначил, только они подействовать не успели. У мальчонки вашего отек гортани – ложный круп. Степень невелика пока, но стоит ли дожидаться ухудшения? Я предлагаю вам на пару дней переселиться в больничку. Так будет безопаснее для него.

У мамы округлились глаза.

– У мужа защита завтра!

Она лепетала еще что-то, но Бармалей разъярился:

– Да вы с ума, что ли, сошли?! Вам защита мужа важнее здоровья и жизни сына? Ну, немного придите в сознание! У мальчика ложный круп. Сейчас он дышит, но ему трудно. Если отек усилится – он начнет задыхаться сильнее, а если совсем связки голосовые закроются – он умрет. Зато муж станет кандидатом наук. Он у вас кто?

– Коневод, генетик. У него тема... Вы поймите, там докторскую можно сразу... – женщина все говорила что-то непонятное.

– Охренеть! Мамаша, вы себя слышите? Вам что важнее – живой сын или посидеть на защите мужа и поздравить его? Ну, включите мозг или материнский инстинкт хотя бы! Он без вас не защитится? Где он, кстати?

– Он с научным руководителем в зале готовит оборудование к защите.

– Он знает, что сын болен?

– Даааа, – опять заныла мамаша.

Та девушка, что встречала, наклонилась к ней:

– Доктор прав. Надо ехать. Все будет хорошо. Не волнуйся.

– А можно мужа подождать? Он придет скоро, я не могу без него. Пожалуйста.

Бармалей сказал спокойно:

– Позвоните ему. Мы не можем сидеть просто так. Позвоните, скажите, что ситуация серьезная, если может, пусть придет.

– Он будет нервничать и завтра не сможет доложиться, – заревела снова мамаша.

Таня, которая стояла молча в уголке, никак не могла понять, отчего люди все время пытаются как-то решить все и сразу. И поймала себя на мысли, что, наверное, тоже так же тупила бы, случись такое с ней.

И тут голос подала няня Вика.

– Мамочка, давайте собираться. – голос Чебурашки произвел впечатление. Девушки улыбнулись, а мальчишка замолчал и стал крутить головой. – Вот одеяльце, укутайте мальчика, я его возьму. А вы сами одевайтесь. Не забудьте паспорт, полис и свидетельство о рождении.

Бармалей принялся звонить в центр госпитализации – запрашивать место. Таня ждала указаний. Мамаша принялась натягивать лосины, кроссовки, потом искала свидетельство о рождении, сунула в карман пачку сигарет. Бармалей зашипел:

– Курево оставьте! Там нельзя курить и негде будет. Телефон не забудьте.

Откуда-то снизу в комнату проник странный звук. Очень высокий, он длился несколько секунд. Бармалей, как раз получивший место на ложный круп, встрепенулся.

– Ребенок кричит!

Таня не поняла. Ей показалось что-то нечеловеческое в этом звуке. Будто лопнула гитарная струна. Или кто-то на скрипке взял очень высокую, на грани слышимости, ноту. Бармалей отключил телефон. Поднял ящик, кислородный прибор. Мамаша взяла укутанного сына, и вся бригада пошла к лестнице, а навстречу им снизу вылетел всклокоченный парень в тельняшке. Он весь был в рыжих пятнах, задыхался и ревел:

– Скорее!

Все побежали за ним.

Таня не вошла в такую же маленькую комнату ниже этажом, она с мамашей, державшей на руках мальчика, осталась в широком коридоре, где уже набиралась небольшая кучка жильцов общаги. Через открытую дверь она увидела только край картины, и, будто фотография, сцена отпечаталась в памяти.

На кровати сидит девочка лет трех-четырёх в одних трусиках. На груди ее рыжие пятна, как у парня в тельняшке, а ножек не видно из-под огромных желтых пузырей, в которые превратилась кожа.

Бармалей ничего не говорил. Вдруг из комнаты выскочила няня Вика – она тащила дыхательный аппарат и небулайзер. Тане и мамаше сказала коротко:

– Пошли в машину!

Все полетели вниз по лестнице. В машине Вика достала блестящую противоожоговую простыню и пантенол.

– Что там? – спросила Таня.

– Ожог. Опрокинула на себя кастрюлю с солянкой прямо с плиты.

От этих слов у стажерки все сжалось внутри.

Мальчишка на уличном воздухе задышал спокойнее. Мамаша молчала – видимо, была напугана ситуацией. Таня не знала, что делать. Но сообразила – убрала кислородный прибор. В ящик спрятался небулайзер.

Водитель обошел машину и заглянул в салон.

– Куда везем?

Таня пожала плечами.

– Я не знаю, доктор не сказал.

Водитель кивнул. Посмотрел на женщину с ребенком на руках.

Через десять минут из подъезда вышли трое: няня Вика несла укутанную в блестящую пленку девочку (та спала), следом вышли кудлатый парень в ветровке поверх тельняшки и доктор Бармалей с ящиком и очень серьезный. Таня увидела его глаза – в них ясно читалось: «Повесить на рее!»

Няня Вика с девочкой на руках села в кресло. Бармалей залез в салон и пересадил мамашу с мальчишкой на самое заднее кресло, распутал шланг с кислородом, дал маску:

– Пусть парень подышит кислородом, я в увлажнитель добавил чуть сальбутамола – ему полегче будет. – Тане сказал: – Сиди тут. – Кудлатому парню: – Сядете со мной в кабине! – И водителю: – Спецсигналы! И быстро в «семерку»! – Таня уже знала, «семерка» – огромная детская больница, где «есть все».

Когда сдали в приемном детей и родителей, медики вернулись в машину. Бармалей несколько раз обошел кругом автомобиль. Зачем-то постучал ботинком по колесам. Фельдшер и стажерка молча смотрели на него.

– Ты понимаешь, – обращался Бармалей к Тане, – военный устав – это книжка, написанная кровью солдат, его нарушавших. – Таня не понимала, к чему все это. – Если в общаге нельзя в комнатах готовить пищу – ставить плитки, – это тоже не от блажи чьей-то выдумано. Почему детям приходится расплачиваться за преступную глупость родителей? – Бармалей замолчал. – Соляночки решил сварить! Молодец. Сварил... – Он пошел в кабину. – Поехали домой.

Разговаривать никто не хотел. В машине стояла мрачная тишина, нарушаемая только работой мотора и сопением водителя. А Таня вспомнила тот высокий звук – это визжала обваренная девочка. И, промокнув слезы, подумала: «Я не хочу работать в детской бригаде. Это ж какие нервы нужно иметь?!»

Комментарий специалиста

Воспаление верхних дыхательных путей у взрослых и детей протекает неодинаково. И те бактерии, которые у взрослых вызывают насморк, кашель и першение в горле, у детей могут вызвать отек гортани и голосовых связок. Острый ларингит у грудничков и ясельных деток отчасти связан еще и с тем, что они мало говорят, а больше кричат. Крик – это речь ребенка. Сигнал тревоги, его заявление на существование и зов на помощь. Потому что абсолютно любая проблема, особенно касающаяся самочувствия, воспринимается ребенком как катастрофа вселенского масштаба. Все, что случается впервые и доставляет неудобство и дискомфорт, – это беда. А уж в более осознанном возрасте травма, да еще полученная в результате шалости, – это и страх наказания, и боль, и ужас. Ложный круп – это отек голосовых связок, при котором воздух через голосовую щель проходит с трудом. Всего есть четыре степени крупа. Истинный круп – дифтерический. Все остальные виды инфекции вызывают ложный круп. Но это не означает, что к нему можно относиться легкомысленно. Отек голосовых связок – это результат воспаления слизистой горла, гортани и самих связок. Снять спазм могут теплый влажный воздух, раствор соды, аскорил экспекторант в сиропе (детям до 6 лет). Очень важно проводить лечение противовоспалительными препаратами, которые назначит педиатр: антибиотики, бактериостатики в виде сиропа. Самостоятельно, до осмотра врачом, вы можете дать парацетамол, аскорил, кальция глюконат, теплую минеральную воду (например, «Боржоми»), молоко с небольшим количеством соды (на кончике чайной ложки на стакан).

Информация для немедиков – участников событий

Что нужно делать?

Прежде всего нужно послушать, как дышит ребенок. Чем характеризуется дыхание у ребенка с ложным крупом? **Отек голосовых связок** сужает отверстие между ними, и воздух идет со звуком – на вдохе и выдохе слышен сип. При I и II степени заболевания воздуха хватает для нормального газообмена, однако ребенок пугается неприятного ощущения в горле, и это может усугублять отек еще и спазмом, потому что добавляется нервный компонент. Особую тревогу должен вызвать круп III степени, который характеризуется нарастанием одышки: воздух проходит с трудом, сип такой, что в присутствии больного ребенка невозможно разговаривать, не повышая голоса. Поэтому нужно начинать оказывать помощь уже при крупе II степени, не дожидаясь развития III степени. Если помощь не дает эффекта, степень инфекции усугубляется и все-таки переходит в следующую. Нужно обязательно вызвать скорую помощь с поводом «ЗАДЫХАЕТСЯ».

Что нужно делать, если диагноз «ложный круп» не вызывает сомнений?

1. Дать ребенку успокаивающее: сироп валерианы, пустырника, микстуру детскую успокаивающую; можно в чайной ложке развести 3–5 капель настойки валерианы и дать ребенку выпить. Это уменьшит нервозность.

2. Занести ребенка в ванную комнату и включить душ с горячей водой. Дать ребенку дышать воздухом, насыщенным паром⁸¹.

3. Если есть рядом аптека – отправить кого-нибудь за аскорилом экспекторантом (в сиропе) и кальция глюконатом. Эти препараты тоже способствуют уменьшению отека голосовых связок. Нельзя давать дышать паром ребенку, если у него повышенная температура. В этом случае необходимо дать жаропонижающее (парацетамол). Повышенная температура всегда представляет большую опасность для жизни ребенка!

⁸¹ Для этих целей также можно воспользоваться сауной или баней. Если нет аллергии, можно в воду для пара добавить настой или отвар эвкалипта. Пар не должен быть сухим и слишком горячим.

От пальца не прикуриваем, но искры из глаз летят...

История тринадцатая, в которой Таня узнает о существовании электробритв, технике безопасности и способах спасения при электротравме.

Автомобили скорой помощи, как и любая техника, могут сломаться. Ничего странного в этом нет. Если машина ломается на дороге, по пути на вызов, то он передается другой бригаде. Медиков и вещи с поломанной скорой забирают на подстанцию, а водитель ждет техничку-эвакуатор. Бригада, вернувшись на подстанцию, пьет чай и ждет резервную машину.

День начался как обычно. Неприятностей ничто не предвещало, однако по пути на первый же вызов движок в машине застучал. Водитель торопливо заглушил мотор и принялся ругаться, пиная ботинком колесо и хлопая капотом. Ерофеев же спокойно связался с диспетчером и доложил:

– Мы сломались, – и сообщил адрес.

– Ремонт ставить?

– Я перезвоню через десять минут.

Ерофеев пошел к нырнувшему под капот водителю. А Таня продолжала ждать в кресле. А что еще сделаешь? «Газель» посреди шоссе. Справа-слева несутся машины. Ей совершенно незачем вылезать. Саша открыл заднюю дверь, достал запасное колесо, знак аварийной остановки и устроил все это позади машины. Потом вернулся в кабину.

– Хана. Заклинило один цилиндр. – Он принялся звонить диспетчеру снова. – Это тринадцатая! Ставьте ремонт и сообщите в колонну, чтоб прислали эвакуатор. Да и за нами кого-нибудь.

– Вас заберет тридцать вторая, они смену заканчивают – заедут, – сказал диспетчер. – Ваш вызов отдали. Ждите.

Так вышло, что своя резервная машина укатила на другую подстанцию (там одной не хватало – послали на техосмотр). Поэтому велели пока ждать – ищут замену в других автоколоннах.

– Чай пойдем пить? – спросил Ерофеев Таню.

Та покачала отрицательно головой:

– Я не хочу.

Они стояли в небольшом холле у входа в подстанцию.

– Могу посидеть с тобой.

Ерофеев пожал плечами («как хочешь») и ушел на кухню. Таня еще несколько минут стояла, не зная, что же делать. То ли подняться на второй этаж – там телевизор, но никого из подруг-однокурсниц нет, на подстанции полный разгон. Поговорить не с кем. Единственная бригада – это их, но без машины.

Хлопнула дверь. В помещение ворвалась девчонка, за ней – охранник. Девчонке было лет тринадцать. Таня так подумала, потому что влетевшее существо было ужасно похоже на ее сестру Вику. Увидев белый халат, девчонка рванулась к стажерке. Говорить она толком не могла – только редела благим матом. Охранник хватал ее за руки и пытался утянуть на улицу.

– Оставьте ее! – крикнула Таня. – Что случилось? Чего ты реешь? – Она попыталась взять девочку за плечи, чуть встряхнула. Та стучала зубами, никак не могла успокоиться. – Если ты не скажешь, мы не сможем помочь. Успокойся! Объясни, что с тобой случилось?

– Нет! Ничего! – наконец выговорила девочка.

– Объясни, – не понимала Таня.

– Папа! Он брился и... – Она опять заревела.

– Если ты не скажешь, мы не сможем помочь, – говорила Таня очень четко и спокойно, в ней будто другой человек проснулся. – Где твой папа?

Девочка махнула рукой.

– Вон там, в соседнем доме. – Девочка успокоилась немного. Она еще всхлипывала, но держалась. – Он брился, вдруг чего-то как затрещит... а он как захрипит! Ыыыыыыыыыыыыыы...

– Адрес! Адрес какой?! – Девчонка произнесла адрес. Это был соседний дом. – Иди наверх, расскажи все диспетчеру. – Таня оставила девочку и повернулась в сторону кухни. В коридоре стоял Ерофеев и наблюдал. – Ты слышал?

– Слышал. Пошли. Ты адрес не забыла?

– А наряд?

– Потом, пошли быстрее. Бери кардиограф, я – ящик, и побежали.

Они действительно побежали. Охранник в воротах растерянно что-то кричал им, но вот уже подъезд, а вот и дверь – хорошо, открыта (у девочки хватило ума или она забыла в панике и не захлопнула дверь в квартиру). Первое, что бросилось в глаза, – ноги в тапочках, торчащие из ванной комнаты в коридор. Таня рванулась ухватить руками за ноги, но Ерофеев крикнул:

– Не трогай! – Он держал в руках неопреновый коврик от входной двери, и Таня не заметила, когда он успел натянуть латексные перчатки.

Ерофеев накинул на ноги пострадавшего коврик и, обхватив руками, потянул на себя. Выволок в коридор хрипящего мужчину. В руке того была зажата электробритва.

Саша выскочил в коридор и там чем-то несколько раз щелкнул. В ванной погас свет.

Ерофеев выдернул из розетки провод электробритвы, с трудом разжал пальцы мужчины и сказал Тане:

– Бери его за ноги – и потащили в комнату. Там просторнее. Меряй давление, я пока кардиограф наложу. – Он принялся быстро набрасывать электроды на руки и ноги, укрепил грудные присоски. – Отойди на минуту. – На ЭКГ он увидел то, что назвал одним словом: «Трепетание». – Набирай лидокаин, кетопрофен и звони – вызывай БИТов на электротравму. Клиническая смерть. Сколько ты намерила?

– Еле слышно, верхнее, кажется, восемьдесят, а нижнее – не слышу, – сказала Таня. – А почему смерть?

– Он не дышит. Не звони, беги на подстанцию, доложи обо всем диспетчеру. Если Сомов у себя – ему тоже. Потом, если машина пришла, пригоняй ее сюда, и мне принеси кислород, пакет с ГЭКом⁸², капельницу и дефибриллятор.

– А ты?

– А я пока подышу. Давай бегом!

Таня подумала, что сегодня утром ангел-хранитель нашептал ей на ушко, что в кроссовках работать удобнее, чем в туфлях. Он знал, что ей предстоят двухсотметровки? Он знал. А она не стала спорить. Конечно, тут совершенно ни при чем то, что на каблучках стерлись набойки и она отложила туфли, чтобы завтра отнести в ремонт, а другие совершенно не годятся для дежурства. Обстоятельства? Может быть. А может быть, ангел-хранитель этого дядьки, что лежит сейчас в комнате и которого пытается вернуть к жизни фельдшер Ерофеев, в каком-то сговоре с ее ангелом? Тогда почему он не уберег дядьку от удара током? Таня вообще-то ничего такого не думала, она бежала от подъезда к подстанции и твердила: «Дефибриллятор, ГЭК, капельницу и БИТов!» Весь «полет» занимает минуты три... Охранник в воротах даже не отреагировал на пробежавшую стажерку.

Таня вихрем взмыла на второй этаж и, прижавшись к окошку диспетчерской, выпалила:

– У нас электротравма, клиническая смерть. Ерофеев просит БИТов. Машина пришла?

– Машины еще нет, БИТы едут с соседней подстанции. Наряд возьмешь? – спокойно ответил диспетчер.

– А Сомов у себя? – вспомнила Таня.

– Виктор Васильевич уехал в центр, на совещание заведующих и старших врачей. Когда приедет, что сказать?

– Ничего. – Таня отлипла от стекла. – Саша сам доложит.

Она сбежала вниз, из мешка с расходниками достала капельницу, из специального термомонтейнера – пластиковый мешок с гидроксипрохлоридом, подумала секунду и схватила еще мешок физраствора на пол-литра. Вдруг вспомнила слова Ерофеева: «Подышу!» Повесила на плечо сумку с дыхательным мешком АМБУ. Увесистый дефибриллятор не позволял бежать, а скользкие пакеты с растворами все норовили упасть на асфальт – и непременно в лужу или грязь. Дорога к подъезду заняла больше времени, и бежать по лестнице уже не было сил – решила на лифте. Ввалившись в квартиру, застала Ерофеева и девочку, которая уже не плакала. Сгрузив вещи на пол, Таня прислонилась к дверному косяку.

– БИТы едут от соседей, Сомов в центре... Я все принесла. Как ты тут? Он жив? – проговорила она между судорожными вдохами.

Ерофеев рассматривал черный витой провод от электробритвы.

– Жив пока, – сказал он, девчонка всхлинула. Ерофеев сокрушенно продолжил: – Аритмия не снимается. Он очень здорово получил током в грудь. Вот какая картина выходит: тут на проводе повреждена изоляция, а внутри провод еще и надломлен – я так понял, бритва все время выключалась, он провод крутил – контакт появлялся. И нашел такое вот положение, чтоб на пальцы намотать и так вот бриться. Оголенный провод прижался к левой ладони, а правой он зачем-то полез к крану в ванной – ну и через руки его шарахнуло двести двадцать. А руки-то мокрые – сопротивление минимальное. Посмотри его ладони – пятна ожогов. Ток прошел по рукам, а потом он упал грудью на ванну, и оттуда еще долбило прямо в сердце. Сколько минут? Знать бы... – Пока Ерофеев объяснял Тане, как все произошло, девчонка опять заревела. Мужчина на полу приоткрыл глаз и силился что-то сказать, но губы и язык его не слушались.

– А как он дышит?

⁸² Гидроксипрохлорид (HAES). Вводится капельно при шоковых состояниях.

– Как обычно, грудью, – сказал Ерофеев. – Я его немного раздышал, загнал в вену преднизолон, адреналин, кетопрофен с анальгином и лидокаин. Он так сперва не хотел дышать, я ему помог раз десять... Сердце худо-бедно кровь качает – он и задышал. Давление приподнял: минуты две назад было сто десять на пятьдесят. Но мне не нравится его аритмия и частота. Несмотря на лидокаин, держится девяносто – сто десять где-то... Трепетание предсердий никак не успокоится. Я вот думаю, гепарин ему ввести тысяч пять или оставить БИТам? Кислород где?

– Я забыла... – Таня всхлипнула. – Он тяжелый!

– Ладно, проехали. Открой окно пошире – пусть дышит свежим воздухом мегаполиса.

– Я хотела спросить: а может быть, ему калия мало? – Таня сама не знала, откуда выскочил этот вопрос.

Ерофеев выкатил глаза.

– Гениально! – сказал он, хлопнув себя по лбу. – Черт, как же я забыл? Давай-ка поставим ему катетер и наладим капельницу с ГЭКом, а струйно, но медленно введешь ему панангин. Я пока еще разик ЭКГ сниму... Что там новенького?

Девочка сидела на стуле и смотрела, как бригада работает, тихо плакала, размазывая слезы по щекам, и шептала: «Он не умрет...» – то ли спрашивала, то ли убеждала себя.

К тому времени, как в квартиру вошла бригада реаниматологов, Ерофеев рассматривал ЭКГ с совершенно нормальным ритмом сердца, Таня держала в руке наполовину опустевший пакет с ГЭКом. А мужчина лежал на полу и свободной правой рукой держал кружку, из которой через соломинку тянул крепкий сладкий чай.

– Что-то вы не спешили, – сказал Ерофеев. – Али случилось чего?

– Мост разобрали, – сказал доктор.

Фельдшер добавил:

– У нас не вертолет, пришлось вкруговую ехать. Что у вас тут?

– Электротравма – двести двадцать вольт, шесть ампер по влажным рукам, а потом через левую руку и грудь. Время нахождения под током не меньше пяти минут. А может, и все десять. Когда мы пришли, его еще било. Обесточили квартиру и сразу перенесли сюда из ванной. Изначально – нарушение ритма по типу трепетания предсердий или крупноволновой фибрилляции, давление семьдесят на ноль... Я ввел адреналин, преднизолон, кетопрофен с анальгином и потом лидокаин. Дыхание отсутствовало, видимо, из-за спазма мускулатуры грудной клетки – после десяти вдохов ИВЛ⁸³ пошло самостоятельно.

Доктор БИТов слушал рапорт, кивал.

– Да, давление поднялось к ста десяти, но сохранялось трепетание порядка девяноста-ста в минуту. Все пленки я вам оставляю. Мы поставили ГЭК и ввели струйно панангин. Вот перед самым вашим приходом ритм восстановился, пошел синус – частота семьдесят семь.

– Родственники есть?

– Тут только его дочь, – сказала Таня, – она и прибежала на подстанцию. А мы резерва ждем.

– Нам сказали, что вы безлошадные, – пошутил фельдшер и пошел искать девочку.

– Он говорить может? – спросил доктор Ерофеева, рассматривая сперва ЭКГ, а потом следы ожогов на руках и груди. – Это надо будет перевязать, пятна невелики, но глубокие, могут нагноиться. Неврологию смотрели?

– Не знаю, пока только хрипел. Попробуйте с ним поговорить. А до неврологии не дошли руки. Наверняка прижарил с таким-то током!

Неврологический осмотр выявил поражение нервной системы в левой руке. Мужчина мог пошевелить только большим пальцем и указательным, при этом правая рука слушалась,

⁸³ Искусственная вентиляция легких.

и он даже сумел попасть пальцем в нос. Немного пострадала шея, сильно болели мышцы во всем теле, особенно в груди. БИТы ввели наркотики, чтобы обезболить.

– Мы вам больше не нужны? – спросил Ерофеев.

– Нет, – сказал доктор БИТов. – Спасибо, вы молодцы!

Девочка, не донимавшая до сих пор бригаду, набралась смелости и подошла к доктору.

– Скажите, а он не умрет?

– В ближайшее время точно не умрет, мы постараемся, а там дальше – кто знает? Если ты его расстраивать не будешь – поживет еще! – Девочка криво улыбнулась. – Ему тебя замуж выдать надо. Так что помирать рановато. Ты вот что, пробегись-ка по соседям и найди нам двух крепеньких мужчин – носилки помочь снести вниз. Сможешь?

Девочка кивнула и умчалась.

Ерофеев навесил на себя кардиограф, в одну руку взял дефибриллятор, так и не пригидившийся, в другую – ящик с лекарствами. Тане он оставил довольно легкий кофр с дыхательным мешком АМБУ.

– Может, я охранника с подстанции пришлю? И сам приду. Где вы в будний день летом мужиков найдете? – спросил уже в дверях Саша.

– Давай, – согласился фельдшер БИТов, – а то наш водитель спину сорвал недавно, мы уж его не тревожим. Такую крякву с инсультом грузили – кил на двести...

Вот теперь Тане очень хотелось пить. Машина до них так и не доехала, где-то мыкалась по пробкам, а в холодильнике обнаружилось полбаллона с квасом. Это был «общий» квас. В холодильнике почти все общее – если не в лоточке или пакете. Пили квас и обсуждали вызов. Вопросов было немало.

– Вот когда током ударило – это всегда клиническая смерть?

– Если вот так – через руки, то почти наверняка, или через все тело, – объяснил Ерофеев. – Вообще тут немало нюансов. Если прикоснуться к розетке – тряханет. Отдернешь руку – и ничего. А вот когда так – ток идет через тело, то очень много, – повторил он, – нюансов или вариантов. Влажная кожа или сухая, короткий удар был или переменный ток шел через тело долго, как вот сейчас. Опять же, напряжение и мощность тока в сети. Вообще в том, что мы видели сегодня, столько технических нарушений!

Таня молча тянула квас из ледяной кружки.

– Во-первых, этот мужик – урод. В смысле ума. Как можно розетку с током в шесть ампер выводить в ванную комнату, где полно воды и воздух сырой? Это первое нарушение техники безопасности. Во-вторых, когда у него начала капризничать бритва и он понял, что провод перетерся или сломался, надо было купить или новый провод, или новую бритву. Но не пользоваться старой дальше. В-третьих... Впрочем, и первых двух достаточно, чтобы не пережить сегодняшнее утро. Хорошо, у дочки ума хватило не вытаскивать его голыми руками. Но! Ты мне скажи, чего ты к нему полезла? Электричество хотела испытать?

Таня виновато улыбнулась.

– Я вообще про электричество не подумала.

– А я первым делом подумал. Дочка же его рассказала: «Он брился – и вдруг затрещало». Неужели не поняла, что он электробритвой пользовался?

Таня покачала головой.

– У нас нет дома электробритвы. Папа бреется безопасной – «Жиллет».

Ерофеев на это промолчал. Ну что скажешь? Человек не видел электробритву.

– А вот он не дышал, это почему? – Таня смутно и сама понимала, отчего произошла остановка дыхания, но сформулировать не могла.

– Переменный ток – это колебания пятьдесят в секунду, и, когда он идет через тело, мышцы с такой частотой сокращаются, причем напряжение заставляет их очень сильно сокра-

щаться, что расходуют почти весь кальций и АТФ⁸⁴. Кислорода в мышцы при этом поступает мало, и образуется молочная кислота – она блокирует кальциевые каналы. Чтобы тебя не загружать сложными биохимическими формулами, в общем, мышцы замирают или в сокращенном виде – спазме, или, наоборот, в предельно расслабленном, но по-любому они не способны работать. Почему я просил тебя принести кислород? Потому что «молочку» отмыть из мышц можно, подняв кислород в крови, а полноценно дышать всей грудью ему было трудно. Так бы мы ему подвесили носовые трубки – и пусть дышит на десяти литрах в минуту. Но Танечке было тяжело, и она решила: «Хрен с ним, с больным, не понесу я ему кислородный прибор!»

– Я забыла! – рассердилась Таня. – Зато я про АМБУ вспомнила. Ты же сказал, что хочешь дышать. Вот и взяла.

– Ну да, АМБУ полтора килограмма весит, а ДП⁸⁵ – около двенадцати. Возражения принимаю. Непосильная ноша.

– Не издевайся. Я и так перла столько всего. Еще и ДЕФИ... И ничего, кроме растворов, не понадобилось. – Она допила квас. – Один вопрос.

Ерофеев «поднял ухо».

– Ты сказал, что ввел ему в вену и гормоны, и лидокаин, и адреналин, но когда я пришла, у него не было следов от инъекций. Куда ты все это ввел?

– В яремную вену, – сказал Ерофеев. – Это единственно доступное место для введения лекарств в тот момент. На шее.

Комментарий специалиста

Электротравмы (производственные или бытовые) отличаются друг от друга напряжением и мощностью тока. Практически всегда это РЕЗУЛЬТАТ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ. И если дома за эту беспечность отвечают хозяева, то на производстве почти всегда есть инженер по ТБ, мастер, начальник цеха и т. д. То есть начальство, которое несет уголовную ответственность за жизнь своих работников.

В России наиболее популярны напряжение и ток 220 вольт 6 ампер и 380 вольт 16 или 32 ампера. На производстве, где нет необходимости использовать такие значения, стараются применять более безопасное напряжение – 36 вольт 1 ампер. Однако такая сеть требует специального оборудования – преобразователей и специальной техники, которая работает от такого напряжения. В частном производстве (автосервисы, небольшие цеха) и в быту все-таки в основном используют 220 и 380 вольт.

Тяжесть поражения электротоком зависит от многих факторов. На первом месте – напряжение, ток, время нахождения под током, место поражения током, влажность кожных покровов. Наиболее опасные виды поражения электротоком – в ванной, где высокая влажность, на улице во время дождя. В рассказе описана наиболее тяжелая форма электротравмы в быту, когда ток прошел и через руки, и через грудную клетку, при этом вызвав поражение и сердечной деятельности, и нервной системы, и системы дыхания. Особенность электротравмы заключается еще и в том, что, даже оказав первую помощь, восстановив, на первый взгляд, основные функции, нельзя быть уверенным, что в ближайшие сутки-двое не произойдет повторная остановка сердца. Поэтому человеку, подвергшемуся удару электротоком и перенесшему электро-

⁸⁴ Аденозинтрифосфорная кислота.

⁸⁵ Дыхательный прибор (АДР, КИ-3М или сейчас уже КИ-8) – приборы довольно увесистые (10–15 кг).

шок, необходимо минимум 24–28 часов находиться под наблюдением в палате интенсивной терапии. А если такой возможности нет – под присмотром сиделки.

Информация для немедиков – участников событий

Что нужно делать?

Если вы оказались свидетелем электротравмы или вас позвали оказать помощь другие очевидцы, вы должны выполнить следующие действия:

1. Необходимо отключить электроэнергию в помещении, где находится пострадавший.

2. Надо вызвать бригаду «03» с поводом «ПОРАЖЕНИЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ ТОКОМ».

3. Пострадавшего следует освободить от контакта с электропроводом и перенести в светлое, хорошо проветриваемое помещение, обеспечив приток свежего воздуха.

4. Далее необходимо проверить пульс на шее, прислонившись щекой, определить дыхание и проверить ширину зрачков. В норме они не шире половины радужки или сужены.

5. Затем начать реанимацию в необходимом объеме: если есть дыхание, но не определяется пульс – начать нажатия на грудину двумя руками; если пострадавший без сознания – периодически (через 30 нажатий) останавливаться и проверять наличие самостоятельных вдохов. Если они отсутствуют, проводить вентиляцию легких – на 30 нажатий грудины 2 выдоха в рот. Следите при этом за диаметром зрачков.

6. Если пострадавший не терял сознания после его отключения от сети, но испытывает боли в мышцах, головокружение, слабость – необходимо наблюдать за ним до приезда бригады скорой помощи. Можно дать любые обезболивающие препараты, которые окажутся под рукой, теплый сладкий чай с небольшим количеством коньяка (1 чайная ложка).

7. Помните главное: если перенесший электрошок человек не умер сразу, он может умереть спустя некоторое время, поэтому с него нельзя спускать глаз! И уж тем более не может быть и речи об отказе от госпитализации.

Вспомнить все

История четырнадцатая, в которой Таня отвозит сестру в деревню, где вспоминает все о том, как помогать при почечной колике, и получает в награду камушек размером с горошинку

Что хорошо на практике, так это то, что дежурства по двенадцать часов и только днем. Это официально. Училищное начальство вообще хотело, чтобы практиканты работали каждый день по шесть часов, как в больницах! И это на скорой? Но завпрактикой приехал на подстанцию, посмотрел, что тут да как, и сказал: «Работайте как хотите, а дневники пишите каждый день. Главное, чтобы все было заверено заведующим и старшим фельдшером». Без месяца, отработанного в больнице или на скорой, семестр и весь третий курс считаются неоконченными.

Однажды в книгах Таня столкнулась с девизом какого-то старинного рыцарского или монашеского ордена: «Misericordia – mis, animi – necesse est, et cor – apparenti»⁸⁶. Она быстро нашла перевод этого выражения и задумалась. Орден явно был с каким-то медицинским уклоном, хотя вполне мог быть и рыцарским, и монашеским, и каким угодно. Мало ли в Средние века в Европе возникало явных и тайных религиозных организаций с благородными девизами и догматами, выполняющих далеко не благородные дела и милосердие понимающих весьма своеобразно⁸⁷. Впрочем, Таня никогда не испытывала интереса к истории... Может быть, потому, что наука какая-то уж больно мутная, ведь, как известно, «историю пишут победители» и всякий может ее и понимать, и рассказывать по-своему, а значит, предмет этот чрезвычайно подчинен «общепризнанным догматам». Вот это Тане и не нравилось. А может быть, потому, что школьная историчка была женщина вредночая, желчная и не любила Таню.

Так вышло, что и в училище предмет «История медицины в сочетании с организацией здравоохранения», который преподавали еще в компании с «Охраной труда», тоже особой любви не вызывал. Посещала Таня эти занятия не по интересу, а по обязательке, и зачет представлялся формальным. Побыстрее бы скинуть – и забыть как дурной сон.

Ерофеев взял отпуск на десять дней в конце июля. И не то чтобы Таня как-то сильно загрустила, но поймала себя на мысли, что дежурства без него скучные, однообразные, или, как говорил сам Саша, рутинные и невыразительные. Она бы не стала сама просить об изменении графика дежурств по практике, но помогла неожиданность.

Мама и папа пришли в ее комнату. Таня поняла – это знак. Сейчас будет что-то серьезное. Но что? Теряясь в догадках, она молча смотрела на родителей. Первым начал отец.

- Дочь, тут такое дело... – и замолчал. Посмотрел на маму.
- Папе надо лететь в командировку, – сказала мама.
- Да понимаешь, это срочное дело – на пару недель.
- Далеко?
- Папа кивнул.

– В общем, да. Сперва в Анадырь, там неделю, а оттуда в Сан-Франциско. Еще дня на четыре. Я хочу маму взять с собой.

– А что, Вику не возьмете? – Таня все поняла. Ну почему ей сидеть с младшей сестрой, которой тринадцать? – У меня, между прочим, практика, и я через день работаю. Ну, чего мне-то все?!

⁸⁶ «Милосердие – страждущим, смирение – неизбежному, мужество – очевидному».

⁸⁷ «Мизерикордия» – кинжал, которым добивали раненых на поле боя, – то самое своеобразное понимание милосердия.

– Во-первых, командировку оплачивают только мне, а мама летит уже за наш счет, – сказал папа. – Я б вас всех взял, но сама пойми – бюджет не резиновый. У нас еще три дня рождения впереди и отпуск совместный... У тебя практика, а насчет Вики мы кое-что придумали.

– Ну, знаете, мне тоже с ней тут дни и ночи проводить не хочется! – Таня знала: если первые два-три дня сестренка выдержит, то следом – жди беды... Это не девочка, а ходячая атомная бомба с косичками.

– Мы связались с бабушкой Таней: она приглашает Вику к себе. Отвези ее в Шлепсу⁸⁸... заодно и сама отдохнешь – там грибы, ягоды, рыба... Баба Таня очень ждет вас, говорит, соскучилась по правнучкам, – сказала мама.

Деревня на самом деле называлась Шлекса, была очень древней. И там жила не только мамина бабушка, которая в действительности приходилась матери двоюродной бабкой, то есть мамой сестры Таниной бабушки, маминой тетки, но еще и два дядьки, три тетки – родные сестры дядек, их мужья и жены, дети и внуки – ровесники и Тани, и Вики. Те детки, что доросли до Таниных лет, разъехались – кто в армию, кто учиться, а вот Викины сверстники носились по окрестным лесам в поисках грибов, ягод или помогали взрослым.

– Я все поняла, – сказала Таня. – Ладно, билеты до Вельска еще не купили? И когда вы летите?

Папа улыбнулся и ушел, а мама осталась.

– Папа билеты для вас забронировал и оплатил, вам их только осталось получить на вокзале по паспорту и свидетельству о рождении. Денег вам оставим. Тебе нужно отвезти сестру – и можешь возвращаться. Только квартиру не спалите. Впрочем...

– Ма, ну квартиру тебе жалко, а если Вика опять деревню сожжет? Там все такое старинное, деревянное...

– Думаешь, что говоришь. – Мама торопливо вскочила с диванчика, на который было присела. – Вика – это, конечно, да... спички ей давать нельзя, но там ведь ее уже знают.

– Угу... Отстроились после ее каникул, три года прошло. Думаешь, забыли? А ведь ей было всего только десять. Ей же ничего в руки давать нельзя, а рот лучше вообще зашить. А как она бабы Тани кур гоняла, так что те совсем нестишь перестали? А Зорька? Она же Вику на дух не переносила и все на рога поднять пыталась!

– Вика уже взрослая, и я уверена, она больше такого не допустит. Зорьки уже нет, баба Таня ее продала. Ну и ты, может быть, побудешь рядом? Поживи там с ней недельку. Хочешь, я поговорю с вашим руководителем практики? Тебя отпустят. В конце концов, Вика уже подросла и стала серьезнее...

Таня вздохнула. Подросла – это да, а вот со вторым утверждением Таня никак не могла согласиться. «Можно и вернуться, конечно, но неделя в глухой архангельской тайге среди озер и лесов, с комарами... сенокос... местные парни...» Эта мысль ее отрезвила. «Местные жарят самогон, бреднем ловят рыбу, ружья у всех! Надо предупредить, чтоб сестре не давали, и... Да ну их. Живут, как медведи в лесу. Если из-за нее три года назад парни драки затевали в клубе, что будет теперь? Нет, отвезу Вику – и сразу обратно».

– Ма! – Мама остановилась в двери. – А билеты уже туда-обратно?

– Нет, папа взял только туда, обратно для себя ты сама возьми, когда приедете в Вельск, а Вику мы на машине заберем, когда прилетим, точнее, уже к концу августа – через месяц. Ну так что? Дашь телефон вашего... этого?..

– Виктора Васильевича?

– Ну да.

⁸⁸ Такой деревни в Архангельской области не существует, есть Шлекса – вся география описанных мест ограничивается Вельским районом.

– Дам, конечно, – тяжело вздохнула Таня. Смирение пред неизбежным и мужество пред очевидным... Только кто бы явил милосердие к страждущей?

* * *

Мама с папой улетели, фирменный поезд «Северное сияние» до Воркуты отходит рано утром с Ярославского вокзала. Викина спортивная сумка уложена.

Поездка началась без приключений. Они не опоздали на поезд, не забыли билеты, документы и деньги. Уже на вокзале Вика вспомнила об интимном и потащила Таню в аптеку... Та ответила:

– Я взяла прокладки!

– На все лето? – уперлась сестренка. – Где я там буду искать?

Пришлось купить большую пачку.

Побежали дальше и сели в свой вагон.

От Вельска до поселка Комсомольский ходит автобус два раза в день. Утром в семь он отправляется с автостанции, что на другой стороне площади, напротив железнодорожного вокзала, а прибывает в Комсомольский в половине одиннадцатого; в двенадцать идет обратно; с трех до четырех обеденный перерыв, и в половине пятого делает еще один рейс. Пересидев обед в кафешке автовокзала, сестры погрузились в «Чебурашку», как здесь называют автобус «ПАЗ», и в начале восьмого вышли у бревенчатой избы с намалеванной на фанерном листе надписью «ПОЧТА». До прабабушки Тани и деревни Шлекса оставалось около двадцати километров по лесной грунтовке.

Таня помнила, что садиться в попутки нельзя ни в коем случае. Бывало, что люди пропадали. Идти под вечер через тайгу, даже по раскатанной грейдером полосе, тоже невесело. Две девушки – лакомое блюдо не только для волков и медведей, которых тут немало, но и для всяких отморожков, отбывающих остатки срока в колонии-поселении. В сельсовете, кроме огромного черного телефона с тяжелой трубкой и тетки, никого. В Комсомольском есть ФАП – фельдшерско-акушерский пункт, это Таня помнила. Но вот не закрыли ли его? Тетка без особых сантиментов сказала, что она машинами не распоряжается, что в лесопункте Шлексы никого нет, что она не знает, когда приедет местный автобус, потому что водитель в запое и последние три дня рейсов не было. Ну почему, почему? Потому что дожди, дорогу размыло и, пока канаву не засыпят щебнем и песком, ездить некуда и незачем.

Почта затряслась, за окошком стемнело, пахло парафиновым духом. Таня выглянула на улицу. Рядом с дверью дрожали огромные гусеницы и нечто похожее на танк рычало и плевалось копотью из двух огромных труб. Наверху, на броне этого монстра, стоял человек в белой рубашке, галстук и джинсах. Ему было около тридцати, он весело что-то кричал почтовой работнице, размахивая ящиком с бутылками водки. Вика распахнула рот и наблюдала за происходящим. Тетка с почты крикнула прямо в ухо Тане:

– Это Витька! Он в Шлексу едет, там свадьба. Хотите, поезжайте с ним-то, а?

Витька, который из самой Шлексы приезжал не только за водкой, сбегал в медпункт и принес сумку с бинтами и ватой, бутылки с перекисью и пластырь.

Внутри тягача было тесно, сильно пахло солярой, разговаривать было просто невозможно. Кругом стояли ящики с водкой и пивом. В небольшой коробке Таня заметила упаковки с лекарствами. Большую часть составлял активированный уголь. Водитель тягача перехватил ее взгляд и крикнул:

– Водка паленая, чистим – потом пьем!

Таня кивнула, что, мол, понятно.

– А перевязку зачем? – спросила Таня. – Случилось что?

– Так это... свадьба же, – ответил Витька, – на всякий случай.

– А кто женится? – Таня перебирала в уме односельчан бабы Тани.

– Он из новых, – сказал водитель, – вальщик. Год назад откинулся (у нас был на поселении), а к нему невеста приехала – решили у нас обосноваться. Дом им выделили... гуляем!

Вика в разговор не вмешивалась – в ушах ее грохотал тяжелый рок, не уступавший децибелами тракторному дизелю. С тех пор как они сошли с поезда, младшая находилась все время рядом, подчиняясь инстинкту самосохранения. Она тут уже бывала, знала местные нравы. А правила просты: или ешь сам, или тебя съедят. Крути головой на триста шестьдесят градусов, не носи капюшон и наушники, а то запросто получишь по башке и не заметишь, откуда прилетит.

* * *

– От они, мои хорошие! – Бабушка, или, точнее, прабабушка, Таня встретила правнучек в огороде. – Как же вы добрались-то? Дороги-то нету! Я уж и не чаяла, от матери телеграмма пришла-то, жди, баба Таня... едут. А как ехать? Ванька в стельку... А тут Витька самый раз за водкой поехал... а так бы и не знаю... – Она обнимала и целовала и одну правнучку, и вторую, которая за три года вытянулась на голову. – Ну, пойдете в избу-то, молочком парным угощу.

– Ба, у тебя опять корова? – Вика выдернула один наушник. – А мама сказала, Зорька умерла, или что с ней?..

– Силов моих больше нету корову держать, продала... – сказала бабушка. – Я молоко беру у соседки, трехлитрову банку на неделю. С вами две возьму. Молоко у нее жирнющее, полбанки сливок, чиста сметана-то. Вы сейчас по чашечке выпейте, а больше ни-ни... не то обосретесь... У вас в городе-то разве ж молоко? Тань, ты-то поживешь?

– Бабушка, у меня ж практика идет, я на пять дней отпросилась, Вику отвезти, и должна вернуться.

– Ну и ладно, все одно дороги нету. Грейдер ждем, щебенку. Мужуки-то говорят: не яма – чистый ров, как против танков. Вы ехали – видели?

Вика ушла в избу и молча разбирала сумки. Потом выглянула во двор, где бабушка с сестрой все не могли наговориться.

– Ба, а сельпо работает?

– Да какой там! Ежли б оно работало, разим ж бы Витька помчался в Комсомольский за энтой отравой? Смели все подчистую.

– Мы ничего не видели, – сказала Таня, – мы же внутри сидели.

– Да не, ба, мне ж не водка... А чипсы там есть? «Роллтон»?

– Это чего? – Бабушка Таня удивилась. – Конхветы, что ли? Унука... я тебе петуха на палочке в сундуке храню. Хочешь?

– Да не, ба... Чипсы – это такая картошка жареная... тоненькая.

– У меня отварная есть, в мундире, чичас почищу... Картошечки хочешь?

Вика, отчаявшись, махнула рукой.

– Ба, а че ты мне про лешего рассказывала... сказка?

– Кака ж сказка, – серьезно ответила прабабушка, – вот, обратно ребята-охотники скзывают – Бела баба вернулась. Давно не было. Ты в лес-то не ходи одна... Да чегой-то я вам... есть-то хотитё?

Таня почувствовала, что обед, которым они с сестренкой вроде бы вполне наелись еще в Вельске, куда-то испарился. Кивнула.

– Ба, а сколько времени?

– Так десятый ужо... Вы на солнце не смотрите... ночи у нас короткие. Забыла, что ли? А ужинать сейчас пойдём, вон, на третий двор. Меня уж приглашали... да и вас теперь ждут. Бросайте вещички и айда.

Пить Тане совсем не хотелось. А отказываться нельзя.

– Ба, а сундук на чердаке? – спросила Вика.

– А где ж ему быть? – Бабушка поглядела на правнучку, на ее шорты, больше похожие на стринги, и покачала головой. – Сарафан надень. Так не пойдешь.

– Может, у тебя и кокошник есть? – не удержалась от колкости сестренка.

Таня поглядела на себя в отражение в оконце. Туника, джинсы, кроссовки, волосы убраны в хвост. Не празднично, но для деревенской свадьбы сойдет. Сейчас бы душ принять... Да где ж его тут найти?

– Не кокошник, девка, а красота, – поправила бабушка Таня. – Вот сама смастеришь да жемчугом речным разошьешь, тогда и наденешь... По ней рукодельницу определить можно. – И будто мысли читала: – Вы сейчас на свадьбу-то ходите, перехватите малой чего не то... червячка заморите, да глядите, бражки-то не пейте. Дурная больно. Себя не вспомните. А часика через два приходите, я баньку вытоплю. Да помоемся с дороги.

Татьяна поймала себя на мысли, что говорок бабы Тани она не сразу начала понимать и лишь спустя несколько минут ее певучего речитатива среди сплошных «от» и «то» появились осмысленные фразы. Своя московская речь стала восприниматься каким-то рубленным агрессивным «аканьем-каканьем».

Сама бабушка Таня с ними не пошла, довела до шумного застолья, молодыхам каким-то, которых Таня силилась вспомнить спустя три года, кого как зовут, передала, чего-то сказала...

На лавках за столом разом образовалось два места, девушек усадили, поставили миски, в которые накидали и грибков соленых, груздей, и кусок какой-то дичи, и парящей рассыпчатой молочно-белой картошки, которую тут же и маслицем покропили, и зеленью посыпали. Играла гармонь, где-то слева залиvisto выговаривали матерные частушки, изредка вылетало: «Горько!» – и уже в сгущающихся сумерках Таня видела только влажные глаза. Кругом стоял гомон людской, потом запели протяжно, и сперва голоса звучали нестройно, но постепенно сошлись в одной тональности. И уже когда из-за сосен выкатилась молочная луна, Таня вспомнила, что пора возвращаться. Она локтем толкнула сестру.

– Пошли! Бабушка ждет.

– погоди-ко. – К Тане наклонилась молодая женщина. – Сеструха-то твоя говорит, ты доктор на скорой. Так, что ли-то?

– Фельдшер. Я еще учусь...

– Завтра приходи, батя мой приболел. Может, посмотришь? Мается – сил нету. Разве что по стенкам не бегает. То болит, а то затихнет...

– А что болит-то? – Таня хоть и не пила, а уже изрядно устала и никак не могла сосредоточиться. Думала, что Вике надо было рот зашить... Болтает, что на язык прилетит. Кто просил всем сообщать, что она будто бы врач на скорой? Она не заметила, как и сама начала «токать».

– Говорит, почка... А то кто ж знает? Зайди завтра, посмотри его. А?

– Хорошо. – Таня понимала, что отказывать нельзя. – Пусть он утром мочу соберет.

– Я найду, напомним, – сказала молодуха.

Тут подошла бабушка Таня. Она ухватила правнучек и выдернула из-за стола.

– Пошли, нето банька истоплена, жар самый раз для вас. Я веничек запарила.

– Завтра приходите, дальше гулять будем.

Откуда ни возьмись рядом с бабушкой и сестрами оказались новобрачные. И это Таня поняла по наличию фаты у девушки и черному галстуку на белой рубашке у парня.

– А когда они работают? – спросила Вика по дороге к дому.

– Так на лесхозе горючее кончилось. Трактора стоят, пилорама, вот они и решили отметить свадьбу-то, сами расписались еще месяц назад. – Бабушка Таня была в курсе всех дел в деревне.

– Ба, а у вас тут медики есть? – Таня пыталась вспомнить. Вроде бы раньше что-то было – то ли медпункт, то ли фельдшерско-акушерский пункт...

– Закрыли. В Комсомольском амбулатория, фельдшер приезжает да медсестра... Вот и вся медицина. Сами лечимся. Чего нито случись – машину присылают – и в район.

* * *

Утро началось на заре. Грохот засова в сених. Скрип ворота у колодца, гремела цепь, лилась вода. Потом скрипучий голос бабы Тани:

– Спите? Ну, спите, спите... А нето, может, завтракать хотите?

– Ба! – Таня открыла один глаз, скосила его на ходики – пять тридцать. За окном завопил петух. – Мы спим.

– Умаялись – так и спите пока. Чего на завтрак-то вам? Молочка аль чего покрепче?

Сон стремительно убежал от глаз.

– Ба, ну... все уже. Вику хоть палкой бей... Молочка – да, а чаю можно?

Бабушка кивнула и скрылась в сених.

Таня вспомнила, что вчера ее просили посмотреть какого-то дядьку. Сон пропал в одну секунду. Что может быть? Дамочка сказала, что у него болит сильно, и вроде бы почка. Выходит, почечная колика. А отчего она может быть? Надо вспоминать. Ну, хорошо. Вот камень в почке. Это раз. А еще? Ну, пиелит – воспаление почечной лоханки. Да. А с чего вдруг? Она вспомнила, как на вызове они также обсуждали с Ерофеевым почечную колику у тридцатилетнего дядьки-плейбоя. Он катался по полу и орал как резаный. А все началось с того, что он паниковал не столько из-за того, что болело, сколько из-за... Как же это он объяснял? Он как-то странно намекал Ерофееву, что у него был секс с какой-то девушкой, вроде как в первый раз, но не в том смысле, что у него в первый, а в том, что они только познакомились, что отжигали как-то очень сильно, и через двое суток этот любитель женщин ощутил жжение при мочеиспускании. И его приводила в ужас версия, что он подхватил какую-то венерическую инфекцию типа гонореи. Но Ерофеев ее отверг. Во-первых, потому, что боль оказалась не в уретре, а в боку. Открылась рвота пару раз, и, когда Ерофеев потребовал наполнить прозрачный стакан мочой, тот дядька кое-как нацедил несколько миллилитров бурой жижи. Таня сказала тогда: «А что, разве не могло быть так, что инфекция поднялась от уретры через мочеточник в почку?» Ерофеев согласился, что версия правдоподобная, но почему только в одну? Во-вторых, вот так стремительно вверх против тока мочи инфекция не поднимается... Обычно на это нужно несколько дней. Сначала должен был появиться уретрит – воспаление мочеиспускательного канала. И еще, если инфекция вызвала появление крови в моче, то обязательно должна подняться температура. Температуры у дядьки не было. Но потом Ерофеев постучал ему кулаком по пояснице – тот громко закричал, когда удар пришелся по левой почке. А еще Ерофеев сказал, что исключать наименее возможные болезни можно и нужно, но если есть явные указания по симптомам на наиболее вероятную болезнь, то не стоит... Таня сладко потянулась под лоскутным одеялом. Да, Саша сказал: «Не стоит преумножать сущности». Она тогда не поняла этой фразы. Потом он объяснил: «Как ни усложняй, и так уже все ясно». Сон прошел совсем.

В ходиках что-то захрипело, откинулась дверца, и кукушка скромно кукукнула шесть раз.

В деревне все поднимаются рано. И Таня подумала, что, в общем, неплохо получилось: когда вчерашняя женщина пришла «напомнить», то застала московскую гостью сидящей под яблоней во дворе с чашкой чая. Это благоприятно отражается на образе и отношении. С больным все оказалось проще простого. Во-первых, это у него было уже не впервые. Во-вторых, диагноз «мочекаменная болезнь» значится у него в амбулаторной карте. Однако почечная колика тянулась уже почти неделю и все никак не проходила. И Таню озадачили не вопросом диагностики, а вопросом «Чем снять боль?». А что есть? И еще: ведь раз колика и острый

пиелонефрит текут уже неделю, значит, воспаление не могло не присоединиться, а значит, непременно нужно назначить какие-нибудь обеззараживающие средства, которые выделяются с мочой. Уросептики и антибиотики. Ну и, конечно, обезболивающие и средства, снимающие спазм. Камень в мочеточнике его царапает и вызывает сужение от боли. Самое популярное средство – но-шпа. Но есть ли она? Об этом спросила Таня дочку больного дядьки, и та помчалась по деревне, чтобы собрать все обезболивающие, уросептики и но-шпу. Не прошло и получаса, как женщина вернулась с коробкой из-под ботинок и плюхнула ее на стол. Таня как раз изучала мочу больного, рассматривая на просвет майонезную баночку с мутной жидкостью. Микроскопа нет. А так что скажешь? Она напрягла память. В моче однозначно кровь. Причем, судя по окраске, кровь-то свежая, не за ночь накопилась, а сам больной изрядно вспотел и был бледен.

– Больно? – спросила Таня.

– Вот поначалу-то нормально, а как вот капельки пошли, так аж искры из глаз... Такая резь, что, если б один был, поорал бы точно. – Больной представился Петром, и Таня попросила рассказать, как все началось, чем лечился.

Вот что дядя Петр рассказал:

– Камень в почке идет уже не впервой... Один раз даже в Вельск возили, в больнице лежал, электростимуляцию делали, сказали, почка расширена... Капельницы ставили. Неделю маялся. Они мне тогда сказали, если опять прихватит, приезжать... А куда?

Это Таню удивило. За водкой тягач послать – это нормально, а больного отвезти – как-то в голову не приходит. Прибежала дочка Петра. Таня ее сразу спросила:

– Можно ли договориться с Витькой и отвезти Петра хотя бы в Комсомольский?

– Витька выпил вчера все, что привез, и никуда сегодня уже не поедет. Похмелится, потом будет рассолом отпиваться, значит, раньше чем завтра за рычаги не сядет. Да я и не отпущу с ним отца.

– А что же делать?

– А ваша сестра, – женщина обращалась к Тане исключительно на «вы» и с каким-то трепетом в голосе, – сказала, что вы на скорой работаете.

Таня не знала, что на это ответить. Что она еще студентка? Что толком и не работает, а так – на практике? Женщина смотрела на девушку, как смотрят на икону. Вопрос «что делать?» повис в воздухе. Чтобы скрыть замешательство, Таня принялась разбирать принесенные лекарства. Она отложила коробку с препаратом 5-НОК, рядом – нитроксилин, еще нашлось два блистера бисептола 480 – тоже легли рядом. Пол-упаковки баралгина, одна полоска анальгина, две баночки с но-шпой. Таня тайком поглядела на экран мобильного – время уже полдевятого, да индикатор сети показывал «ноль», то есть сети нет. Да и куда звонить? Ерофеев уехал куда-то и предупредил, что там связи не будет. Сомову – старшему врачу подстанции? Он только что пришел на работу, наверное, сейчас на пятиминутке, потом пойдет в диспетчерскую проверять ночные карты.

Женщина молча смотрела, как Таня разбирает принесенные лекарства. Потом вдруг сказала:

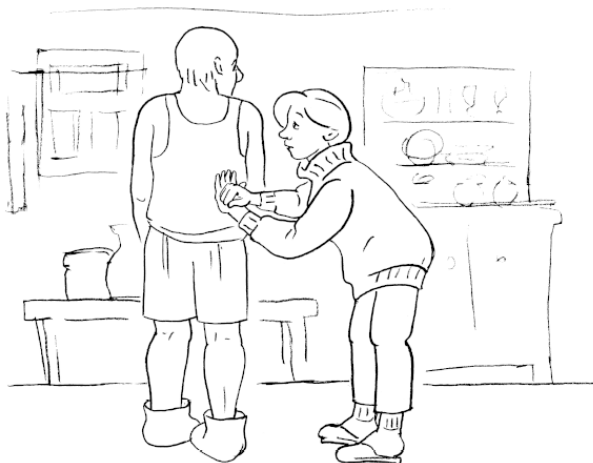
– В правлении ключ есть от медпункта-то... Может, там че ни то есть? Поглядите?

До Тани не сразу дошел смысл сказанного. Она отложила но-шпу, 5-НОК, бисептол и баралгин.

– Вот. Сейчас разом четыре таблетки но-шпы, две баралгина, две 5-НОКа и две бисептола. Через четыре часа еще по две 5-НОКа и бисептола. И пойдемте посмотрим, что там есть.

Пока шли по деревне, женщина ничего не говорила, а Таня размышляла и вспоминала, что она тогда еще обсуждала с Ерофеевым. Помнится, он сделал «коктейль» из баралгина, новокаина и платифиллина и, разведя все в большом шприце – двадцатке, заставил стажерку

вести больному в вену... Приступ болевой прошел почти сразу после введения. Потом Ерофеев велел тому парню наполнить ванну очень горячей водой и лечь туда минут на пятнадцать.

– А зачем новокаин? – спросила тогда Таня.

Действительно, с баралгином все ясно – там анальгина два с половиной грамма в ампуле, еще спазмолитик, вроде папаверина. С платифиллином тоже понятно – лучше, чем им, расслабить мочеточник вряд ли чем можно, может быть, атропином, если б был только. Но он учетный. Так что непонятым остался новокаин. И Ерофеев объяснил, что новокаин выводится через почки с мочой, частично распадается, но кое-что работает.

– А он к какой группе относится?

– Местных анестетиков, – не задумываясь, ответила Таня.

– Во-от, – сказал Ерофеев, – а камень там поцарапал мочеточник, то есть там рана, по сути... И если моча пойдет с новокаином, что получится?

– Что она снимет боль.

– Как видишь, все просто.

– А много надо новокаина? А какой концентрации? – вопросы сыпались как из пулемета.

– Наоборот и по порядку. Новокаин, как все производные кокаина, обладает хоть и слабым, но эффектом снижения проводимости в сердце, поэтому если и нужно ввести много (а для снятия боли в почке нужно до двухсот миллилитров), то лучше всего использовать концентрацию в четверть процента. Вот мы с тобой ввели десять кубиков полупроцентного, но развели его вдвое тем, что добавили и изотонический раствор, и баралгин. На шприц концентрация оказалась что надо. Ты все ввела медленно, лекарства начали работать – и боль прошла.

– Если б у нас был новокаин в бутылке, можно было бы прокапать? – продолжала пытаться наставника любопытная стажерка.

– Конечно. В урологии обычно так и делают. Ставят пару капельниц с новокаином, обезболивающими – и побольше жидкости. Спазм уходит, так что камень может даже выпасть в мочевой пузырь.

Подожли к правлению, женщина вынесла ключ от всячего замка и повела Таню дальше, на окраину деревни, где стояла избушка медпункта.

– Когда закрыли его, – сказала молодуха, снимая засов с двери, – чего-то оставили, на всякий случай. Может, чего-то пригодится. Ты, Танюха, разбираешься в лекарствах? – Она как-то незаметно перешла на «ты» и сразу по-свойски – «Танюха»...

– Разбираюсь.

Таня включила свет. В ящиках среди ваты, бинтов, бутылок с перекисью, нашатырем, вазелином и пластырем нашлись коробки с ампулами. И Таня увидела «сокровище» – три

коробки с новокаином, пятиграммовые ампулы в концентрации полпроцента, и коробку с атропином, на которую упало что-то тяжелое, отчего уцелели только две ампулки. Еще Таня прихватила шприц, только маленький. Она не знала зачем, но решила, пригодится.

– Тут фельдшер чиряки вскрывал, – сказала женщина, увидев шприцы и лекарства. – Новокаином обезболивал.

Таня окинула взглядом пыльные комнаты, стол для перевязок, шкафчики, коробки...

– Мне этого хватит, – сказала она и поправилась: – Дяде Пете хватит. Только вот еще...

– Чего?

– Где бы горячую ванну найти?

– Эва чего... – Дочь Петра заперла медпункт. – Ванны нет, а баню вытоплю. Можно бочку пятидесятиведерную горячей водой налить. Сойдет? Новокаин-то зачем тебе?

– Сойдет, – улыбнулась Таня. – Пригодится.

Пока шла, вспоминала, а можно ли новокаин не колоть, а дать пить. И вдруг как озарило: она была на занятии по внутренним болезням в гастроэнтерологическом отделении, и там какой-то дядька пил новокаин прямо из бутылки, которая для капельниц. Стаканами, перед едой. И преподаватель рассказала, что это очень старый и весьма неплохой способ лечения язвы желудка и двенадцатиперстной кишки и пришлось его вспомнить, потому что у больного оказалась аллергия на омепразол и непереносимость де-нола...

Все складывалось как нельзя лучше.

Петр выпил все лекарства. Сидел за столом, кривился от боли. Таня вскрыла одну пачку новокаина, десять ампул, вытряхнула все в стакан – вышла четверть. Подумала, разбила еще десять ампул и развела все до полного стакана. Дала больному:

– Выпейте это пока, а я сейчас еще укол сделаю.

Хлопнула дверь, вошла дочь Петра.

– Баню я затопила, котел кипячу. У соседней была – сейчас бочку закатим в баньку. Батя, ты пойдешь в бочку?

– Зачем в бочку-то? – стонал Петр. – Можжит, зараза... Ссу – не могу, так режет...

А Таня вспомнила, что Ерофеев говорил: если резь усиливается к концу мочеиспускания, значит, камень в нижней части мочеточника – и вот-вот выпадет.

– Горячая вода спазм хорошо снимает.

– Так, может, просто пропариться в бане? Пойдем... попаришь по-соседски.

– Что, я?

Молодуха стояла, улыбалась, не вмешиваясь в разговор. Таня от такого предложения опешила. Она вспомнила, что каким-то внутренним чутьем (зачем – ответить не могла) кинула купальник в сумку, когда собиралась, – на всякий случай, позагорать.

Только после обеда она вернулась в дом к бабе Тане. Уставшая, но довольная. После баньки и горячей бочки Петр с блаженной улыбкой вышел к дочке и Тане и выложил на стол овальный коричневый камушек размером с небольшую горошину перца.

– Вот он, зараза! Мучитель мой!

Комментарий специалиста

Почечная колика при мочекаменной болезни мучительна. Если камень крупный, то вариант, описанный в рассказе, как правило, не проходит. Через мочеточник может проползти только небольшой камушек диаметром до 6 мм. Часто он, начав движение из лоханки,

вызывает несколько приступов. Первый, когда камень перекрывает выход мочи и приводит к расширению лоханки почки – гидронефрозу. Это состояние сопровождается сильнейшей болью, тошнотой, рвотой, режками при мочеиспускании, но сам характер боли указывает на то, что камень еще высоко стоит. Спуск по мочеточнику – новые приступы, и, что очень характерно для локализации в нижней трети мочеточника, – это частые позывы к мочеиспусканию и усиление боли «на последних каплях». Это связано с тем, что сокращение мочевого пузыря невольно заставляет шевелиться и стенки мочеточника у самого устья. Сам по себе этот симптом (при невозможности сделать УЗИ или рентген) благоприятен, ибо намекает, что камень сумел пройти весь мочеточник до самого устья, а значит, его диаметр не больше 6 мм.

В рассказе описаны самые простые и довольно эффективные способы снятия боли и спазма.

Прежде всего нужно вводить обезболивающие: баралгин – 1 ампула содержит 2,5 грамма анальгина⁸⁹, подходят аналоги: спазмалин, триган, максиган, баралгетас или 2 ампулы 50-процентного анальгина, можно внутрь до 5 таблеток анальгина по 0,5 г.

Спазмолитики (но-шпа, дротаверин) по 80 или 160 мг хватает на 4–6 часов. То есть до 320 мг в сутки. Платифиллин или атропин – учетные препараты, и вряд ли они окажутся под рукой, но если так случится, то 2 ампулы в сутки внутримышечно (по 1 ампуле на 1 2 часов) допустимо.

А вот применение новокаина – оригинальное и не очень удачное решение. Новокаин распадается в крови, а выводится с мочой частично, только если вводится капельно или струйно внутривенно, он всасывается в желудочно-кишечном тракте и, всасываясь в кровь, разрушается практически на 90 %, туда, где гранями камня поврежден мочеточник, он уже не попадает – в этом стажерка ошиблась.

Для лечения гастрита употребление внутрь новокаина годится, а вот почечную колику он так не уберет.

Нельзя забывать и о противовоспалительных антибактериальных препаратах – уросептиках. Наиболее популярные и безвредные – 5-НОК и бисептол.

Антибиотики лучше пусть назначает врач-уролог, если они действительно будут нужны, как и специальные, растворяющие камни лекарства.

Горячая ванна (не грелка) в сочетании с обезболивающими и спазмолитиками позволит расслабить мочеточник и даже вывести камень. Правда, вот уже из пузыря он может выйти не сразу, а спустя много дней. В рассказе это было литературное допущение.

Информация для немедиков – участников событий

На что нужно обратить внимание?

При развитии почечной колики характерны жалобы на ноющую боль в животе и спине. Боль может возникнуть внезапно, в любое время, и если впервые, то нередко случаи развития болевого шока с падением артериального давления, потливостью, головокружением, рвотой.

Характерным симптомом почечной колики является «симптом поколачивания по поясничной области», который определяется следующим способом: нужно зайти за спину больному, приложить ладонь одной руки к пояснице слева и крепко стукнуть по ладони кулаком другой руки, то же самое необходимо выполнить и справа (рис. 9).

⁸⁹ Анальгин – метамизол (МНН) – запрещен к использованию во многих странах или продается исключительно по рецепту врача. В России в свободной продаже. Для длительного приема противопоказан.

Рис. 9. Определение симптома почечной колики

Как показано на этом рисунке. Удар крепкий и сильный. В ответ на удар больной ощутит острую боль и скажет как минимум «ой». При первом приступе почечной колики больного необходимо **ОБЯЗАТЕЛЬНО ГОСПИТАЛИЗИРОВАТЬ** – его должен осмотреть уролог и нужно выполнить УЗИ почек или рентгеновское исследование.

Дело в том, что почечная колика вызвана не только травмой мочеточника камнем, но и гидронефрозом почки, то есть переполнением и перерастяжением мочой из-за закупорки мочеточника. А при этом обязательно развивается пиелонефрит, в некоторых случаях гнойный пиелит (воспаление лоханки почки). Это воспаление может перейти в сепсис и привести к гибели больного.

Вызывая бригаду «03», необходимо использовать повод «**БОЛИ В ЖИВОТЕ**». Это не будет уклонением от истины. Потому что обычно боль сперва начинается именно в животе, часто имитируя аппендицит, панкреатит, обострение язвенной болезни двенадцатиперстной кишки.

Что нужно делать?

Проводить лечение самостоятельно и пытаться снять приступ почечной колики можно только у «опытных» больных, «со стажем», уже понимающих все нюансы заболевания и обострения. Но если есть возможность, необходимо как можно скорее проконсультироваться у уролога и сделать УЗИ почек. Ведь диаметр камня – его размер – можно определить с помощью рентгеновского снимка или УЗИ – он может быть больше 6–7 мм. А такие нужно дробить или удалять.

День рождения – грустный праздник

История пятнадцатая, в которой Таня еще раз повторяет правила остановки артериального кровотечения.

Ерофеев вышел в ночь, а Таня работала с утра. В восемь вечера заканчивалось ее дежурство. Ерофеев помахал перед носом картой:

– Домой хочешь? Собирайся. Вызов на соседнюю улицу.

– Я мигом! – Таня подхватила и побежала в фельдшерскую – переодеваться. Снять халатик, надеть ветровку – пять секунд, скинуть кроссовки, надеть туфельки – еще пять. Посмотрела на лежащий на кресле белый халат – пора стирать! Свернула и сунула его в пакет.

Уже в машине, словно на автомате, спросила:

– А что дали?

– Мужчина, сорок, травма руки, кровотечение, – ответил Ерофеев.

– Обычно же такое в травмпункт отправляют, – с сомнением в голосе сказала Таня. – Сколько мы таких забирали с переломами?

– Я сам не пойму, – сказал Саша, – но, надо полагать, как-то сумели настоять на приеме. –

Он привычно добавил: – Приедем – увидим. Что гадать-то?

– Можно я с тобой пойду? – зачем-то спросила Таня.

– А нужно ли? Я и один справлюсь. Если хочешь, конечно, пойдём – пара рук лишней не будет, – сдался Ерофеев. А Тане почему-то стало радостно: она весь день проработала на другой бригаде с другими медиками и как-то устала от бестолковости дежурства, а тут хоть один вызовочек, но вместе с Сашей.

Когда приехали по адресу и Ерофеев открыл салон, она выскочила из машины, натягивая на ходу халат, прямо поверх ветровки, забрала у фельдшера карту. И пошла рядом. Ерофеев молча оценил ее серьезность и сдержал улыбку. Рвение стажерки ему импонировало, только бы это не оказалось азартом стажировки, который довольно быстро сменяется псевдопрофессионализмом и безразличием к больным. Войдя в квартиру, они поняли, почему диспетчер не посоветовал пациенту идти в травмпункт. И пока Ерофеев оказывал первую помощь, Таня расспрашивала родственников и близких пострадавшего. В конце концов у нее сложилась такая вот картина событий.

В доме было всего три человека: двое мужчин и одна женщина. Это были муж, жена и старинный приятель мужа. Все они вечером буднего дня после работы пришли в квартиру супругов, чтобы отметить очень узким кругом день рождения мужа – сорок лет. Им уже было

не раз сказано всеми друзьями, что сорок лет не отмечают, что потом, в сорок один год, можно собрать большую компанию, а вот сорок надо как бы не заметить. И все равно, день рождения – это семейный праздник, поэтому решили сузить этот круг до минимума и посидеть часик-другой, выпить сухенького винца, закусить заранее приготовленным салатом «Оливье» и выпить чаю с тортом, тихонько при этом поздравив именинника. Вполголоса. Они посидели, разлили по бокалам красное французское вино, заранее припасенное бордо какого-то особенного года урожая... со слов друга, довольно дорогое (полторы сотни долларов за бутылку), произнесли традиционные слова, закусили и поужинали салатом, и жена пошла на кухню готовить чай и резать торт, а муж взял в левую руку хрустальную салатницу и, торжественно пританцовывая, понес ее следом тоже на кухню, дабы убрать в холодильник, ибо все уже наелись.

Подойдя к закрытой кухонной двери, он через матовое стекло видел призрачный силуэт жены, но не подозревал, что идет она спиной и что, так как дверь открывается наружу (в коридор), она, держа в руках поднос с чашками, чайником и блюдом с тортом, просто попой толкнет дверь. С какой силой обычно толкает попа дверь? Видимо, с достаточной, чтоб засветить по салатнику и расколоть его. Острый как бритва кусок хрусталя пролетел через левое предплечье мужа и попутно рассек его до кости, при этом перехватив и вену, и артерию, и нерв. Друг услышал грохот, визг жены, выбежал из комнаты и увидел бледного улыбающегося мужа, безумные глаза его супруги и фонтан алой крови, который орошал соседнюю стенку ванной. Другу хватило самообладания, он выдернул из брюк ремень и, наложив его выше раны, но ниже локтя, туго-натуго перемотал руку и, сдернув с плеча жены полотенце, перевязал рану. Муж при этом ободряюще говорил жене, что пророчество сбылось, что все в порядке, что на нем все заживает быстрее, чем на собаке, и сейчас они пойдут в травмпункт, до которого рукой подать, и уже завтра всем будет смешно... не надо бояться... Жена, конечно, его слушала, плакала... а друг вызывал скорую, шепотом о чем-то общаясь с диспетчером. Как потом рассказал приятель семейной пары, объяснил, что рана очень глубокая, что кровотечение артериальное и что он наложил жгут.

Ерофеев, пока Таня все это выясняла, распускал полотенце, чтобы осмотреть рану, и, когда он уже почти снял пропитанную кровью материю, пострадавший побледнел, закатил глаза и рухнул на диван. А из-под полотенца потекла красная струйка... Вот тут Саша не сдержался и коротким «черт!» выразил эмоциональное состояние... Конечно, кровотечение благодаря жгуту ослабело, но не прекратилось. Фельдшер выдернул из ящика резиновый кровоостанавливающий жгут и быстро накрутил его поверх плеча. Струйка замерла. Ерофеев, уже в перчатках, салфеткой промокнул рану, осмотрел повреждение.

– Татьяна! Бегом, капельницу, пакет с ГЭКом, водитель пусть приготовит носилки. – Стажерка подхватила и побежала вниз. А Ерофеев уложил раненого без подушки и под ноги подсунул все валики с дивана. Он повернулся к женщине, оценивая ее адекватность: вроде ничего – вменяема. – Пожалуйста, сделайте большую кружку теплого сладкого чая. С пол-литра, и шесть ложек сахара.

– Покрепче? – уточнила жена, оглядываясь на бледного как полотно мужа.

– Нет, не слишком – одной чайной ложки заварки хватит. Главное, не кипяток, а так, чтоб он пить мог.

Муж тем временем приоткрыл один глаз и пошутил:

– Коньячку добавь чуть-чуть...

Друг мужа, к которому вернулся измазанный кровью брючный ремень, улыбнулся и спросил:

– А коньяк серьезно можно?

– Серьезно можно, чайную ложку, – ответил Ерофеев. – Сейчас вы лежа выпьете чай, потом я в правую руку вам поставлю катетер и мы наладим капельницу, а потом поедем в больницу.

При слове «больница» муж немного загрустил, а друг кивнул.

– Это правильно – там артерия задета! Поезжайте обязательно!

– Говорили мне сорок лет не отмечать! – сокрушенно покачал головой муж. – Вот я дурень... Верная примета.

Пока муж пил чай, а Таня собирала капельницу, Ерофеев приготовил все для постановки катетера в локтевую вену.

– Что понадобится для больницы? – спросила жена.

– Паспорт, полис, тренировочный костюм и тапки.

– А его надолго положат? – спросил друг. – Ему надо по работе решить кое-какие дела.

– В больнице скажут. Я не знаю, это травматологи решат. Возможно, с недельку придется побыть. Там нерв задет лучевой – большой палец не работает и указательный. Нужно сшить нерв. Потом восстановление. Я не думаю, что сразу отправят домой. – Ерофеев над большой миской выжал полотенце. – Тут еще и кровопотеря почти литр.

– Я ведь ему жгут наложил, – гордо сказал друг, намекая: «Я вот не растерялся!»

Ерофеев промолчал. Он не хотел расстраивать друга пострадавшего. И тот, может быть, и не узнал бы никогда, что неправильно наложил жгут, что литр крови убежал в полотенце именно из-за этого, но Таня подошла с капельницей к Ерофееву и, слегка набычившись, спросила:

– А разве ниже локтевого сгиба можно накладывать жгут? Это же ошибка!

Ерофеев кивнул. Он в этот момент ставил катетер и заклеивал его пластырем.

– Да, – сказал он, – кровоостанавливающий жгут при артериальном кровотечении накладывается на часть руки или ноги с одной костью. То есть или на плечо, или на бедро. Ты все правильно помнишь. – Друг мужа покраснел, развел руками. – Не расстраивайтесь, – добавил Ерофеев, – теперь будете знать. Главное, что вы не растерялись. Это намного важнее. И кровотечение вы хоть и не остановили полностью, но здорово притормозили.

Таня держала пакет с гидроксиэтилкрахмалом над раненым. Тот держал на весу руку и наблюдал, как Ерофеев ловко бинтует ему предплечье.

– Теперь жгут можно снять? – спросил он, глядя на снежно-белый бинт.

– Нет, – ответил Ерофеев. – Нельзя. У нас есть еще минут тридцать, надо скорее ехать.

– А почему? – не поняла жена. Она уже держала в руке паспорт и страховой полис.

– Потому что, если ему не сошьют артерию, он может потерять руку – совсем. Таня, померяй давление, пожалуйста.

Через три минуты та отрапортовала:

– Сто тридцать на семьдесят.

Ерофеев тут же сказал ей:

– Вот и отлично, пока ГЭК закроем, беги домой, а водителю скажи, чтоб пришел с волокушей, мы отнесем пострадавшего в машину.

– Да не надо! – Муж начал садиться на диване. – Я в порядке, сам дойду! – Однако через минуту побелел и покрылся потом. – Чего-то голова кружится.

– Давайте без самодеятельности, – сказал Ерофеев. – Делайте, что вам говорят, и все будет в порядке на самом деле.

Через сутки Таня вышла на очередное дежурство и встретила с Ерофеевым. У него начинались обычные сутки. Днем – один, на ночной бригаде – с врачом. Стажерка подошла к фельдшеру и спросила:

– А как тот мужчина? С рукой? Все нормально?

– Да, – ответил Ерофеев, заполняя журналы учета имущества бригады, – его сразу взяли в операционную. А ты запомнила, как правильно накладывать артериальный жгут?

– Я знала, – ответила Таня немного с вызовом. – Вроде бы не такая уж я и глупая! Надо еще время наложения отмечать!

Ерофеев чуть улыбнулся. Ну, ничего смена растет. Хоть и малявка, но старается.

Комментарий специалиста

Резаная рана конечности – глубокая, с повреждением артерии – независимо от того, на руке или ноге, голени или предплечье, считается тяжелой травмой, требующей неотложной хирургической операции. Первая помощь – наложение артериального жгута на бедро или плечо. Как верно заметила стажерка, жгут на участок конечности с двумя костями не накладывается – только на плечо или бедро. Связано это с анатомической особенностью сосудистой системы: в голени и предплечье артерии и нервы проходят между двумя костями, поэтому жгутом их полноценно не пережать (рис. 10).

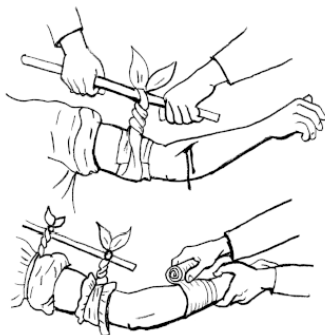

Рис. 10. Так накладывается артериальный жгут (на руку или ногу) с последующим закрытием раны асептической марлевой повязкой

В рассказе не говорится, как остановить артериальное кровотечение на шее (из сонной артерии) или в паху. Это важная тема.

Сонная артерия прижимается твердым валиком и туго прибинтовывается через противоположную подмышку (рис. 11).

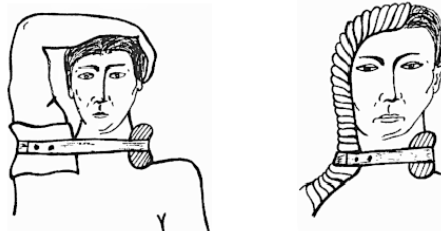

Рис. 11. Остановка крови при ранении подмышечной и сонной артерии.

1 – повреждение бедренной артерии; 2 – повреждение артерии голени и стопы; 3 – повреждение артерии предплечья и кисти.

При ранении в паху – если рана небольшая и есть надежда, что пострадавший не истечет кровью в первые 3–5 минут, – необходимо наложить тугий валик и жгут через пах и пояс. При этом следует обеспечить максимальный покой (лежачее положение на щите) и максимально быстро доставить пациента в хирургию ишить раненые артерии.

Для поддержания объема жидкости и крови в организме нужно давать теплую сладко-соленую воду⁹⁰ в большом объеме – 2–3 литра, если человек в сознании и может пить маленькими глотками (иначе будет рвота). Прижатие артерий останавливает кровотечение на время транспортировки (рис. 12).

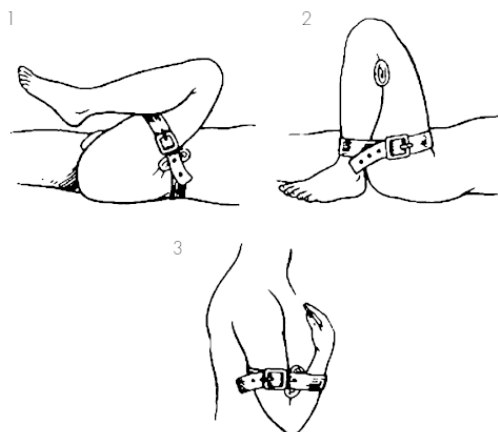

Рис. 12. Остановка артериальных кровотечений методом прижатия

Информация для немедиков – участников событий

Что нужно делать?

Если вы стали свидетелем **травмы конечности с резаной раной** и артериальным кровотечением, необходимо выполнить следующие действия:

1. Используя подручные средства (брючный ремень, капроновый чулок или колготки), нужно наложить импровизированный жгут выше раны – на предплечье или бедро – и, используя какой-нибудь крепкий цилиндрический предмет (ветка, металлический прут, гаечный ключ, монтировка), перекрутить петлю жгута таким образом, чтобы он пережал артерию, питающую поврежденный сосуд.

2. Зафиксировав конец прутка-закрутки, надо написать рядом со жгутом время его наложения.

3. Используя чистую ветошь или марлевый бинт, необходимо закрыть рану от попадания в нее грязи.

4. Если пострадавший бледен, у него слабый частый пульс, нужно дать ему выпить теплую сладкую жидкость (чай, морс, просто сахар, разведенный в воде из расчета 2 столовые ложки на 1 литр воды (без соли) или как описано выше (с солью).

5. Вызвать бригаду «03» с поводом «РЕЗАНАЯ РАНА, АРТЕРИАЛЬНОЕ КРОВОТЕЧЕНИЕ».

⁹⁰ По 1 столовой ложке соли и сахара на литр воды.

Катастрофа в животе

История шестнадцатая, в которой Таня с Ерофеевым выясняют, как спасти отравившихся грибами, потом играют в ролевые игры, а практикантка узнает, что не всем и не всегда можно помочь.

Стажерам, как и обычным сотрудникам подстанции – фельдшерам и врачам, – положено посещать утренние конференции. Это обычные планерки-пятиминутки, сохранившие свое название от подобных утренних совещаний в отделениях больниц. Так же, как и медработники на совещаниях в отделениях, где докладывали о поступивших, пролеченных и прооперированных, о чем-то необычном, интересном или непонятном, бригады скорой помощи, сдавая смену, отчитывались о выполненных вызовах. Сколько их было, что произошло интересного, с чем необычным пришлось столкнуться. Медицина – наука наблюдательная, поэтому любой случай берется на заметку. Завершал пятиминутку обычно заведующий подстанцией или старший врач, сообщая о новых приказах, наказаниях и поощрениях, грядущих проверках, тренингах или реорганизациях.

В этот день, выйдя на очередное дежурство и привычно записавшись в бригаду к фельдшеру Ерофееву, который во время конференции принимал бригаду и пополнял расходные материалы, Таня пришла в конференц-зал и устроилась в заднем ряду, немного выделяясь белым халатом среди синих спецовок. Старший врач Виктор Васильевич Сомов на предложение заведующего сообщить нечто важное поднялся и сказал:

– Значит, так. Я обращаюсь в основном к фельдшерскому составу. Послушайте меня! – Он чуть повысил голос, чтоб покрыть шебуршание и бормотание сотрудников. – Вчера на совещании старших врачей зачитали сводку по неотложным случаям, связанным с отравлением грибами. В Ростовской, Тульской, Воронежской и Липецкой областях уже зафиксировано несколько эпизодов отравления бледной поганкой, панцирным мухомором и прочими грибами из числа ложных⁹¹. . . У меня в кабинете есть учебник токсикологии, предлагаю зайти и ознакомиться как с характерными симптомами, так и с первой помощью при отравлении, как в первые часы, так и на вторые сутки. . . ибо на третьи помощь уже оказывать поздно. . . Отвадший бледной поганки в вареном или жареном виде имеет время – несколько дней – только на составление завещания. – Он строго нахмурил брови на сдержанное хихиканье. – Это не смешно. Спасти удастся не больше десяти процентов из обожравшихся ядовитыми грибами. Даже тот факт, что вы доставляете их в центр отравлений, не дает полной гарантии на спасение. В лучшем случае это не очень мучительное умирание под наркотиками. . . Я напоминаю, среди грибов, которые растут в Московской и окружающих ее областях, немало смертельно ядовитых. Весной травились строчками. Летом ядовитых грибов намного больше. Например, среди них есть очень коварный грибок – оранжево-красный паутинник. По внешнему виду немного похож на рыжик, однако только похож – опытный грибник его не возьмет, а вот неопытный может. Отличает этот гриб бледный рисунок паутины на шляпке и у основания ножки, который тот же неопытный грибник принимает за характерные круги у рыжика, а ножку обычно отрезает и не рассматривает. Если взять сразу два гриба – рыжик и паутинник, – их легко отличить. Чем опасно отравление этим грибом? В нем очень опасный токсин, который приводит к поражению почек в течение пяти или пятнадцати дней после отравления. Клиника острого гломерулонефрита и почечной недостаточности. А есть грибы с нейротоксинами, вызывающими клинику инсульта. Но весьма необычного. Парализует руку с одной стороны, а ногу – с дру-

⁹¹ Ложные грибы – несъедобные, но очень похожие на съедобные. Содержат различные горечи и токсины, иногда смертельные (это зависит от количества съеденного). Отличить ложный гриб от съедобного может только опытный грибник.

гой... Это я как вариант необычности привел, чтоб вы понимали. Возраст не соответствует, анамнез... Понимаете? Обязательно выясняйте про употребление грибов! Вот. Чтобы понять, инсульт ли это или действие грибных токсинов, нужно хорошо знать неврологическую диагностику. – Сомов достал из кармана блестящий молоточек. – Желаящим выдам эти приборы под расписку. Изучите их и как ими пользоваться. Врачам знать неврологию обязательно, фельдшерам – желательно. На этом все.

Вот в этом весь Сомов. Рассказал, попугал, потребовал – и распустил. Таня пошла за ним следом, хотелось краем глаза поглядеть токсикологию. Она не грибник. И хотя папа ее большой любитель собирать грибы, он привозил их обычно уже готовыми из командировок на Север, в нефтяные районы, куда его регулярно посылали по службе. Таня знала всего несколько видов грибов: лисички, белые, подосиновики и грузди. Больше всего ей нравились лисички... потому что рыжие и веселые, а еще грузди – потому что вкусные и хрустят. Папа говорил, что груздь – царский гриб! Про рыжики Таня только слышала, но не видела их ни разу. После сомовского выступления она подумала, что теперь точно не будет есть грибы... Может быть, кроме тех, что привез папа.

У диспетчерской Таню встретил Ерофеев.

– Далеко направилась?

– К старшему врачу.

– Он позвал?

– Нет, хочу токсикологию посмотреть. Он сказал, что уже есть случаи отравления грибами.

– А, да... я слышал, по телику сообщали, – сказал Ерофеев. – Потом считаешь, у нас вызов.

– Что дали? – Таня уже без смущения общалась с сотрудниками подстанции. Прошло то состояние, когда она краснела по любому поводу, прошли стеснительность и страх. Особенного куража еще не было, но с людьми наладились нормальные отношения. Правда, далеко не всем нравились маленькие девушки. Немало было и таких, кто откровенно недоумевал: «Зачем тебе скорая? Тяжелая, грязная работа не для таких субтильных девочек. Иди в больницу или поликлинику. Тут тебе не место». Поэтому Таня не распространялась насчет своего желания непременно пойти работать на «03». Она упорно приходила на каждое определенное графиком дежурство, хотя многие ее одногруппницы уже подписали дневники и забыли, что практика-то еще не окончилась. Таня через день появлялась на подстанции без пятнадцати восемь и ждала у диспетчерской, пока ее впишут к кому-нибудь одинокому в бригаду. Бывало, что ей прямым текстом предлагали идти домой. Не то чтоб всем нравились стажеры, но уже как-то определились: кто делился знаниями и опытом, а кому-то этим заниматься было лень, и тогда стажер становился таким придатком – переносчиком ящика и заполнителем карточки. Бывало, что

Таня собирала вещички и ехала по своим делам, пообещав себе непременно выйти на следующий день. Появление Ерофеева ее очень обрадовало. Особенно то, что он уже говорил с ней как с равной, как напарник, и то, что она поедет на вызов с ним, расценивалось как само собой разумеющееся.

– Дали как обычно: «болит живот» у мужчины тридцати лет. Ты у меня сегодня за доктора.

Таня улыбнулась. Ерофеев это называл ролевыми играми, однако не вкладывая в понятие ни малейшей частички пошлости. По сути, так оно и было – стажерка играла роль врача в бригаде «03». И совершенно не важно, что она всего лишь фельдшер, это не важно ни самому фельдшеру, ни больному, потому что в бригаде роли делятся на старшего и помощника, а бывает, что старший зовет помощника – и они вдвоем ломают голову над диагностической и тактической задачами. Это для больного и его родных приезжает врач, вот и надо поддерживать это впечатление. Ерофеев, правда, в таких случаях повторял: «Если не знаешь, что делать, прочитай инструкцию»⁹². В ролевой игре на вызове очень важно было соблюдать все правила: осматривать, расспрашивать, принимать решение, а самое главное и самое сложное – не дать больному и родственникам почувствовать, что стажер – это стажер. Ерофеев же во время таких упражнений прикидывался туповатым санитаром и только что в носу не ковырял...

Заканчивалась третья неделя практики, а Таня делала записи уже во второй общей тетради с интересными случаями. Ерофеев еще на первом дежурстве посоветовал ей запомнить адреса, имена и фамилии, а потом, вечером, записывать все, что запомнила. Тренировать память. Она удивлялась его способности цитировать фрагменты из «Реестра лекарственных средств РФ», но бывали случаи, когда, столкнувшись с новым названием препарата, Ерофеев доставал из внутреннего кармана планшет и вытягивал информацию о «неизвестном зелье», которое на проверку оказывалось старым – только дженериком⁹³, – давно разработанным лекарством со свободным патентом. Ерофеев запоминал химические непатентованные названия и все аналоги. Однажды Таня узнала, что он хорошо разбирается не только в медицине, но и во многом другом. На одном вызове парень лет пятнадцати вошел в комнату, где медики лечили женщину с повышенным давлением, и с вызовом сказал: «Да ни хрена я в этом крекинге⁹⁴ не понимаю!» – он прижимал к груди учебник органической химии. Ерофеев обернулся к школьнику и за три минуты разъяснил разницу холодного и горячего крекинга, принцип действия ректификационной колонны. Парень широко открыл рот и вышел. Таня тоже «подобрала с тупелек нижнюю челюсть», а больная, несколько оклемавшись, спросила: «Откуда вы все это знаете?» Ерофеев ответил, что служил в части, которая охраняла нефтеперегонный завод, и им читали лекции. Дома Таня рассказала об этом случае, и папа, покачивая головой, усмехнулся: «Я думаю, им читали другие лекции. Как правильно заложить заряды, чтоб разнести НПЗ... А уж принципы крекинга он просто знает – эрудит». А потом был не менее забавный случай, который Таня, может быть, и забыла бы, но... на очередном вызове оказался радиолюбитель, и Ерофеев, осмотрев гору аппаратуры на полках и столе, перекинулся с пациентом «птичьей грамотой»: «DX-станции ловите?» Пациент подтвердил, типа да, что он особенно страстно ловит QRP⁹⁵. Ерофеев добавил, что и QRPP⁹⁶ с хорошей антенной может на CW⁹⁷ покрыть несколько тысяч, если взять диапазон сорок метров. Пациент с ним согласился и тут же поинтересовался,

⁹² Инструкция для работников «03» называется «Стандарты по оказанию неотложной помощи». Также есть еще свод приказов внутреннего пользования.

⁹³ Аналог патентованного лекарства с другим названием.

⁹⁴ Способ разделения нефти на фракции.

⁹⁵ Передатчик мощностью до 5 ватт.

⁹⁶ Радиопередатчики мощностью до 1 ватта.

⁹⁷ Телеграфная связь («морзянка»).

с каким позывным работал доктор. Ерофеев загадочно улыбнулся и сказал: «Корсар»⁹⁸. Дядька почему-то скис и больше эту тему не поднимал.

Таня ничего из этой беседы не поняла, но зачем-то запомнила. И когда они выходили из подъезда, спросила Сашу:

– А почему «Корсар»?

– Потому что капитан Блад был врачом и пиратом, корсаром, – ответил Ерофеев и окончательно запутал Таню, а она, чтоб он не посчитал ее еще большей душой, чем уже считал, не стала расспрашивать, кто это такой.

Она спросила у сестры, знает ли та, кто такой капитан Блад. На что сестра принесла книгу Рафаэля Сабатини⁹⁹. Таня проглотила этот пиратский роман за три дня и поняла, почему Ерофеев использовал позывной «Корсар». Она ощутила не внешнее, а внутреннее сходство литературного персонажа и реального человека.

У мужчин тоже иногда болит живот. И хотя болезненные ощущения чаще посещают женщин в силу их физиологии, схожие неприятности бывают и в мужских животах.

Таня повесила фонендоскоп на шею, в нагрудный кармашек положила неврологический молоток и маленький фонарь, которым американские врачи обожают светить в глаза в надежде увидеть там что-то особенное. В один карман сунула тонометр, в другой – глюкометр и пожалела, что нет зеркальца на лоб, как у ЛОР-врачей. Тогда уж точно никаких сомнений – врач приехал, специалист по животам.

Живот болел, и в этом не было сомнений. Таня осматривала немного рыхловатого парня, который все норовил, вопреки своей болезни, заглянуть ей в декольте, ощупывала ему живот, изучала симптомы раздражения брюшины, и все ее выводы сходились к тому, что воспален аппендикс. Боль определялась справа внизу живота, но какая-то неубедительная боль. И вдруг Таня вспомнила:

– А что вы ели?

– Когда? Вчера? – Парень чуть повернулся на правый бок. – Так удобнее. Да ничего я не ел такого...

– Какого такого? Что вы имеете в виду под «таким»?

– Ни колбасы, ни сала, ничего острого, или соленого, или копченого... – перечислил больной. – Суши ел... сасими, роллы... а нет... это было, черт... сейчас вспомню... грибы шиитакэ были в ресторане. Но там все свежее.

Таня посмотрела краем глаза на Ерофеева – тот высунул кончик языка и попытался что-то на нем увидеть. Саша дурачился. «Он мне не подскажет, – подумала она. – Что же еще посмотреть?» Ерофеев все рассматривал язык. И до Тани дошло:

– Язык покажите!

Больной показал язык, а Ерофеев принялся чесать свой пальцем. Таня решилась и тоже потрогала язык больного пальцем – тот был сух. Ерофеев сунул руку под мышку и держал так ее, рассматривая люстру на потолке. Таня полезла в ящик, достала термометр и протянула больному:

– Меряйте температуру! Рвоты или тошноты не было?

– Было, – сказал парень, засунув градусник под мышку. – Я проснулся оттого, что тошнило. Вчера мы немного выпили, ну совсем чуть-чуть, граммов пятьдесят-сто коньяка, и я не пьяным лег спать. Когда приехал, часа три еще сидел в Интернете, потом спать лег, а утром проснулся от тошноты, хотел вызвать рвоту – думал, отравился или что... не идет. Давился, давился, да все без толку. Да меня и сейчас подташнивает, нехорошо и трусит...

– Что делает?

⁹⁸ Радиопозывной бойцов отрядов специального назначения.

⁹⁹ Английский писатель, автор книг о пирате-враче Питере Бладе.

– Трусит... – Парень потряс руками. – Морозит... Не знаю, как еще сказать...

– Знобит? – подсказала Таня.

– Да, что-то вроде, но не так, как при гриппе, а как-то изнутри...

Таня снова оглянулась на Ерофеева, но тот изучал ногти на руках. Она уже подумала, что ей тоже надо осмотреть пальцы у больного, но Ерофеев вдруг перевернул руку ладонью вверх.

– Повернитесь на левый бок, – сказала «доктор» больному.

Парень послушно повернулся и закричал:

– Не могу, тянет... больно.

Таня забрала термометр – на нем значилось тридцать семь и семь, а Ерофеев почесал себе живот через рубашку. И она вспомнила один симптом, который показывали Саша и Сомов. Девушка не помнила, как он назывался по автору¹⁰⁰, но скомандовала:

– Лягте на спину.

Парень выполнил приказ, а Таня натянула над животом футболку так, чтобы ткань чуть касалась кожи, и быстро сверху вниз несколько раз провела пальцами по животу: слева и справа.

– Ой, – крикнул парень, – больно!

– Справа? – уточнила Таня и хотела еще раз повторить, но больной поймал ее за руку.

– Не надо. Как будто током пробивает и теперь ноет.

Ерофеев изобразил лицом: «Еще что-то неясно?»

Таня убрала все приборы в ящик. Поджала губки, сделала самое серьезное выражение лица и сказала:

– У вас острый аппендицит. Нужно ехать в больницу. Собирайтесь!

Она ждала нытья: «Да не надо, а может быть, пройдет? Давайте подождем? Сделайте мне укольчик...» – однако парень задал только один вопрос:

– Это точно?

Он смотрел ей в глаза. И она не дрогнула, не отвела взгляд, а сказала очень серьезно и уверенно:

– На сто процентов, все симптомы и температура. Да вы сами видите. У меня нет сомнений.

– У меня тоже, – сказал Ерофеев, придурковато улыбнувшись. – Доктор, она знает точно... Мне, кароче, че, звонить, место просить?

Таня сжала губы в куриную попку, чтоб не рассмеяться, и сказала вот так, не разжимая губ:

– Да, пожалуйста, позвоните и запросите место для мужчины с острым аппендицитом.

Ерофеев извлек телефон и принялся дозваниваться.

Таня поняла: у Саши отличное настроение, она все делала правильно, нигде не ошиблась, и сейчас он просто дурачится, чтоб снять ее напряжение и волнение.

Парня отвезли в хирургию, там подтвердили диагноз, и не успела бригада уехать, как больного уже побрили¹⁰¹, переодели и подняли в экстренную операционную.

В машине Ерофеев спросил у Тани:

– Ну что, продолжаем ролевые игры?

Она кивнула в знак согласия.

Весь день до шести вечера они осматривали больные животы, была одна больная спина – радикулит у жениха на свадьбе после того, как он вынес невесту из ЗАГСа на руках, и гипертоническая болезнь, когда пожилая женщина никак не могла снизить себе давление. Животы... животы... Утро началось с аппендицита, потом был острый холецистит – отвезли. Не успели

¹⁰⁰ Симптом Воскресенского.

¹⁰¹ Перед такой операцией бреют живот и низ живота.

вернуться на подстанцию, прямо во дворе дали еще один вызов – «болит живот у мужчины шестидесяти лет». И впервые Таня услышала абсолютную тишину в животе, а где-то на грани слуха тукало сердце и время от времени раздавался тонкий звук, будто капля в блюде упала. Живот болел весь – от верха до низа и справа налево. Язык – как терка. Давление очень низкое. Рвота была, а теперь только позывы, также позывы на дефекацию. Вот тут Таня испугалась. Она беспомощно попросила:

– Саша, я ничего не понимаю. Живот молчит... Перитонит вроде бы есть, но весь живот!

Ерофеев перехватил эстафету. Он не стал демонстрировать свое начальничество, просто задал два вопроса:

– Когда живот заболел?

– Вчера вечером, – кряхтя, ответил мужчина.

– Аритмия сердца бывает? Мерцательная?¹⁰²

– Да, – сказал мужчина, – бывает. Сама собой проходит или таблетки выпью – и успокаивается.

Ерофеев, обращаясь и к Тане, и к больному, сказал:

– Везем в больницу, срочно. Ставим капельницу с ГЭКом¹⁰³, носилки, место запрашивай на острый живот.

– А что у него? – тихо спросила Таня.

– Я не уверен на сто процентов, но все говорит за то, что это тромбоз кишечных артерий.

От выражения лица Ерофеева Таню мороз продрал по спине.

Они отвезли мужчину в ту же больницу, что утреннего парня с аппендицитом. И снова дежурный хирург согласился с поставленным диагнозом. Прямо из смотровой он позвонил куда-то и сказал коротко:

– Катастрофа в животе.

Выйдя из приемного, Таня пристала к Ерофееву:

– А тромбоз кишечных артерий – это очень страшно?

– Очень, – коротко ответил Саша, – мы его привезли умирать.

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Вчера еще можно было бы, – говорил спокойно Ерофеев, но она чувствовала, что ему нехорошо. Она могла бы не расспрашивать, понять его состояние, перенести разговор на другой раз, но что-то, интуиция, наверное, подсказывало – другого раза может не быть.

– То есть если бы он вызвал скорую вчера и его отвезли бы в больницу, был бы шанс спасти?

– Да. Только не спрашивай меня, почему он не вызвал вчера. Я не знаю, я не могу ответить на этот вопрос уже пять лет, почему они отказываются от больниц с острым инфарктом, острым тромбозом, инсультами. Я не знаю, откуда берется эта формула: «А может, подождать?» Я не знаю, почему они нам не верят. Но я знаю, что каждый человек вправе распоряжаться своей судьбой – и этот мужчина распорядился ею так. Сократив время своей жизни до двух суток в реанимации. Может быть, знай он, что происходит в его животе, он бы иначе поступил. Но он не знал. Он думал, что это так, ерунда, поболит – и пройдет... и ждал всю ночь и полдня, пока не понял, что не проходит. Но время-то уже ушло. И у него в животе сейчас гной вперемешку с гниющими переваренными кишками. И там ничего уже не восстановится.

Скрытая ярость и отчаянье в голосе фельдшера что-то зацепили в сердце, и Таня не заметила, как заплакала.

– Чего реवेशь? – спросил Ерофеев.

Она пожала плечами. А что ответишь? Слезы сами бегут из глаз...

¹⁰² Мерцательная аритмия – нарушение ритма сердца, бывает приступообразным и постоянным.

¹⁰³ Гидроксиэтилкрахмал 6 % – раствор для в/в вливания при развитии шока.

Комментарий специалиста

Начнем по порядку. **Отравление грибами** чаще происходит в летне-осенний период, однако из-за того, что многие стали пользоваться морозильными камерами, вероятность отравиться перешла и на зиму, и на весну. Токсины грибов подразделяются на нейротоксичные – поражающие нервную систему, нефротоксичные – поражающие почки, и гепатотоксичные – поражающие печень. Есть еще гемолитические яды – разрушающие кровь, но они чаще встречаются в животном и растительном мире.

Весной обычно происходит отравление строчками и сморчками, точнее, их токсином – гельвелловой кислотой, которая разрушает клетки крови – эритроциты. Симптомы отравления проявляются через 3–6 часов (тошнота, рвота, слабость, желтушность слизистых). Если грибы не были правильно подготовлены (отварены в подсоленной воде 20 минут), то меры по профилактике отравления надо принимать до наступления симптомов. Основная общая мера первой помощи при ПОДОЗРЕНИИ на отравление грибами – это промывание желудка. И тут нельзя обойтись 1–2 литрами воды. Промывать нужно 3–5 литрами, с промежутками в час-два, и в это время принимать активированный уголь в объеме три-пять пачек на прием (30–50 таблеток). Даже если в промывной воде уже нет кусочков грибов, это не означает, что они не попали в кишечник (особенно если лечение начали спустя 2–3 часа после приема пищи), поэтому очень важно промывать желудок многократно, даже если он пуст. Зачем? Дело в том, что активированный уголь и вода забирают токсины из крови прямо через слизистую оболочку.

К более специфической профилактике и лечению отравления (до клинического проявления и на начальном этапе) относится применение солевых слабительных и полимеров: магнезии сульфата в порошке из расчета 1 столовая ложка на полстакана воды или 2 столовые ложки на стакан. После чего нужно выпить много минеральной воды без газа (1–2 литра). После дефекации процедуру можно повторить еще один-два раза. Кроме магнезии, отлично подходит глауберова соль (1 столовая ложка на полстакана воды), карловарская соль (до 10–15 таблеток) или гутталакс (весь флакон на пол-литра воды). Но наиболее эффективен препарат фортране – 1 пакет на литр воды (всего нужно выпить 4 пакетика друг за другом за 2 часа). После такого ПРОМЫВАНИЯ КИШЕЧНИКА нужно снова выпить 50 таблеток активированного угля.

Спустя 2–3 часа после приема сорбента можно начинать пить (например, сладкий кисель), можно съесть несколько ложек сладкой овсяной каши без молока и масла. На следующий день необходимо начать прием поливитаминов. Кроме того, рекомендуется принять 1 десертную ложку растительного масла (в еде) и соблюдать диету № 1 (язвенного стола).

Если же время профилактики упущено и спустя 2–5 дней после употребления грибов появились симптомы отравления, то необходимо обращаться к врачам-токсикологам, готовиться к долгой борьбе за жизнь в реанимации, очищению крови, капельницам и молитвям. Особенно это касается отравления бледной поганкой и оранжево-красным паутинником, ибо у этих грибов медленно действующие токсины, проникающие в клетки внутренних органов и разрушающие некоторые ферментные системы, что приводит к жировому переполнению тканей органов и их гибели. Патологоанатомы в таких случаях при вскрытии обнаруживают не печень и почки, а буквально куски жира весом в несколько килограммов.

Чего точно НЕЛЬЗЯ делать и в чем ошибка многих, кто опасается, что съел ядовитый гриб? Это, не промыв желудок, ВЫПИТЬ ВОДКИ ИЛИ МОЛОКА. Многие токсины спирто-

растворимы и жирорастворимы, а значит, прием этих веществ усилит выделение ядов из кусочков грибов и их всасывание в кровь.

Симптомы отравления грибами (именно ядовитыми, а не консервами) отличаются типами ядов. Если молочаны и горчаки вызывают раздражение кишечника и понос, то с этим все более-менее ясно: два пальца в рот – и удалить содержимое желудка. Мухоморы содержат мускарины и галлюциногены, а значит, будут обильное слюнотечение и галлюцинации – «веселые картинки». А вот грибы, содержащие аманитин и фаллоидин (бледная поганка, мухомор белый, мухомор вонючий), медленно убьют – и тут симптомы, проявившись на 3–5-е сутки (тошнота, рвота, понос), настолько выразительны, что не вспомнить о грибах сможет только лишенный мозга.

В рассказе поднята тема «острого живота» и приведены две серьезные, требующие госпитализации ситуации – острый аппендицит с проявлениями локального перитонита (который очень быстро перейдет в разлитой) и тромбоз мезентериальных артерий кишечника, который начинается с ноющей, постоянно нарастающей боли в животе. Часто тромбозу предшествует нарушение сердечного ритма (и его последующее восстановление), сильная физическая нагрузка (рывок штанги), то есть причины, способствующие отрыву кусочка тромба и закупорке кишечной артерии. Главной ошибкой в таких случаях будет применение обезболивающих и тепла на живот. А также ожидание – «авось пройдет!». Все, что можно делать при острой нарастающей боли в животе (сопровождающейся повышением температуры), рвоте, – это холод (лед) на живот и немедленное обращение к медикам. Мне известен случай, когда человека с аппендицитом несколько часов везли зимой через степь в город, и только пакет со льдом уберег его от разрыва гнойного аппендикса, который прорвался прямо в лотке уже после удаления.

Если быстро невозможно доставить человека с явными симптомами аппендицита (глухая тайга, открытое море) и есть под рукой ЛЮБЫЕ антибиотики, их можно применять. Это притормозит развитие гнойного процесса. Пить алкоголь не стоит. Он не подействует на воспаленный отросток, но снизит боль и может привести к упущенному времени для операции.

Информация для немедиков – участников событий

На что нужно обратить внимание?

Боль в животе случается в жизни с каждым человеком. Причин тому немало. Как понять, что боль связана с воспалением червеобразного отростка – аппендикса – и необходима срочная (экстренная) операция?

Анатомически аппендикс является рудиментом слепой кишки и расположен в области гребня правой подвздошной кости, ближе к правому бедру. Однако встречаются и различные нетипичные расположения. При этом преобладает все-таки правое смещение от срединной линии живота (в качестве ориентира можно взять пупок). Воспаление аппендикса попутно вызывает воспаление брюшины (перитонеума) и появление симптомов перитонита (сперва локального, а по мере развития воспаления и разлитого).

Каковы симптомы при аппендиците, кроме боли? Тошнота, может быть рвота (особенно у детей), однократный понос, затем запор. Повышение температуры до 37–38 °С. Боль постепенно нарастает. Характерный признак – невозможно повернуться на левый бок – больно. Симптом воспаления брюшины (симптом Щеткина – Блюмберга): если мягко нажать на живот больного, он сообщит, что ему больно, но он терпит нажатие, а если резко отпустить руку – пронзит острая боль, и больной скажет: «Ой!»

Что нужно делать?

Нужно доставить больного в хирургическое отделение независимо от времени суток или дня недели. Налицо абсолютные показания для экстренной операции. До госпитализации и во время ожидания транспорта или бригады «03» нужно к животу приложить лед. Это притормозит развитие воспаления. **НИКАКИХ ОБЕЗБОЛИВАЮЩИХ ДАВАТЬ НЕЛЬЗЯ, НЕЛЬЗЯ УПОТРЕБЛЯТЬ АЛКОГОЛЬ. ТОЛЬКО ХОЛОД, ГОЛОД И НЕМЕДЛЕННАЯ ГОСПИТАЛИЗАЦИЯ!** Бригаду скорой помощи вызывать с поводом «**БОЛЬ В ЖИВОТЕ**». Диспетчеру можно сообщить о подозрении на аппендицит. Но в спор с ним вступать не надо.

Кроме ядовитых грибов, лес таит еще такую опасность, как клещи. Эти кровососы переносят вирусный энцефалит и боррелиоз (болезнь Лайма). Поэтому важно для лесных прогулок приобрести правильную одежду, а если район опасен по энцефалиту – привиться. От боррелиоза вакцины нет, но в случае укуса стоит профилактически пропить 10 дней антибиотик доксициклин: 1 капсула 2 раза в день. Этого хватит, чтобы не заболеть, если клещ окажется переносчиком болезни Лайма.

Подставляйте ладони

История семнадцатая, в которой Таня опять узнает, что не всегда спина болит, когда «болит спина»... а третьи роды – это очень быстро!

Летняя практика подходила к концу. И хотя дел у Тани было немало, дежурства с Ерофеевым носили особую радость. Радость ощущения себя профессионалом. Еще не мастером, но уже человеком, многое понимающим в работе скорой помощи, в больных, болезнях, различных экстренных ситуациях. Вернувшись из деревни, где ей пришлось самостоятельно помогать соседу бороться с приступом почечной колики и где она применила все, чему успел научить ее Ерофеев, Таня впервые осознала, что принимать решения и находить выход из, казалось бы, безвыходных ситуаций чертовски приятно. В ней пробуждалось понимание, что она не тупой исполнитель того, что скажет врач, а сама может и диагностировать, и лечить. Это повысило самооценку. Но, к счастью, не прибавило самоуверенности. Приключения не прекращались. В каждое дежурство происходило что-то необычное. Периодически они сражались с гипертонией, боролись с тяжелыми и не очень приступами бронхиальной астмы, даже однажды пришлось им обслуживать ребенка. Таня мотала на ус. Не стеснялась спрашивать, если что было неясно, а Ерофеев не ленился объяснять и никогда не упрекал ее. Иногда она ловила себя на мысли, что он при всей своей сухости, нарочитой дистанции и закрытости видит в ней не только глупую стажерку, но и девушку. Но Ерофеев никак этого не проявлял. Она спрашивала себя: а он ей нравится? Он старше ее лет на семь – это много. Фельдшер, но о чем ни спроси, все знает. Ей приходилось работать с врачами, когда ее смена не совпадала с ерофеевской, но те так, как он, не объясняли. А он работает спокойно и, главное, как-то очень быстро. Он ни разу не замирал в недоумении. Что бы ни случилось, на все очень быстро находил решение. Ерофеев невысок, но повыше Тани почти на полголовы, крепок, светлые волосы с начинающейся ото лба лысинкой, светлые усы, прикрывающие почти отсутствующую верхнюю губу (Таня разглядела там еле заметный шрам). Глаза у Ерофеева светло-серые. И говорит он очень емко, коротко, не мямлит. Однажды она поймала себя на мысли, что стоять позади Ерофеева надежно. Спокойно. И вдруг захотелось, чтобы так всегда было. Он впереди, а она за его спиной. Ведь у него должен быть кто-то, на кого он может рассчитывать, кто поможет, подает и поддержит. Эта мысль и напугала, и рассмешила одновременно.

Ерофеев зашел на кухню, глазами поискал среди других стажерок Танину темную гриву и махнул картой:
– Поехали!

Таня подхватила. Выбралась из-за столика и пошла к нему. Каблук предательски скользнул по кафелю, и она со всего маху упала Ерофееву на грудь, невольно хватаясь за его шею и плечи. Девчонки дружно захохотали. Девушка смутилась, отпустила фельдшера и побежала в сумрачный коридор.

– Ты куда? – Ерофеев пошел следом. Таня хлопнула дверцей туалета. – Понятно. Чаю перепили...

Таня намочила руки ледяной водой и приложила ладони к щекам, которые были, как говорил папа, «хоть прикуривай». Однако вызов!

В машине она высунула голову в окошечко между кабиной и салоном.

– А что нам дали?

– Болит спина и живот, – сказал Ерофеев, – женщина, тридцать семь лет. Есть версии?

Таня пожала плечами.

– Почечная колика?

– Допустимо. А еще?

– Ну, не знаю. А что еще может быть, чтобы и спина, и живот?

– Может быть, или спина, или живот, – сказал Ерофеев. – Совершенно не обязательно, что все сразу. Одна боль первична, вторая – отражение.

Таня задумалась. А Ерофеев добавил:

– Гадать бессмысленно. Мы предполагаем одно, а приедем – и будет такое, что никто предположить и не мог.

Их встретил мужчина навеселе, радостно улыбнулся и широко распахнул дверь.

– Забирайте!

Ерофеев прошел мимо, не отреагировав на радостное разрешение. Таня следовала за ним. А нетрезвый мужчина протек мимо на кухню и вышел оттуда с початой бутылкой водки и тремя стопками. В комнате в кресле сидела огромная женщина, к ее ногам прижались две девочки лет трех, которые обхватили отечные ноги дамы ручками и молча смотрели на вошедших.

Взгляд Ерофеева был прикован к гороподобному животу женщины.

– Ребята! Давайте за третьего! Выпьем?!

Тане показалось, что время остановилось. Но на самом деле прошло пару секунд. Ерофеев поставил ящик, и она услышала, словно из пулемета, приказ Саши:

– Бегом за родпакетом! – Она подхватила, а Ерофеев продолжал: – Бутылку унеси! Поставь чайник! Давай простыни. – Уже пересекая входную дверь, она услышала: – Схватки частые?

Таня поняла, что эти вопросы и команды касались не ее, а мужчины и женщины...

Когда Таня ворвалась в квартиру с упаковкой родпакета, то услышала, как Ерофеев звонит диспетчеру:

– Третьи роды! В ходу. Воды отошли. Ждем бригаду. Да, будем принимать! Срочные! Обменная карта есть! Нет уж, пусть приедет!

Мужчина бутылку унес и сам находился на кухне. Кажется, он чуток отрезвел и понимал, что рожать жена будет дома. Он вышел из кухни.

– Это... ребята! А что делать-то?

Ерофеев, не выдавая бурлившей ярости, очень спокойно сказал:

– Заберите детей, займите их чем-нибудь, возьмите влажную тряпку и протрите везде пыль в комнате. Кровать разверните к окну. Цветы вынесите из комнаты. Простыни и пеленки положите на стол. А стол пододвиньте к окну. Приготовьте тазик в ванной. Если есть еще один, тоже приготовьте. Ковер сверните и уберите.

Мужчина бросился исполнять. Таня стояла с пакетом в руках.

– А мне что делать?

Ерофеев будто вспомнил о ней.

– Положи родпакет, померяй ей давление, все запиши. Проверь обменную карту – что там нашли на УЗИ?

Дав всем задания, Саша положил руку на живот женщины, глядя на часы.

– Схватки идут каждые десять секунд. Не успеем по-любому.

– Куда не успеем? – спросила Таня.

– Отвезти. Третьи роды – это быстро. Переведи ее на кровать. Постели клеенку, чистую простыню. И жди меня.

– А ты куда?

– Кислород принесу. – Таня поняла. Дыхательный аппарат весит больше десяти килограммов. Ерофеев сам решил сходить.

– Сколько времени прошло? – спросила Таня.

– Двенадцать минут, как мы вошли, – ответил Саша. Он повернулся к мужу: – Вас как зовут?

– Петя, – сказал трезвеющий муж. – Вы чего, ребята? Я думал, вы ее заберете. Это... воды только отошли, когда я звонил.

– А пил зачем? Для храбрости или от радости?

– Ну, стресс снять! Третий у меня! Первые две – девки... а этот – поскребыш, вроде как на УЗИ пипетку нашли – пацан!

Таня увидела, как заиграли желваки на скулах Ерофеева.

– Если ты сейчас еще раз выпьешь, я вызову полицию, и твоих девочек заберет служба опеки. Понял? – От его голоса у Тани мурашки по спине побежали. Она поняла – не шутит.

И тут женщина протяжно закричала.

– Что делать? – только успела спросить Таня.

– Стой слева от нее. Давай ей дышать кислородом. – Ерофеев настроил аппарат, зашипевший газовой смесью, протянул стажерке маску на гофровых трубках.

– Все?

– Все, жди!

Она кивнула.

– Жалко, мы клизму сделать не успели и мочу спустить... Теперь уж как получится.

Мужчину сдуло в комнату, откуда слышался дружный рев детей. Ерофеев ушел, тщательно помыл руки с мылом и высушил их. Надел перчатки и протер их спиртом. Тане казалось, что он двигается слишком медленно. Женщина дышала, тужилась, стонала. Ерофеев наклонился над ней и вдруг сказал:

– Давай! Давай! Идет.

Таня прижимала маску к лицу роженицы, и та утробно гудела в нее, отчего звук был приглушенным. Таня увидела, как вышла головка младенца. Руки Ерофеева приняли ее, еще секунда – плечики, и вот уже все тельце легло на пеленку. Ерофеев подsunул под попу женщины приготовленное плоское блюдо. Женщина замолчала. Таня продолжала держать маску.

Ерофеев из родпакета достал шелк, ножницы, перевязал пуповину и между узлами пересек ее. Женщина что-то пробубнила из-под маски.

– Почему он молчит?

И в этот момент раздалось с нарастающей мощью: «Уаааа, уаааа». Ерофеев поднес ребенка к матери, держа его за тельце и одну ножку.

– Кто?

– Мальчик, – улыбаясь, сказала женщина. – Можно? – Она протянула руки.

– Подождите, – ответил Ерофеев.

Он чем-то занимался на столе. Таня услышала хлюпанье.

– Тань, принеси что-нибудь холодное!

Она сорвалась на кухню. В морозильнике нашла пакет с пельменями, замороженную курицу.

– Курица или пельмени?! – крикнула она.

– Курицу! – отозвался Ерофеев. – В пеленку заверни, – добавил он, увидев Таню с тушкой в руках.

– Куда ее?

– На живот.

Ерофеев отдал запеленутого младенца женщине, а сам склонился к чему-то темно-бурому на блюде, между ног у женщины.

– Послед родился. Померь женщине давление и приходи осматривать.

Таня перегнулась через плечо фельдшера, который внимательно осматривал темно-бордовое месиво с матовой пленкой и метровой извитой трубкой пуповины.

– Сто десять на семьдесят, пульс восемьдесят. А что тут?

– Маточная поверхность ровная, потерянных фрагментов нет. Обвитая не было. Ребенок родился и закричал сразу. – Ерофеев будто диктовал. – Как оцениваешь крик по Аппар?¹⁰⁴

Таня припомнила, чему учили на акушерстве:

– На восемь-девять баллов.

– Хорошо. Уродств и травм нет. Роды, конечно, быстрые, но для третьих – это нормально. Разрывов промежности я...

Тут хлопнула дверь, и в комнату вошла румяная акушерка.

– Кто тут у нас рожать собрался? Паспорт, обменная карта есть?

– Все тут есть, – улыбнулся Ерофеев, – еще и мальчик в нагрузку.

Таня радостно улыбалась. Она обернулась на лежащую на кровати женщину с младенцем, и ей показалось, что этот угол светится. Необъяснимая радость наполнила пространство. Хотелось и плакать, и смеяться. Акушерка деловито вполголоса о чем-то разговаривала с Ерофеевым. Он отвечал. Из комнаты выглянул мужчина, внизу дверной щели показались еще две головки – дочки.

– Ну как?

– Все нормально, – отозвалась с кровати женщина. – Вот он, Мишка наш.

– Женщина, собирайтесь, – сказала акушерка, – поедem в роддом.

– А может, не надо? – спросил муж. – Она ведь уже родила!

Ерофеев начал собираться. Женщина положила новорожденного и пошла к шкафу. Она взяла белье, повернулась к медикам:

– Пить хочется очень. Можно?

Муж сорвался на кухню.

Акушерка кивнула.

– Можно, стакан молока. – Она спросила у Ерофеева: – Что-нибудь вводили? Метил? Окситоцин?

Тот покачал головой.

– Только закистью давали дышать.

– А ребенок?

– Слизь отсосал изо рта и носа. Закапал альбуцид в глаза. Все.

– Молодец.

Акушерка с роженицей вышли к лифту. Следом двинулись и Ерофеев с Таней. За ними выскочил муж и счастливый отец.

– Эй, медики! А с курицей что делать?

И все трое хором ответили:

¹⁰⁴ Оценка состояния новорожденного по поведению и крику, производимая в баллах.

– В суп ее!

В машине Таня молчала, но потом не выдержала:

– Я все понимаю. Вот они протянули, ведь раньше надо было вызывать?

Ерофеев кивнул.

– Ты вот так спокойно делал все. А если бы там было боковое или обвитые пуповины?

Ерофеев помолчал, потом сказал:

– Пришлось бы работать тебе.

– Мне?! А почему?

– У тебя рука тоньше. Полезла бы поворот делать за плечико и петли б скидывала. –

Ерофеев чуть улыбнулся. – Тут без вариантов.

Таню передернуло. Жуть!

– А курицу зачем?

– После рождения матка должна родить послед и остановить кровообращение. Холод спазмирует сосуды в матке. Главное, сразу после того, как ребенок выйдет, матку не трогать. Пуповину перетянули – все. Она, как насос, закачается венозной кровью и отойдет сама. Ни дергать за пуповину, ни мять матку – ничего нельзя.

– Ты, наверное, много уже родов принял?

– Эти – первые, на дому.

Комментарий специалиста

Домашние роды набирают популярность. Откровенно говоря, ничего хорошего в этом нет, особенно если женщина не наблюдалась гинекологом, не обследовалась. А значит, все, что обнаружится, станет неожиданностью. Но раз уж случилось, что доставить в роддом или приемное отделение больницы не удастся (особенно это касается не первых родов), то нужно усвоить – лучше рожать дома, чем в дороге.

Для приема родов нужно следующее: стерильные ножницы, крепкая нитка (лучше шелковая), пеленки (чем больше, тем лучше), теплая вода, стерильное рафинированное растительное масло, пузырь со льдом. Пеленки нужно прогладить утюгом, масло – налить в баночку и прокипятить на водяной бане 30 минут хотя бы, остудить. Еще понадобится резиновая груша – спринцовка (ее надо прокипятить в воде 30 минут). Следует послать гонца в аптеку за альбунцидом (сульфацил натрия), и, если в доме спринцовочки нет, пусть и ее купит. Пока женщина не родила, но у нее уже начались схватки, ее стоит проклизмить. Пить ей не давать. Дело в том, что во время родов она может и обмочиться, и обкакаться – и плод родится прямо во все это. Так что роженицу надо подготовить.

Если схватки только начались, а до медицины далеко, можно душ принять. Постель, где будут идти роды, необходимо застелить чистым бельем, прожаренным утюгом. Нужно обеспечить хорошее освещение.

Во время родов, если нет опыта, ничего не трогайте и не тяните плод за голову – оторвете. Когда голова вышла, можете помочь за плечико – под мышку пальцем зацепите и подтяните, левой рукой придерживая головку. За пуповину не дергайте. Если есть обвитие, осторожно скиньте петли, стараясь не тянуть за послед. Отступив на 15 см от животика новорожденного, накиньте одну петлю ниткой и туго перетяните, отступив еще через 4 см – накиньте вторую петлю. И ножницами пересеките пуповину. Очень важно, чтобы со стороны плаценты пуповина тоже была перевязана. На живот лед кладете после того, как родится послед!

Вообще после того, как отсекли пуповину, занимайтесь ребенком: отсосите из носа, ушей и рта слизь, убедитесь, что он жив, дышит и кричит. Обмойте его теплой водой, потом растительным маслом смажьте все складки, первородную смазку удаляйте не полностью. Если где-то чуть-чуть останется – не страшно.

Когда с ребенком закончите, убедитесь, что послед вышел. При хорошем свете осмотрите внимательно маточную поверхность – она должна быть темно-бордовой, бугристой, глянцевой и не должна иметь повреждений. Если увидите, что кусочек оторван, значит, он остался в матке и это угроза тяжелейшего осложнения – акушерского кровотечения. Чтобы спасти мать, его нужно удалить вручную. Если к этому времени приедут медики – доверьте им. Если нет – придется вам. Для этого нужно погрузить руку в матку и ладонью нащупать оставшийся фрагмент, аккуратно пальцем его подцепить и отлущить от дна матки. Если это удалось – оставьте все как есть.

Убирайте руку, фрагмент выйдет сам. Главное теперь – положить что-то холодное на матку. Роженице дайте попить, лучше молоко. Кальций из него поспособствует остановке кровотечения.

Теперь, если есть возможность доставить мать и дитя в роддом, сделайте это как можно быстрее.

Информация для немедиков – участников событий

На что нужно обратить внимание?

Сигналами к транспортировке в роддом при поздних сроках беременности являются предвестники или отхождение вод. Предвестники – это появление слабеньких импульсов схваток. При первых родах срочности нет, но не стоит и тянуть. А вот со вторыми и уж тем более с третьими и прочими родами любой намек на начало схваток требует немедленной доставки в родильное отделение. Если по каким-то причинам это сделать невозможно, к родам в домашних условиях нужно подготовиться от начала схваток до самих родов (при повторных есть несколько часов – от 2 до 5). Лучше все-таки вызвать бригаду «03» (акушерскую перевозку) с поводом «**БЕРЕМЕННОСТЬ, 40 НЕДЕЛЬ, СХВАТКИ**» (вторые, третьи и т. п. роды). Чем ближе срок родов, тем ближе к роддому желательно находиться роженице. В случае домашних родов все равно необходимо обратиться к службе скорой помощи и перевезти мать и новорожденного в послеродовое отделение. Понадобятся латексные перчатки, спирт или водка (для обработки рук), чистые (выстиранные и проглаженные) пеленки, теплая вода, спринцовка, флакончик с альбумидом, пипетка, шелковая нить (50–80 см), ножницы (прокипяченные в фильтрованной воде). Помещение должно быть проветрено, убрано и хорошо освещено.

Что нужно делать?

В ходе родов главное – не суетиться и не мешать ребенку. Управляйте ходом родов, синхронизируя потуги со схватками. Как только вышла головка, придерживайте ее снизу руками и определите, нет ли обвития шейки пуповиной. Если есть – постарайтесь скинуть петли, но не тяните резко за пуповину, постарайтесь придержать выход тельца из родовых путей и освободить шею новорожденного. Если роды состоялись – первым делом

надо освободить шею и обеспечить приток крови к голове. Для этого можно перевернуть ребенка головой вниз. Если дыхание и сердцебиение не определяются, попробуйте реанимировать: тремя пальцами нажимать на грудную клетку младенца, затем вдывая воздух в нос (помните, объем легких у ребенка 500–700 мл). Не перестарайтесь – два вдоха и 5–10 нажатий на грудину. Этого может быть достаточно. Времени на реанимацию у вас минут 7–10. Если все получится – можете себя поздравить. Перед началом СЛР не забудьте спринцовкой отсосать у новорожденного слизь из носовых путей и рта, перевязать пуповину в двух местах, отступив от пупка на расстояние 15 см. И после рождения последа – положить на живот лед. Если ребенок жив и кричит, обмойте его теплой водой (без мыла), просто рукой, запеленайте в чистую пеленку и отдайте матери. Если же младенец родится мертвым – вызывайте еще и полицию. Случай требует оформления. Вам придется дать объяснение. Бояться этого не нужно. Ведь ничего противозаконного вы не совершали, если только изначально не настраивали роженицу на домашние роды.

Спасите наши души...

История восемнадцатая, в которой Таня самостоятельно помогает в метро эпилептику, чуть не попадает на зуб злой собаке и знакомится с тяжелым хроническим больным с бронхиальной астмой.

– У тебя когда кончается практика? – спросил Ерофеев, перегнувшись в салон через небольшое окошко в перегородке.

– Сегодня последний день, – ответила Таня, стараясь, чтобы ее слова прозвучали как можно равнодушнее. Но вздох, тихий, вырвался невольно.

Вопросы, которые стажерку мучили все годы учебы: нужно ли ей это? свяжет ли она свою жизнь с медициной? – наконец обрели ясность и ответ: «Да». Ей это интересно. Да. Она почувствовала привкус профессионализма. И немалую роль в этом сыграл Саша Ерофеев.

– Это летняя, – сказал Ерофеев, – а еще осенью будет госпрактика почти два месяца. Не кисни. Успеешь еще наработаться, тошнить станет от больных. От невымытых стариков и загаженных квартир, где, вызывая скорую, никто не думает о свободном месте для работы. Ты чего сегодня опоздала?

Таня покраснела. Она действительно приехала на подстанцию к половине девятого. И бежала от метро до подстанции, сжимая кулачки и думая: «Только бы он никого не взял! Пусть уедет на первый вызов один. Я же не виновата, я не проспала...»

Она действительно не проспала. В метро ей нужно проехать две станции. И надо же, чтоб именно в ее вагоне свалился парень и забился в судорогах эпилептического припадка. Народ, до этого момента плотно прижимавшийся друг к другу, вдруг раздался, образовав небольшую «полянку», в центре которой извивался молодой человек. Таня услышала короткий крик и хрип. Почти сразу раздался голос. Кто-то кричал: «Сообщите машинисту!» – кто-то переспрашивал: «А что сказать?» – «Припадок!» Таня пролезла к парню, рывком повернула его на бок. Кто-то орал:

– Окна откройте! Дайте свежий воздух! Человек умирает!

В руки Тане сунули нитроспрей – она вернула. Из памяти выскочила фраза Сомова: «Самое страшное в эпилепсии – это захлебнуться рвотой. Первым делом переверните человека лицом вниз!» Из-под парня потекло. Так, он обмочился – истинная эпилепсия. Припадок кончается. Скоро он очнется. Поезд подъехал к платформе. Доброхоты-мужики за руки и за ноги, за куртку вынесли пострадавшего в зал и положили на пол. Встречал вагон наряд полиции.

– Кто тут хулиганил? – спросил старший наряда.

– Никто! – ответила Таня, которую вынесли из вагона вместе с пострадавшим. – У него эпилепсия! Вызовите скорую!

Старший наряда связался по рации с отделением на станции. Доложил:

– Вызвали.

Таня хотела оставить пострадавшего на попечение полиции, но старший наряда вдруг потребовал:

– Останьтесь!

– Зачем? – удивилась Таня.

– Он сейчас придет в себя. Вы свидетель, – объяснил старший, – если что-нибудь пропало, мы ни при чем!

Пришлось сидеть рядом с парнем, который перестал биться и хрипеть. Он наконец открыл глаза, осмотрелся. Хотел подняться, но Таня попросила:

– Полежите. Не надо резко вставать.

Парень послушался. Опершись на локоть, смотрел на стену пустым взглядом. Наконец спросил:

– Это эпилепсия?

– Да, – сказала Таня. – У вас уже бывало такое?

– Давно, еще в детстве. – Парень ощупал карманы.

Полиция отошла от пострадавшего и осматривала платформу. Прошло еще несколько поездов. Людской поток обходил лежащего и Таню. Какая-то сварливая тетка бросила:

– Тащи своего хахалю домой! Чего развалился? С утра нажрется! Пьянь!

К счастью, ничего не пропало. Таня, вспомнив, что это надо сделать, начала расспрашивать пострадавшего:

– Фамилия, имя, отчество, возраст, домашний адрес... телефон.

Спросила телефон родных и друзей. Все записывала в блокнотик. Полицейский махнул рукой кому-то. Таня поняла – бригада приехала. Однако мимо проехала моечная машина с желтыми мигалками. Синие формы с оранжевым ящиком показались на платформе, шли быстро, но не бежали. Женщина на моечной машине остановилась в ожидании, пока эпилептик отойдет или отползет – он мешал ей мыть платформу. Парень немигающим взглядом смотрел на желтые крутилки и вдруг снова захрипел и, откинувшись на спину, крепко долбанулся затылком о камень платформы. Начался новый приступ. Полицейские отскочили. Скорая подбежала. Один раскрыл ящик, достал воздуховод, второй потянулся за тонометром. Таня поднатужилась и снова повернула парня на бок.

– Я давление хотел измерить! – сказал один из скорпомощников.

– Во время судорог это бессмысленно, – ответила Таня и крикнула машинистке-мойщице: – Выключите мигалку!

Мойщица поняла, что этот участок платформы ей пока не помыть, сдала назад и объехала группу медиков-полицейских. Желтые маячки она не выключила, но, покрякав пассажирам, укатилась на дальний край платформы.

Медики посоветовались, один убежал. Второй принялся совать тампон с нашатырем под нос эпилептику. Таня молча смотрела за этими манипуляциями, потом оторвала листок блокнота с данными парня.

– Вот, держите, это все о нем. У него это уже второй приступ за десять-пятнадцать минут, первый был в вагоне.

Скорпомощник, видимо фельдшер, удивленно взял бумажку.

– А кто он вам? Это ваш парень?

– Нет, – сказала Таня, – я сама сейчас практику прохожу, на другой подстанции. До сих пор эпилепсии в транспорте не видела. Я опаздываю!

Так вот она опоздала на последний день практики. Уже на подстанции, записавшись в бригаду к Ерофееву, она рассказала Саше о причине. Он молча выслушал ее сжатый рассказ. Потом спросил:

– Ты уловила закономерную причину развития приступа?

Она удивилась.

– В метро?

– Ну да. Первый приступ – в вагоне: стук колес на стыках рельсов и мелькание огоньков за окнами – это первый стимул к возбуждению судорог. Парень падает в вагоне. А потом мойка с мигалками подъехала, блики желтого света от стен. Ты ведь сообразила, что второй приступ у него спровоцирован этими мельканиями?

Таня согласилась.

– Есть еще одна причина, но она не всегда срабатывает. Хотя может оказаться основой формирования очага судорог в мозгу.

Таня посмотрела на Ерофеева вопросительно.

– Это гипероксигенация. Избыток кислорода в крови. Парень бежал, дышал, потом успокоился в вагоне, но приток кислорода сохранился – началось формирование очага. Вагон пошел, «тыг-дым»... в тоннеле лампочки... и хлоп, эпилептический приступ! А потом и второй... Теперь представь себя на месте тех ребят, которые приехали на этот вызов. Что делать будешь?

– Эпилепсия у него в анамнезе, – сказала Таня, – он наверняка на учете невролога.

– Я даже думаю, его комиссовали по эпилепсии от армии, – вставил Ерофеев. – Но если с детства приступов не было, а тут разом два, это можно расценить как обострение и даже как впервые выявленную эпилепсию. Но это все не главное. Такая высокая судорожная готовность может привести к развитию эпилептического статуса – затяжного приступа. А это угроза отека мозга – и смерть от вклинения ствола. Соображаешь?

Таня кивнула.

– Его обязательно надо отвезти в больницу. Никаких отказов никогда не бери. Бейся за госпитализацию. Если оставишь, а он захлебнется рвотой при следующем приступе или даст эпистатус, будешь объясняться.

– А как же приказ?¹⁰⁵ – спросила Таня. – Он ведь разрешает оставлять. Актив в поликлинику или на неотложку.

– Не надо повторять глупости чиновников. Они за умерших не отвечают. Одно дело, если эпилепсия протекает в легкой форме, человек принимает лекарства. Он сам побежит к лечащему врачу после приступа... И совсем другое – неопытный больной, напуганный, напряженный, готовый сорваться в приступ в любую секунду. Чем лечить будешь?

Таня задумалась на минутку.

– Реланиум сделаю.

– И привезешь спящего человека в больницу. Ему дадут выспаться, подведут к двери и отвесят пинка, чтобы летел до больничных ворот. Реланиум делаешь в вену, если очевидно развитие судорожного синдрома. Лечи по-другому. Как?

– Магнезию в вену?

– Тепло, даже горячо! Это уберет судорожную составляющую, снизит внутричерепное давление, успокоит. Еще что-нибудь сделаешь?

– Мочегонное.

– Согласен. А вот как сегодня – у тебя ничего нет. Или ты у кого-то в гостях. Что можно предпринять?

– Я положу больного на бок, под голову что-нибудь мягкое, чтобы не разбил, можно, конечно, нашатырь дать нюхать. Но я не уверена.

– Портянку двухнедельную – эффекта будет больше. В целом все верно. И пока будешь ждать скорую, дай валокордину каплей шестьдесят. Горсточку глицина. Валерианки. Это все уменьшит риск повторного развития судорог.

Пока не было вызова, Таня все записала себе в тетрадочку «Практика на скорой».

А потом им дали вызов: «Женщина, восемнадцать лет, укушена собакой». В адресе указан только номер дома и добавлено: «детская площадка».

Об этом вызове Таня не хотела вспоминать. Остался сильный негативный осадок от всего. От дядьки, который выгуливал свою страшную собаку без поводка и намордника и требовал, чтоб с детской площадки убрали детей, пока он гуляет с собакой! И от Ерофеева, который как-то очень спокойно, неуловимым движением убил бросившегося на него пса. И жалко было девочку пяти лет, которой этот монстр чуть не оторвал левую ручку, и ее сестру, которая закрылась младшую своим телом, отделавшись при этом рваной курткой. Потом они отвезли девочку

¹⁰⁵ По последним стандартам оказания помощи, эпилептический приступ не является обязательным для госпитализации даже из общественного места. При этом передается вызов-актив в поликлинику, обслуживающую больного, либо участковому, либо в отделение ОНМП. Если больной отказывается от больницы, бригада не будет уговаривать.

в больницу, вернулись в отделение полиции, куда примчались старший врач и врач линейного контроля. А Тане пришлось давать показания как свидетелю. Ее знобило, Ерофеев был мрачен... и всех в полиции почему-то волновали не собака и ее хозяин – моральный урод, а откуда у Ерофеева выкидной нож.

– Вы его видели раньше? А куда он делся? – Ножа так и не нашли.

Да, собака убита. Да, там резаная рана.

– Что вы видели?

– Ничего, я девочку перевязывала, – ответила Таня.

Она действительно ничего не видела, потому что зажмурилась от страха, когда дядька скомандовал: «Фас!» Какая-то старушка из окна видела, что фельдшер Ерофеев ударил пса рукой в грудь. Ножа не видела. Никто его не видел. Обыскали Сашу, машину, всю детскую площадку – не нашли ничего. На вопрос: «Где нож?» – Ерофеев усмехнулся. С него взяли подписку. Врачи и бригада уехали на подстанцию. Сомов о чем-то негромко говорил с Ерофеевым в салоне машины, пока ехали «домой». Таня не слышала – ее посадили вперед и закрыли окошечко.

Она старалась не думать о собаке. Девочка, которая чуть не осталась без руки. Вот! Ерофеев перевязал ей плечо жгутом. Подвесили перекушенную руку на косынке. Ввели лампушки наркотика под кожу. И опять Таня заметила, что повод к вызову и реальные обстоятельства не совпадают. Девочку сразу взяли на операцию. А врач в приемном спросил:

– Собака не бешеная?

– Там хозяин бешеный, – ответил Ерофеев, – собака убита. А этот моральный урод рыдает над трупом, который мы не могли забрать. Он натравливал собаку на гуляющих детей.

– Разберемся, – сказал врач приемного отделения, – наверняка полиция приедет. Насчет собаки выясним. Будет нужно, от бешенства привьем.

Старшая сестра пострадавшей девочки ревела всю дорогу, жалела сестру, потом боялась, что ей влетит от родителей. Откуда кто что узнал? Но не успела скорая уехать из приемного отделения, а у ворот больницы остановилась машина «Новости-ТВ» – бойкие корреспонденты накинулись на Ерофеева с вопросами. Родилась версия, что пса-агрессора пристрелила полиция. Нет, все-таки впечатления слишком сильные.

Потом они еще поехали на вызов. А уже к вечеру, когда возвращались, закричал Сашин телефон. Мужчина, сорок четыре года, температура, кашель, астма. Ерофеев заполнил карту и сказал Тане:

– Видякин!

– А это кто? – не поняла стажерка.

– Хороший человек, – улыбнулся криво Ерофеев, – только болен очень. И если вызвал, значит, ему действительно плохо.

Таня обратила внимание на это «действительно», потому что уже не раз встречалась с людьми, которые, вызывая «03», говорили приехавшей бригаде: «Мне кажется, что как-то вот сердце неправильно работает!» Или как объясняла одна чудовищных размеров дама средних лет: «Я не вызываю, если звездочки в глазах белые, а вот когда уже черные – дело плохо, вызываю!» И если Саша сказал «действительно», значит, будет что-то серьезное.

Видякин – дядька, худющий. Курильщик. Живет в двухкомнатной квартире, где мебели очень мало. Одна комната закрыта. Видякин объяснил Тане, задыхаясь:

– Это комната сына.

У Видякина приступ бронхиальной астмы. Он открыл окно, проветривая комнату. В руках ингалятор. Не выпускает. Ерофеев уже знает этого больного. Саша не задает ненужных вопросов, а, наоборот, объясняет Тане:

– Александр Иванович – астматик! У него хроническая обструктивная болезнь легких. А все начиналось лет десять назад? Да?

Видякин кивнул. Дышал он страшно: короткий вдох и длинный выдох со свистом.

– А еще он курильщик! Со стажем. Сколько лет курите?

– Тридцать, – одними губами ответил Видякин и потянулся за ингалятором.

Ерофеев крикнул:

– Отставить!

Больной дернулся.

– Сколько уже сделали ингаляций?

– Шесть, – также шепотом ответил Видякин.

– А максимальная норма – три в сутки! – Ерофеев отмерял пульмикорт и разводил его физраствором, пока Таня распутывала провод небулайзера. – Почему именно астмопент? У вас же есть наверняка симбикорт или беклазон?

– Кончились, – сипел Видякин, – не успел получить новые. А денег только на этот хватило.

Пока он дышал пульмикортом, Ерофеев выложил на стол ампулы с эуфиллином, декса-метазоном.

– Так много гормонов? – шепотом спросила Таня.

– У него синдром рикошета начался из-за передоза астмопента и вообще бета-адреномиметиков. У этих препаратов есть очень строгие ограничения. Если передозировать, они вместо расширения бронхов вызывают спазм. Александр Иванович! Вы же опытный уже астматик! Какого черта?

– Крышу сносит, – просипел Видякин более уверенным голосом, на секунду убрав небулайзер от лица, – так страшно.

– В больницу поедете? – Ерофеев дал Тане шприц с лекарством. – Справишься?

– Я по... – Она вспомнила, что ей говорил Саша про «попробую». – Постараюсь! – Вены у Видякина исколотые и скользкие.

– Поеду, – сказал астматик одними губами.

Ингаляция гормонами ему немного помогла, после введения эуфиллина с дексазоном он начал отхаркиваться. Саша приложил к спине больного небольшую книгу и принялся бить по ней кулаком, довольно сильно. Видякин начал кашлять, Ерофеев сунул ему салфетку – и астматик послушно сплюнул на нее кусок мокроты. Так было еще несколько раз. Ерофеев передвигал книгу и долбил по ней нещадно, а Видякин сплевывал густую мокроту на салфетку. Таня переборола брезгливость и посмотрела. Желтоватые, похожие на желатин кусочки цилиндрической формы.

– Желтая, – сказал фельдшер. – Горазды вы курить, тезка. Бросить не пробовали? В больнице не покурите. Бронхоскопию с промыванием уже делали?

– Да! Бросить не могу, – просипел астматик. Спазм в бронхах у него немного уменьшился, но совсем не прошел.

– У вас же сын, – сказал Саша, – вам парня надо вырастить.

Видякин ничего не сказал. Лишь пожал плечами.

Ерофеев запросил место, получил направление от диспетчера, и, нагрузившись оборудованием, все трое пошли в машину. И по неписаной традиции Таня начала пытаться Сашу:

– А если нет никаких лекарств, чем можно было бы помочь?

– С настоящей астмой это сложно, – объяснял Ерофеев. – Там ведь множественные механизмы приступа. Сколько видов астмы ты знаешь?

Таня припомнила лекции по «внутренним болезням» – терапии.

– Ну, та, которая развивается после хронического бронхита или пневмонии, – инфекционно-аллергическая.

Ерофеев загнул палец.

– Еще чисто аллергическая на пыль, там, это... пыльцу цветочную. Аллергическая?

– Атопическая, – поправил Ерофеев, – да. И еще?

– Аспириновая астма – это когда на аспирин и некоторые еще лекарства: анальгин, ибупрофен.

– Да, ее еще называют простагландиновой, потому что все эти препараты относятся к группе ингибиторов (подавителей) простагландин-синтазы – фермента, который создает медиаторы воспаления – простагландины, – блеснул эрудицией Саша. – Ну, в целом да, все верно. Есть еще смешанная форма.

– Всего четыре?

– Ну да... Пятый – не астма в истинном смысле, но для нас важно не откуда астма берется, а что можно сделать. Есть еще вариант астмы – истерическая, или неврастеническая, это когда спазм в бронхах развивается без аллергии или инфекции – из-за стресса. Как ты понимаешь, первым делом выясняешь природу астмы и тяжесть приступа. Если нервный вариант – успокой, приступ пройдет. Если аллерген в воздухе – проветри помещение, можно увлажнить воздух. Развесь побольше мокрых пеленок в комнате. Пыль на них осядет. Если есть противоаллергические лекарства (любые, от димедрола и супрастина до последних разработок: зиртек, эриус), дай. Только сперва убедись, что на них нет аллергии. И еще есть метод – точечный массаж. Конечно, это не лекарства, но пока приедет бригада, можешь понажимать точки.

– Какие?

Ерофеев посмотрел на выпирающие ключицы Тани, тонкую шейку, поджал губы.

– Я тебе на подстанции покажу. Но главное, ты можешь встретиться с ситуацией, которую мы видели у Видякина, – улыбнулся на сочетание слов, – это передозировка противоастматическим ингалятором – бронхолитиком. Эти состояния снимаются только гормонами – в дыхалку и в вену. Понятно?

Таня кивнула. В который уже раз?

– Я еще хотела спросить, – сказала она, когда Ерофеев открыл ей боковую дверь и протянул руку. – Ты так хорошо знаешь этого Видякина. Откуда?

– Его вся подстанция знает. Уже десять лет. Это мутная история. Он живет вдвоем с сыном, мать их бросила. Что-то там случилось, я не знаю деталей, но десять лет назад Видякин перенес тяжеленное воспаление легких. Говорят, что ночь простоял под дождем – умолял ее вернуться. Не знаю. Может, и так. Но прописаны они вдвоем. Парень в интернате, приезжает домой на выходные, а отец – инвалид. Пока мальчишка был маленьким, им мать Александра

Ивановича помогала – бабушка, но она умерла. Теперь Видякины, отец и сын, живут вдвоем на отцовскую пенсию и инвалидские деньги.

Ошеломленная этой историей стажерка пошла в комнату отдыха.

Комментарий специалиста

Астма – удушье. В старину, кроме бронхиальной астмы, ставили еще сердечную, но сам по себе термин отражает состояние нехватки воздуха. Бронхиальная астма – это когда воздух с трудом проходит через бронхиальное «дерево». Причин тому может быть несколько: спазм бронхов – реакция на стресс, аллергию или воспаление. При спазме одышка приобретает весьма характерный вид: короткий вдох и длинный, в три-четыре раза по времени превышающий выдох.

Для снятия бронхоспазма применяются специальные бронхорасширяющие препараты – в таблетках, ампулах или в виде ингаляторов. Обобщенное название этой группы – бронхолитики. К ним относятся: эуфиллин, теопэк, эфедрин, астмопент. У всех этих препаратов есть побочные эффекты, есть строгие показания, поэтому применять их нужно только по назначению врача. Если бронхоспазм вызван аллергией, то резонно использование антигистаминных препаратов, а в тяжелых случаях – кортикостероидных гормонов.

Существуют комбинированные ингаляторы, в составе которых и бронхолитики, и гормоны.

Особенно важно соблюдать дозировку препаратов и не самовольничать, чтобы не возникло ситуации, подобной описанной в рассказе. Рикошет-синдром при передозировке бронхолитиков может привести к развитию крайне тяжелого состояния – бронхиального статуса, требующего реанимационной помощи: интубации трахеи, искусственной вентиляции легких и отмывания бронхов от обильной и очень вязкой мокроты. Если своевременно такую помощь не оказать, больной обычно умирает от асфиксии (удушья).

Информация для немедиков – участников событий

Что нужно делать?

Эпилепсия. Главное – повернуть человека на бок. Дождаться прекращения приступа. Если возможно, обеспечить тишину и приглушенный (неяркий) свет. Необходимо вызвать бригаду скорой помощи, если приступ произошел впервые, а также если приступы приобрели серийный характер (несколько сразу друг за другом). Повод к вызову – «БЕЗ СОЗНАНИЯ, СУДОРОГИ».

Укушенная рана. Рану необходимо перевязать, предварительно промыв проточной водой, перекисью водорода или свежей мочой. Затем нужно доставить пострадавшего в медицинское учреждение, обязательно сообщить обстоятельства укуса, дать описание животного (собака, лиса, енот, еж, кошка и т. п.). Если район входит в эндемическую зону по бешенству – пройти курс антирабической вакцинации¹⁰⁶. В любом ЛПУ

¹⁰⁶ Прививка от бешенства.

есть адрес ближайшего пастеровского пункта¹⁰⁷. При обширной травме и кровопотере необходимо вызвать бригаду «03» с поводом «НАПАДЕНИЕ ХИЩНОГО ЖИВОТНОГО, УКУШЕННЫЕ РАНЫ, КРОВОПОТЕРЯ». За время ожидания бригады следует принять меры по остановке кровотечения (артериальный жгут, давящая повязка), дать успокаивающее, рекомендуется обильное теплое и сладкое питье.

Бронхиальная астма

1. Первым делом постарайтесь выяснить причину развития приступа астмы. Если на нервной почве – необходимо дать успокаивающее: настойку валерианы, валокордин, 20 мл коньяка или 50-100 мл подогретого сухого вина, чтобы успокоить человека. Это приведет к снятию приступа.

2. Если приступ вызван реакцией на аэрозольный аллерген: пыль домашняя, библиотечная, производственная, бытовая химия или домашние животные, для начала надо исключить контакт с аллергеном. Для этого или удалите его, или выведите больного из помещения. На свежем воздухе приступ может прекратиться.

3. Если у больного хроническая астма и приступы обусловлены какими-то форс-мажорными обстоятельствами, то действовать нужно симптоматически:

– Необходимо вызвать бригаду «03», используя повод «ЗАДЫХАЕТСЯ». Если диспетчер будет уточнять: «Болеет ли человек бронхиальной астмой?» – ответить: «ДА» – и добавить: «НЕ УДАЕТСЯ СНЯТЬ ПРИСТУП».

– Пока едет бригада, нужно посадить больного, обеспечить приток свежего воздуха (не холодного). Если приступ развился на фоне хронического бронхита, надо дать теплое питье (чай или горячую воду с содой, подогретый боржом); в питье можно капнуть 1–2 капли йода. Очень важно, чтобы пар с йодом попадал в бронхи.

– Точечный массаж выполняется нажатием на точки в течение 10–15 минут одновременно двумя руками (рис. 13). Необходимо массировать точки сверху (от лба) вниз по 15–30 секунду каждую, последнюю на руке у основания большого пальца. Повторять цикл несколько раз.

¹⁰⁷ Учреждение, где можно пройти курс вакцинации от бешенства.

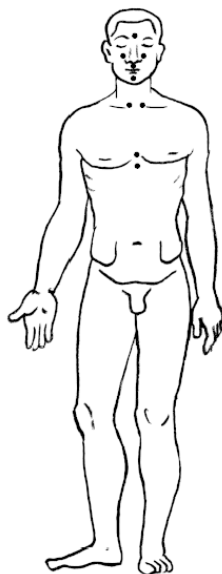

Рис. 13. Точки для массажа при астме

Veni, vidi, vici¹⁰⁸

История девятнадцатая, в которой Таня узнает о том, что менингит и менингизм – это не одно и то же, а также о пользе прививок от гриппа.

Закончилась летняя практика, пролетели каникулы. Отгорело бабье лето, зарядили унылые осенние дожди. В Таниной группе к середине сентября заболела едва ли не половина одногруппниц. Девушку простуда обходила стороной. То ли оттого, что природа-матушка наделила крепким иммунитетом, то ли оттого, что каждые третьи сутки она с занятий не летела домой, а заезжала на подстанцию скорой помощи, дожидалась бригады фельдшера Ерофеева и погружалась в беспокойную выездную работу... И огонек, горящий в серых глазках Тани, и интерес, с которым она слушала Сашу, можно было назвать просто – жадность до знаний, а можно и подумать о чем-то большем.

Практика ни с чем не сравнится. А может, она влюбилась? Может быть. Однако спроси ее прямо – откажется и, краснея, будет уверять, что все это не так... И просто ей нравится работа на скорой, а еще нравится, как Ерофеев все объясняет. Студентка Савина приезжает на подстанцию вечером после учебы и катается с фельдшером Ерофеевым по вызовам.

Вот и снова они едут на вызов. Таня свернулась калачиком в кресле в салоне, Саша с водителем выясняют, как проще подъехать к дому. Вызов так себе, ничего особенного – высокая температура у мужчины тридцати лет. Почему он не вызвал участкового? А может, и вызвал, да мы не знаем. Эта же самая мысль пришла и в Танину голову, и, когда Саша открыл дверь, чтоб забрать ящик, она, раскрывая зонтик над ним и собой, спросила:

– А разве скорая выезжает на температуру? – уже понимая бессмысленность вопроса.

– Выезжает, – вздохнул Ерофеев, – скорая на все выезжает, когда вызывают.

– А разве это не поликлинический вызов? – Таня деловито поднималась по лестнице, чуть позади фельдшера.

– Мы из поликлиники?

– Нет.

– Значит, наш.

– Я ничего не понимаю. Неужели нельзя было вызвать участкового? – Подобные разговоры постоянно возникают в бригадах «03» и везде оканчиваются одинаково: вызов дали – надо идти.

Ерофеев остановился на лестничной клетке. На улице уже темнело, а в подъезде свет еще не горел. Саша перекинул ящик из одной руки в другую.

– А ты уверена, что там банальная температура?

– Вот же, написано. – Таня махнула картой. – «Мэ... тридцать... Тэ...» Хотя... – Что говорить, уже понимала: повод ничего не значит.

– Мало ли что там написано. Вот сейчас придем, а там будет малыш трехлетний с высокой температурой или женщина семидесяти лет с инсультом и температурой центрального происхождения.

– Да ладно? – усомнилась Таня (не потому, что действительно не верила, а чтоб поддержать разговор). – Ну, я знаю, что не совпадают поводы и реальность, но тут-то – температуру перепутать невозможно.

– Очень даже просто. Вызов – это всегда неизвестность. – Саша в который раз повторил эту неписаную истину. Они вышли на площадку пятого этажа. – Звони! – Он напомнил: – А то

¹⁰⁸ Пришел, увидел, победил.

ты не помнишь, как вы ехали на боль в спине, а приехали на инфаркт, сама же рассказывала, как вызов был к бабушке, а заболел ее сын. А роды?

Таня промолчала, согласившись. Да и не поспоришь – все это было.

Дверь открыл сам больной.

Действительно, тридцатилетний мужчина в спортивном костюме. Он молча пригласил за собой бригаду. Таня повесила куртку в прихожей. Ерофеев поставил ящик на стол, забрал у Тани карточку, негромко и коротко сказал:

– Осматривай.

– Температура поднялась к вечеру, – рассказывал больной, – весь день болит голова, на работу не пошел, позвонил, отпросился, участкового врача вызвал, да никак не идет. Болят суставы, выворачивает, кожу будто содрали, такая чувствительность. Глаза болят, и давит изнутри, а к вечеру начало знобить, трясет нещадно. Температуру померил – сорок и три... Испугался – и вот, вызвал скорую.

Таня слушала, слушал и Ерофеев. Быстро заполняя карту, он краем глаза наблюдал за стажеркой. А та осмотрела кожу, поискала лимфоузлы – вроде не увеличены, заглянула в рот, осмотрела язык и миндалины, выслушала, что творится в легких и как работает сердце... Расспрашивала:

– Вы никуда не выезжали из Москвы за последние две-три недели?

– Нет, работал.

– С детьми или общественным питанием ваша работа не связана?

– Нет, я системный администратор в банке, – отвечал больной.

– В вашем коллективе есть уже заболевшие?

– Да половина отдела валяется!

Осталось ощущение, что о чем-то забыла... О чем?

Ерофеев подсказал, поднеся руку к затылку, вроде как почесать, но свою голову притянул вперед, так чтоб подбородок коснулся груди. И Таня вспомнила, повторила тот же прием с лежащим больным. Тот вдруг напрягся... нехотя позволил наклонить голову, даже застонал.

– Больно в спине.

Ерофеев многозначительно поднял брови. Еще раз померили температуру – сорок и один.

– Многовато будет!

Таня села напротив Ерофеева.

– Докладывай.

– Наверное, у него менингит.

– Да ну?

– Да. Он горячий и сухой, зев не воспаленный, язык сухой, не обложен, в легких чисто, сердце ясное, ритм частый – около ста, а главное, менингеальные симптомы положительные! – последнее она произнесла страшным шепотом.

– Ну и что делать будем? – таким же шепотом спросил Ерофеев.

– Надо ему предложить ехать в больницу.

– Супер! Предлагай!

– Прямо так и сказать: «Собирайтесь в больницу»?

– А ты знаешь другие слова?

– А если это не менингит?

– Интересно. А как отличить?

– А я не знаю... Нам только эти симптомы показывали, голову вперед, и еще ноги – поднять согнутую в колене и разогнуть... Если не разгибается, значит, менингит.

Ерофеев крикнул в кулак.

– Положительные менингеальные симптомы – да еще такие вялые – это еще не менингит. При такой высокой температуре они имеют право быть. – Он достал шприц, ампулу анальгина, набрал и дал Тане. – Сделай ему... внутримышечно.

Она кивнула и пошла делать.

Через пятнадцать минут мужчина пропотел. Потер виски.

– Полегче вроде.

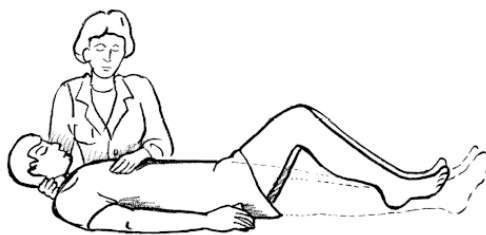
Ерофеев, стоя спиной к больному, проговорил:

– Посмотри снова менингеальную симптоматику.

Таня опять подтянула голову больного к груди и погнула ноги (рис. 14).

1. Кернига. Поднять согнутую в колене ногу и разогнуть – боль в спине, напряжение мышц.

2. Напряженность (ригидность) мышц шеи, боль при попытке согнуть шею, сам больной не может коснуться подбородком груди.

Рис. 14. Менингеальные симптомы

– Нету, исчезли!

– А если б это был настоящий менингит – прошли бы?

– Нет.

– Вот именно! При менингите воспаление мозговых оболочек от одного укола анальгина не исчезнет и симптомы не пройдут.

Ерофеев написал рекомендации: «Пить до трех литров в сутки: кисло-сладкий морс, клюквенный или лимонный, чай – не горячий, минералку «Ессентуки № 4» без газа, не стараться сбивать температуру ниже тридцати восьми».

Когда больной заговорил о новомодных препаратах, Ерофеев его прервал:

– Героизм никому не нужен. Во всех этих препаратах главное лекарство – парацетамол, по сути тот же анальгин, из той же группы. Да еще витамин С, так что по сути это не лечение. Дождитесь участкового врача и не занимайтесь самолечением.

– При гриппе, Татьяна, – спускаясь по лестнице, говорил Саша, – менингизм – это картинка. Яркая. Чем страшен грипп как заболевание? Перегревом. И опасен он не столько взрослым, у которых терморегуляция более-менее налажена, а детям, которые очень быстро обез-

воживаются. Смертность при гриппе происходит от отека мозга, от атипичной гриппозной пневмонии. Не надо стараться слишком снизить температуру, но и важно не давать ей залетать до заоблачных высот. Все-таки сорок – это много и для взрослого. – Таня запоминала. – Самое важное – дать гриппу покончить с собой. То есть сохранить температуру больного на тридцати восьми – тридцати девяти градусах. Вирус при этом погибает, а больной, слава богу, нет.

– Но ведь у него были менингеальные симптомы!

– Это не симптомы, – терпеливо повторил Ерофеев, – это так называемые знаки, намеки... Высокая температура и интоксикация, естественно, вызывают отек оболочек мозга, но не сильный, и, как только мы сбили температуру до тридцати девяти, симптомы сразу исчезли. Будь на его месте ребенок, госпитализировали бы однозначно. А взрослому дали рекомендации... Между прочим, летом часто бывает энтеровирусная инфекция, или «летний желудочный грипп», которая передается через грязные руки и воду, понос, высокая температура – и у детей часто сопровождается этими самыми менингеальными знаками, которые могут принимать за менингит... даже лечить как менингитную инфекцию. А достаточно всего лишь сбивать температуру и восполнять потерю жидкости и солей. Понимаешь?

Таня кивнула.

По лестнице им навстречу поднималась замученная женщина средних лет в белом халате под плащом.

– А вот и участковый, – сказал Ерофеев, прервав лекцию о гриппе. – Сейчас выпишет нашему больному больничный лист – и тот сразу пойдет на поправку.

Участковый гневно стрельнула глазами на парочку.

– Двадцать семь вызовов за три часа! – сказала она прерывающимся от напряжения голосом.

– Этот последний?

– Да уж. – Она уже пошла выше. – Там грипп?

– Грипп! – хором сказали Таня и Ерофеев.

– Я ж им предлагала – прививайтесь! Прививайтесь! Ведь бесплатно. Нет... Теперь бегай по этажам! – Она перевела дух и замолчала, стоя у двери.

В машине Таня спросила:

– А что, прививка реально помогает?

Ерофеев пожал плечами.

– Как говорит статистика, помогает. Лучше всех себя зарекомендовала французская вакцина. А вообще идеально помогают нормальный режим и хорошее настроение. Нас прививают каждый год, а кому суждено заболеть, тот все одно заболеет. Прививайся, не прививайся. Может, перенесет легче, незаметнее. Я исследованиями не занимался. – И повторил: – Статистика говорит, будто помогает, если только статистики не врут. Не подтасовывают факты.

Уже на подстанции Саша достал из ящика пакетики с таблетками, восемь отсыпал Тане в ладошку, восемь – себе.

– Это ремантадин. Для профилактики пойдем примем. Это точно помогает. От гриппа.

– А повязка?

– А повязка просто удерживает капельки влаги с вирусами, если чихать и кашлять, причем носить ее должен не здоровый, а больной. Потому что вирус марлю и даже нетканую материю в импортных масках не замечает – что есть маска, что ее нет... Он так мал, что проникает даже сквозь бумагу.

Они сидели на кухне, пили горячий чай с лимоном и сахаром.

Таня сказала:

– А все-таки температура – это не скоромощный вызов. Ведь правда?

– Правда, – согласился Ерофеев. – Но я уже говорил. Рассуждать – не наше дело. Запомни: человеком руководит страх. Когда человек болен, ему плохо, ему еще и страшно.

Он не понимает, что с ним происходит. Он вызывает скорую... И ждет... И ему плевать, что температура – не скоромощной вызов. Главное, повод к вызову ровным счетом ничего не значит. Это всего лишь повод. Не диагноз, не заключение врача. Судить по нему о том, что тебя ждет, глупо. Впрочем, мы уже об этом говорили, и не раз. Придешь, увидишь, разберешься...
– Veni, vidi, vici! – произнесла Таня латинскую поговорку. – Пришел, увидел, победил.
– Типа того, – согласился Ерофеев. – Хорошо бы всегда побеждать.

Комментарий специалиста

Грипп – болезнь сезонная. Ходит-бродит эта инфекция и передается от человека к человеку. В последние годы вакцинация от гриппа приобрела всеобщий характер. И, как показывает статистика, привитые действительно меньше болеют гриппом, а заболевшие легче его переносят.

Французская вакцина действительно показала себя с лучшей стороны, только применять ее, как и любую вакцину, нужно заранее, а не во время эпидемии.

Препарат Ремантадин, который принял Ерофеев, к сожалению, помогает не при всех типах гриппа и парагриппа¹⁰⁹.

Популярные и широко рекламируемые препараты биопарокс, ИРС-19 не имеют к настоящему гриппу никакого отношения. Их применять стоит при простудных заболеваниях верхних дыхательных путей бактериального происхождения, а не вирусного. Однако, как показывает практика, в осенне-зимний слякотный период именно бактериальная инфекция верхних дыхательных путей встречается чаще всего, а совсем не вирусный грипп. И лечить ее надо антибиотиками и противобактериальными препаратами¹¹⁰.

Есть большой выбор антибиотиков «широкого спектра» для приема внутрь.

Главное правило: антибиотик не принимается дольше 7 дней, если очевидна его эффективность (если на 4-е сутки он не помогает, на 5-е нужно заменить его на препарат другой группы).

Если есть медик – лучше посоветоваться с ним, если нет – посмотреть в справочнике. Не надо шараться от противопоказаний и осложнений – нужно принимать их во внимание. На первом месте – аллергия, на втором – имеющиеся болезни или прием лекарств, которые нельзя сочетать с антибиотиком. Все осложнения от приема антибиотика, как правило, возникают при длительном приеме (1–2 месяца) и слишком большой дозе. Пик осложнений пришелся на конец 50-х – середину 70-х годов, когда бурно создавались различные группы натуральных и синтетических антибиотиков, отрабатывались методика и схемы приема, а к середине 80-х определилась основная тактика: 5–10 дней приема. Если на 3–4-е сутки эффекта нет – необходимо менять на другой препарат.

Информация для немедиков – участников событий

¹⁰⁹ Разновидность ОРВИ.

¹¹⁰ Здесь я поспорю с А. Мясниковым, утверждающим, будто не стоит при воспалении верхних дыхательных путей сразу применять антибиотики. Слишком уж часто мне приходится встречать у таких вот больных, ждущих, что «само пройдет», осложнения в виде бронхитов и пневмоний. А вот обратиться они к врачу и пролечиться антибактериальными препаратами еще на стадии насморка и фарингита, и не было бы ничего страшного.

Что нужно делать?

Воспаление верхних дыхательных путей вирусного или бактериального происхождения сопровождается подъемом температуры. И при температуре выше 39 °С надо принимать препараты, снижающие ее. Однако нельзя исключить аллергию или неприятие их по идеологическим соображениям («Я НЕ ПЬЮ ТАБЛЕТОК!»).

Тем не менее снижать температуру нужно.

Как это можно сделать без применения медикаментов?

1. Обильное питье (2–5 литров подслащенной и чуть подсоленной воды комнатной температуры).
2. Пакеты со льдом к голове, под мышки и в пах.
3. Можно проглотить несколько кусочков льда (только не увлекайтесь).
4. Примите прохладный душ.
5. Обмотайте голову мокрым полотенцем.
6. Пейте молоко (не меньше 2 стаканов в день).

Если, несмотря на принимаемые меры, температура не снижается, появилась головная боль, боль в мышцах, спине, затылке, потеря сознания, необходимо обратиться к службе «03». Повод для вызова – «ВЫСОКАЯ ТЕМПЕРАТУРА». Если больной теряет сознание, можно добавить – «ПОТЕРЯ СОЗНАНИЯ», если развивается судорожный синдром, можно добавить к поводу «СУДОРОГИ». Если воспаление сопровождается появлением высыпаний, зуда, добавьте к поводу о температуре и прочим симптомам «СЫПЬ»¹¹¹. Особенное внимание уделите такому факту, как приезд заболевшего из другого города или страны. Неважно откуда. Важно, что заразиться человек мог в другом месте или в дороге. ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНЫЙ ФАКТ. О нем также нужно сообщить диспетчеру скорой помощи. Если будет предложена госпитализация – не отказывайтесь. Никто сейчас «на всякий случай» не госпитализирует.

¹¹¹ Как ОРЗ или ОРВИ, начинается немало инфекционных заболеваний: менингококцемия, краснуха, корь, ветряная оспа, атипичный грипп, лихорадка Денге или Эбола, а также малярия и прочие тропические болезни.

Последний факел в лабиринте

История двадцатая, в которой под Новый год больной сам создал себе кучу проблем, а потом «погасил»...

В новогоднюю ночь, как и первого января, ставят на дежурство тех, кто работает первый год, кто провинился в чем-то, студентов, которые любой подработке рады, и тех, кто уже два года не выходил дежурить тридцать первого декабря на сутки. В общем, получается «сборная солянка» со всех смен.

Ерофеева поставили дежурить. Таня долго маялась, выбирая: провести новогоднюю ночь в компании подружек или тайком пробраться на подстанцию к Саше в бригаду и поездить с ним на вызовы. Праздничная ночь – это же так таинственно, загадочно. Когда она намекнула Ерофееву, тот фыркнул: «Ничего загадочного, метут всех и в хвост, и в гриву, будто не Новый год, а непонятно что, и все, как один, под предлогом, что праздник, отказываются от госпитализации».

В училище у Тани заканчивалась зачетная сессия, на носу госы¹¹². После выпускных экзаменов месяц принудительного отпуска – и работа. Она уже решила, куда пойдет, – конечно, на скорую, и, даст бог, на подстанцию, где работает Ерофеев. И если бог все-таки прислушивается к Таниным молитвам, то он не даст загнать ее в оперотдел¹¹³ распределять вызовы, а поможет попасть на линейную бригаду, потому что это и интересно, и зарплата неплохая¹¹⁴.

Она не могла решить до последнего дня. Еще утром, проснувшись в темноте от писка будильника, она задумала: если кошка спит на коврик, прямо под ногами, на тапках, значит, к подружкам, если нет – будет доставать Ерофеева. Из-под пяток донеслось возмущенное мявканье. Значит, отдыхаем. Но что-то кольнуло слева в груди. Таня точно знала: это не сердце, как полагают не сведущие в медицине и анатомии люди, которые считают, что если колет в груди слева, то это обязательно сердце. А вот фигушки. Нет там сердца. Точнее, там его небольшой кусочек – верхушка. А если колет, то уж тем более не сердце. Таня рукой поискала тапки под кошкой, день только начался, мелькнула мысль: «Что загадывать? А девчонки звонить будут, сказать, что приду? Ну, скажу... Родители поехали на дачу... печку топить и живую елку во дворе наряжать, младшим двоюродным братьям и сестрам, даже Вике это может быть в радость... А я уже большая, не водить же хороводы с мелюзгой... На дачу съедутся родственники... А странная он личность – этот Ерофеев. Молчит, как партизан, о себе – слова не вытянешь, а про больных и болезни рассказывает – заслушаешься. И откуда столько всего знает?» Стоя перед зеркалом в ванной, Таня принялась загибать пальцы, сколько она всего узнала, когда работала с Сашей. Зубную щетку при этом она оставила во рту и, страшно шепелявя и брызгаясь зубной пастой, говорила:

– Внутривенно колю? Колю... Жевудок промывала? Да. Кавдиогвамму снимать умею через теелефон, нос могу тампонировать, если квовотечение – но только спеведи. «Заднюю тампонаду умеют врачи... Ерофеев наверняка умеет, – подумала с какой-то завистью, – умеет, но не делает – не положено».

¹¹² Государственные экзамены по профильному предмету. Сдают выпускники высших и средних учебных заведений. Выдается диплом об окончании среднего или высшего учебного заведения и сертификат специалиста (для фельдшеров).

¹¹³ *Оперативный отдел городской станции скорой помощи* – место, где принимают и распределяют по подстанциям и бригадам вызовы от населения. Многие девушки-фельдшера сразу после выпуска из училища (колледжа) по распоряжению отдела кадров попадали в диспетчерскую службу.

¹¹⁴ Выездные (линейные) медики кроме стандартной ставки имеют доплату в виде так называемых «колесных» – за работу на выезде в автомобиле. Порядка 50 % от основной ставки.

– Раны шить умею? Немножко умею, если не очень глубокая... Во рту что-то мешается... – С удивлением обнаружила, что пальцев на руках уже не хватает, а из-за щеки торчит ручка зубной щетки. – Фу ты...

Дома, кроме кошки, никого. Декабрь выдался слякотный, теплый, почти такой же, как и в прошлом году. Только под Новый год чуток побаловал морозцем и снежку напорошил – порадовал, сжалился. Праздник все-таки. Нужно съездить в училище, проставить зачеты... В учебной части оформить допуск к экзаменам... А потом еще по магазинам – для салата купить продуктов... и с девчонками договориться: кто что покупает, адрес узнать – куда ехать... И меньше всего отчего-то волновал вопрос: «А сколько мальчиков будет и какие они?»

Чем больше решалось дел в течение дня, тем больше Таню раздражало ощущение отсутствия праздника. А точнее, как однажды сказала мама Восьмого марта: «Праздника не чувствуется», зато, когда вечером пришел папа, который работал в праздничный день, сгреб всю семью и повел в ресторан, праздник почувствовался, особенно когда начали раздавать подарки. Таня себя успокаивала: все еще впереди. И шампанское, и куранты, и хорошая компания, но тоскливое предчувствие давило в груди. Что не будет ей радостно в той шумной компании. И поэтому, когда вдруг мобильник взорвался звонком от Ерофеева, она чуть не завопила в трубку:

- Привет!
- Привет, – спокойно сказал Саша. – Как ты?
- С наступающим тебя Новым годом! – выпалила Таня.
- Спасибо, и тебя тоже. Так как ты?

Вопрос, на который или надо врать с фальшивой улыбкой, или отвечать честно, но тогда настроение испортится и у спрашивающего. Папа говорит: «Отвечай честно – если плохо, значит, плохо. В следующий раз не будут спрашивать».

Таня посопела носом и сказала букой:

- Праздника не чувствуется.
- Аналогично, – подтвердил Ерофеев. – Ты хочешь со мной поездить?

– А можно? – Внутри будто все зазвенело, и, чтобы не выдать радости, Таня спросила шепотом: – А кто сегодня за старшего?

– Напарница заболела, я один. Если составишь компанию, буду рад. Сомов разрешил, я спрашивал.

– До утра? – спросила Таня и подумала: «Сомов – золотой дядька, я с ним работала, он почти как Ерофеев, только старый – ему за пятьдесят, а так с ним тоже интересно».

- Ну да... А как еще? Среди ночи домой поскачешь?

– Нет, конечно. Я приеду. Ко скольких?

– Ловим тебя через два часа у ворот подстанции.

Что-то в воздухе переменялось. Небо поднялось и чуток, самую малость, поголубело... И снег под ногами уже не хлопает утробно, а ручейки, будто весной, журчат вдоль тротуара... И палатка «Куры-гриль» источает не мерзостный запах пригоревшего куриного жира, а очень даже манит довольно приятным ароматом. «Надо будет купить к столу», – подумала Таня, сворачивая к дому. Главное, быстренько принять душ, собрать вещи. Хотя что там собирать? Джинсы, свитер, халат, фонендоскоп не забыть (совать в уши подстанционный, неизвестно в чьих ушах уже побывавший, Таня брезговала, особенно после того, как они с Ерофеевым возили в Боткинскую больницу женщину врача-терапевта из поликлиники с фурункулом в ухе), достала и протерла от пыли влажной салфеткой виниловые полусапожки, специально купленные для работы в слякоть.

Главное, кошку покормить не забыла да сорбента сыпанула в лоток. Уже в сумерках Таня подошла к воротам подстанции, позвонила Ерофееву:

– Я тут.

– Жди, мы едем. Не замерзнешь?

– Нет, – сказала она, и ее сразу зазнобило.

В машине тепло. Таня забралась в кресло в салоне, запихнула сумку под носилки – и будто и не было недели разлуки, будто только вчера они ездили вместе или пару дней назад. «Газель» вкатилась на территорию.

– А я курицу купила – гриль, – сказала Таня. – Пойдет?

– Этим живоглотам все пойдет, – отозвался водитель, – только дай. А кетчуп есть?

Татьяна покачала головой:

– Нет, про кетчуп забыла. Что нового? – спросила она и водителя, и Сашу.

– Да все по-старому, хотя есть грустная новость, – отозвался Ерофеев.

– Что случилось? – встревожилась Таня.

– Видякина помнишь?

Она кивнула.

– Умер.

– Как же так? – Таня вспомнила мужчину с бронхиальной астмой. – У него ж сын? Мальчик, да? Сколько ему... двенадцать лет?

Ерофеев вышел из машины, открыл боковую дверь и помог Тане выйти, забрал пакет с курицей.

– Идиотская история, – сказал он. – Мы ж тогда с тобой свезли Видякина, он лечился, потом выписался с улучшением. Сын его в это время жил в интернате. – Таня слушала, семенила рядом с Ерофеевым. – Недели полторы назад он взял мальчишку на выходные, и они гуляли в парке Горького, ну и покатались на «американских горках». Ты понимаешь?

– Обострение астмы?

– Конечно, он опять простудился, к вечеру начал задыхаться, парень хотел вызвать нас, отец не разрешал, пока не потерял сознание, а когда приехали, он уже был мертв.

– А как же сын?

Ерофеев пожал плечами.

– Живет в интернате. Ищут его мать. Мы ведь о ней ничего не знаем. Парнишка себя винит в смерти отца. И разубедить его сложно. – Саша вздохнул. – В общем, год кончается невесело. Как ты говоришь? Праздника не чувствуется? Так вроде и не праздник – просто смена одного года другим.

Ерофеев был прав. Будто и не праздник – гоняли хуже, чем в будние дни. Они только вошли, Саша направился пополнять запас лекарств в «аптеку», а по селектору им уже объяв-

ляли вызов. Таня подошла к окошку диспетчерской, взяла карточку – «мужчина, пятьдесят семь лет, боли в животе».

В машине как обычно.

– К чему готовимся? – спросил Ерофеев.

– К чему угодно, – отозвалась Таня.

– Верно. А все-таки, что наиболее вероятно?

– Возраст пятьдесят семь, мужчина... – На минуточку задумалась. – Если полный – печеночная колика, холецистит, язва – обострение или прободная, гастрит, ну это уже и не у полных...

Ерофеев кивнул.

– А еще возраст, опасный для инфаркта, может быть абдоминальная форма.

Ерофеев снова кивнул.

– Может быть почечная колика. Когда впервые или камень на переходе из лоханки в мочеточник, то часто жалуются на боли в животе, а еще аппендицит...

Опять кивок.

– А еще, если гипертоник и мерцательная аритмия, может быть тромбоз кишечных артерий... – сказала Таня, вспомнив давний вызов к умиравшему от такого тромбоза мужчине.

– Панкреатит забыла с панкреанекрозом, – остудил ее Ерофеев, – холодцу свиного покупает с чесночком, водочкой ледяной зальет – и будь здоров... Через три часа на стенку лезет от боли.

– Ладно вам, гадалки, – сказал водитель. – Сейчас подниметесь и все увидите, чего перебирать? У меня брат вместо домкрата трактор поднял, у него пупок развязался – тоже живот болел. Так ему банкой нутро на место ставили.

Таня замерла, удивленно поглядев на водителя.

– Как это – банкой?

Водитель сказал:

– Бабка берет трехлитровую банку, сперва наговор пускает, потом пучок какой-то травы запалит и внутрь кинет, потом начинает горлышком банки над животом водить – нутро-то само на место и встает.

– Пойдем, – сказал Ерофеев, – большая уже сказки слушать!

Водитель насупился, обидевшись, что ему не верят.

В квартире праздника тоже не чувствовалось или он тут был непреходящим... судя по количеству пустых бутылок из-под водки, наливок, коньяка, текилы, каких-то малознакомых, но, судя по этикеткам, страшно горючих смесей, предназначенных для употребления вовнутрь... На одной бутылке Таня прочитала: «САНПАРИ». Кроме больного, как и было заявлено – мужчины пятидесяти семи лет, залежей пустой вонюче-водочной посуды, в доме обнаружилась еще и женщина средних лет, которая задумчиво бродила между пустых бутылок и повторяла, ломая мозолистые руки:

– Под самый Новый год. Витя, ты сволочь! Не мог подождать? Кто тебя просил нажираться? Нам еще елку наряжать – я не знаю, где игрушки...

– Зачем тебе елка? – стонал на диванчике больной. – Зачем тебе игрушки? Мы в ресторан пойдем... говорил же.

– Потому что положено, – не повышая голоса, отвечала женщина, выписывая восьмерки на паркете. – На Новый год положено елку наряжать, а не нажираться...

– Да кем и куда положено? – простонал опять мужчина. – Я не пил...

Женщина остановилась перед медиками, застывшими в дверях в изумлении.

– Он не пил, он ел... И объелся...

Мужчина с диванчика протянул руку за голову к серванту, достал упаковку таблеток, выщелкнул пару и закинул в рот.

Ерофеев бросил ящик и поспешил к больному.

– Эээ! Погодите! Что вы пьете?

Мужчина глотнул и уставился на фельдшера.

– Баралгин. А что, нельзя?

Саша обреченно махнул рукой, повернулся к Тане:

– Иди сюда, давай осматривать, пока есть время.

Таня принялась выполнять распоряжения Ерофеева. Как учили их, начала осмотр живота сверху вниз, как он себя ведет по отношению к дыханию, каков на ощупь, старалась обнаружить признаки воспаления брюшины – перитонит, не нашла, однако обнаружила признаки воспаления желчного пузыря – холецистита. Ерофеев стоял рядом, наблюдая за Таней и вглядываясь в лицо больного. Лицо морщилось, когда Танина ладонь наступала на ямку под ложечкой. Саша присел на корточки и сперва пальцем о палец выступал печень, потом, глубоко запуская пальцы под ребро, прощупал ее же, больной при этом немного морщился.

Ерофеев отошел от постели больного, предоставив Тане изучать специфические симптомы, повернулся к женщине.

– А что он ел и когда? Сегодня?

– Вчера, – ответил мужчина, – мы на работе Новый год праздновали. – И вдруг добавил не к месту: – Я эссенциале пью!

– А зачем? – спросили Саша с Таней хором. – Вам врач назначил?

– Нет, – вступила в разговор женщина, – он сам решил. Рекламу увидел и купил... Уже второй месяц пьет эссенциале форте эн. Для восстановления печени.

Таня закончила осмотр, подошла к Ерофееву.

– Я нащупала только болезненность в области желчного пузыря, двенадцатиперстной кишки и головки поджелудочной железы. Болезненность не очень сильная. Характер боли больше указывает на спазм, чем на воспаление, хотя я еще не очень... – Она замолкла, намекая, что диагност она еще не очень и потому не возьмет на себя ответственность утверждать – есть воспаление в животе или нет. А еще, – она показала на пустую бутылку «Кампари», – этот ликер очень дорогой и пить его нужно помалу или разводить. Если выпил один и много – я не знаю, что будет. Папа говорил, он на травах и там есть что-то очень серьезное.

– Это уже неважно, – сказал Ерофеев и, обращаясь к больному, объявил: – Собирайтесь! Новый год вам придется встретить в больнице. – Он прислушался к словам Татьяны. – Мужчина! Вы кампари пили помногу?

Больной кивнул.

– А что там пить? Немного разводил апельсиновым соком и со льдом.

– Собирайтесь! – повторил Ерофеев.

Мужчина озадачился, пошевелился на диванчике.

– А вы знаете, мне намного легче. Почти и не болит. Так, неудобство какое-то...

Ерофеев нахмурился.

– Не болит из-за вашего баралгина. Вы нарушили главную заповедь при болях в животе...

– Ни в коем случае не употреблять обезболивающие! – подхватила Таня.

Женщина, бродившая по комнате, ушла на балкон и принялась вытягивать оттуда спеленутую елку. Холодная волна покатила по комнате.

– Помоги мне, хватит валяться! Симулянт!

Мужчина обиделся.

– Вот так всегда, никакого сочувствия к страждущему. Их, блин, больной!¹¹⁵

Ерофеев разозлился.

¹¹⁵ *Ich bin больной* – фраза из старинной французской комедии «Большая прогулка» – я есть больной (лом. нем.).

– Большой – это очевидно. Собирайтесь в больницу. Вы не понимаете, что вы наделали. Оставить вас дома я не могу. Баралгином вы смазали картину воспаления, но само воспаление не остановили. Понимаете? Через четыре-пять часов боли вернутся, вы снова вызовете, но ситуация уже может стать критической. Вы должны быть под наблюдением хирургов эти часы.

Однако мужчина из всей речи Ерофеева уловил только «четыре часа без боли».

– Да это же замечательно! Я останусь, мы встретим Новый год, а если опять заболит – я снова вызову. Идет? – Похоже, такая перспектива его абсолютно устраивала. – А если еще эссенциале выпью?

Ерофеев повернулся к Тане.

– Жалко, что психиатры на больной живот и острый холецистит не вызываются. Может, ты ему объяснишь?

– Я?!

– Я сейчас могу говорить только матом... он меня бесит. – Все эти переговоры фельдшер вел вполголоса.

– А что говорит инструкция?

– По какому поводу?

– По поводу отказа от госпитализации при болях в животе?

– Актив неотложке, если ночью, или участковому днем, или на себя через четыре часа. Пока перитонит не начнется. А там он сам уже проситься начнет. Потом с неделю в реанимации, три-четыре повторные операции – и в морг.

– Участковых завтра не будет – первое января, в поликлинике только дежурные, а неотложка сама не возит, все равно нас вызовут.

– Да пофигу! Если он такой дурак... можно на неотложку скинуть актив – по стандарту, – и пошло оно все лесом!

– Тише...

– Я тихо. – Ерофеев снова подошел к мужчине. – Послушайте. Я не хочу вас пугать. Но живот, как сказал профессор Лукомский¹¹⁶, «...это темный лабиринт, и прием обезболивающих – это все равно что погасить последний факел». Поймите же, если гной, что накапливается в желчном пузыре, расплавит его оболочку, вы дождетесь желчного перитонита, и тогда вам уже будет очень трудно спасти жизнь. И болеть будет намного сильнее. Не валяйте дурака – собирайтесь. Если там – в животе – ничего страшного, завтра вернетесь. Но оставаться дома, и тем более встречать Новый год, – это безумие!

– Вы мне не ответили про эссенциале. – Мужчина принялся надевать брюки. – Неужели я его зря пью?

Ерофеев взялся за голову.

– О боже... Послушайте, эссенциале – замечательный препарат! Просто «чудо-лекарство», – Саша не удержался и подпустил в интонацию ехидности, – но оно не лечит. Оно вообще не лечит воспаление желчного пузыря. Оно еще никого не спасло от воспаления! Официально, как утверждает фирма, – это печеночный протектор. Оно, возможно, восстанавливает клетки печени при хронических воспалениях или после какой-нибудь интоксикации... Вы вообще знаете, что там?

Мужчина помотал головой, но сказал:

– Какие-то фосфолипиды EPL! Да закрой ты балкон! – крикнул он женщине, втащившей наконец елку в комнату. – Холодно.

– Там витамины. Полиненасыщенные жирные кислоты, вытяжка из бобов сои. «Фосфолипиды EPL» переводится как «эссенциальные фосфолипиды», то есть «мемориальный

¹¹⁶ Лукомский Павел Евгеньевич (1899–1974) – советский врач, кардиолог, профессор 1-го ММИ. Сейчас трудно установить, он автор этой фразы или нет, но такой миф ходит в медицинской среде.

памятник» или «масло масляное». Это строительный материал для клеток, но не препарат для бессмертия! И уж тем более для лечения. Поймите: но-шпа, другие спазмолитики, а главное, препараты, снимающие воспаление, вам сейчас гораздо нужнее. А любимое эссенциале¹¹⁷ будете пить потом, когда воспаление пройдет. Ну, поехали, УЗИ сделают, кровь посмотрят. Вас никто просто так держать не станет в больнице.

Женщина демонстративно и раздраженно принялась устанавливать елку в крестовину.

– Вы как хотите, а у меня праздник! Новый год!

Таня подошла к Ерофееву, они стояли рядом – стеной, взгляды их были тверды и убедительны настолько, что больной сломался.

– Ну, хорошо, поехали, – сказал мужчина. – УЗИ, кровь... Ладно. Я – дурак. Признаю.

Уже выходя из квартиры, он остановился в дверях, подошла угрюмая женщина, сунула ему в руки пачку эссенциале форте.

– Ты забыл.

Мужчина поглядел на лекарство, сунул его в карман.

– А поцеловать?

– Ты меня бросаешь одну в пустой квартире в Новый год, – сказала женщина. – Это знаешь как называется? А Новый год как встретишь, так и проживешь потом...

Ерофеев пошел в машину, Таня поджидала больного на лестнице.

– Поехали со мной. – Поцеловать все-таки получилось, поэтому вопрос снялся.

– Ладно, поехали. – Женщина метнулась за дубленкой в квартиру. – Подождите меня!

Уже возвращаясь из больницы на подстанцию, Таня пролезла в передний отсек из салона, прямо к ерофеевскому уху.

– Слушай, ну что он так уперся в это эссенциале?

– Реклама, – сказал Ерофеев, – реклама привлекает, не объясняя... обещает, не образовывая. Народ тупеет от тупой рекламы. Лучше бы таблицу умножения так долбили с экрана или курс иностранного языка.

– А мой папа тоже пьет эссенциале, он говорит, что ему надо, «потому что много печенью работает».

– А кто он?

– Зам генерального директора в одной топливной фирме.

– Это да... Подписание контрактов – это большая нагрузка на печень. Эссенциале спасет ее... может быть. Если сильно верить в это. А вот при холецистите – нет. А почему?

– Потому что желчный пузырь и печень – это соседние органы, но не одно и то же.

– Верно.

Комментарий специалиста

Ситуация – частая, заблуждение – широкое. Мечта о панацее. Рекламируемые препараты для самостоятельного применения нередко преподносятся как наилучшее средство профилактики... А малокомпетентные пациенты считают, что поможет от любых проблем, связанных с функцией печени. Смешная и грустная история, надеюсь, покажет читателям, что никакие

¹¹⁷ Широко разрекламированный препарат, якобы восстанавливающий функции клеток печени. На самом деле он имеет эффект плацебо. Если молекулы фосфолипидов и помогают восстановиться клеткам, то только при внутривенном или внутримышечном применении, а при прохождении через кишечник содержимое капсул просто переваривается, как обычная пища.

обезболивающие при болях в животе применять нельзя, что эссенциале, может, и «восстанавливает» клетки печени при хронических интоксикациях, включая алкогольные и вирусные, но вот ума не прибавляет. Однако надо обратить внимание читателей на описанную ситуацию: больной много ел довольно агрессивной пищи, а первой с ней вступают в контакт слизистые желудка и двенадцатиперстной кишки – именно их воспаление (гастрит и дуоденит) приводит в дальнейшем к проблемам и с печенью, и с поджелудочной железой. Отек протоков нарушает отток желчи и панкреатического сока и, как следствие, вызывает печеночную колику и острый панкреатит.

Воспаление желчного пузыря обычно связано с застоем желчи, присоединением инфекции или появлением камня в протоке. Разобраться в возникшей ситуации в домашних условиях невозможно, и если есть шанс поехать в стационар, сделать УЗИ органов живота, гастроскопию и сдать анализы крови, то непременно надо им воспользоваться, чтобы не упустить момент, когда можно обойтись простыми препаратами и исправить ситуацию за 1–2 дня. Лучшее средство первой помощи – холод на живот. И НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НИКАКОЙ ГРЕЛКИ К ПЕЧЕНИ!

Информация для немедиков – участников событий

Что нужно делать?

Боли в животе, которые не похожи на аппендицит, обычно являются болями в эпигастрии, или в просторечии – в области солнечного сплетения. Это место, куда сходятся протоки печени, поджелудочной железы и куда из желудка выпадает переработанный и перемешанный с желудочным соком кислый пищевой комок. Это место – двенадцатиперстная кишка. Боли всегда связаны с едой, то есть возникают после еды, либо с ее отсутствием – голодные боли, проходящие после того, как человек поест. Острая боль в эпигастрии (рис. 15) кинжальная, внезапная, очень сильная, вплоть до болевого шока, такая, что невозможно стоять на ногах, и если идти, то на корточках – характерна для ПЕРФОРАТИВНОЙ, или ПРОБОДНОЙ, ЯЗВЫ (желудка или двенадцатиперстной кишки). Сами термины указывают на образование дырки и попадание содержимого кишки в брюшную полость. А это однозначно приведет и к развитию воспаления брюшины – перитониту (см. симптом Щеткина – Блюмберга). Вызов бригады «03» обязателен с поводом «БОЛЬ В ЖИВОТЕ». Перфорация язвы – абсолютное показание для госпитализации и операции. В качестве первой помощи допустимо одно – ЛЕД НА ЖИВОТ. Ноющие боли в эпигастрии, усиливающиеся после еды, говорят об обострении воспаления слизистой двенадцатиперстной кишки – дуодените, который может вызвать нарушения оттока и соков из поджелудочной железы – панкреатит, и желчи – печеночная колика, холангит. А регулярный и частый застой желчи в пузыре может привести к его воспалению – холециститу. Любой воспалительный процесс можно притормозить только холодом. Поэтому в ожидании бригады скорой помощи нужно держать на животе мешок со льдом.

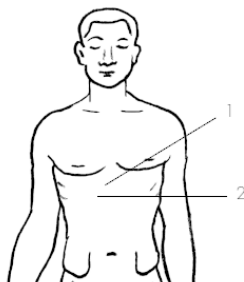

Рис. 15. 1 – эпигастральная область, место проекции 12-перстной кишки; 2 – место проекции желчного пузыря

Хороший врач голодным не останется

История двадцать первая, в которой Таня встречает в кафе пароксизмальную тахикардию, а фельдшер Ерофеев лечит испугом...

Между Новым годом и госами, по решению Думы, случились каникулы. Они внезапно случаются каждый год, и каждый год вся страна ждет решения Госдумы и, обрадовавшись решению парламентариев, гуляет больше недели. Вся страна гуляет, а скорая работает... Конечно, не только скорая, могут обидеться другие службы. Полиция и железнодорожники, энергетики и водители городского транспорта... они тоже работают... Но до них Тане нет дела... Работают, потому что больше некому... потому что надо.

Она не ждала звонка, ведь Ерофеев не работал в этот день. Третье января – день ни туда, ни сюда. Уже не праздник и еще не праздник. Разложены на письменном столе учебники, билеты... где-то среди конспектов потерялась косметичка... ибо делать что-то, кроме усердной подготовки к экзаменам, настроения не было. Себя нужно заставлять. Заставлять проснуться, заставлять умыться, заставлять сварить всмятку два яйца и позавтракать, но однажды, если удастся переломить лень, уже дело начинает катиться само собой – и втягиваешься... втягиваешься. И вот, когда уже втянулся... билет за билетом, вопросы, ответы по конспекту, вспоминаются летние дни на скорой и необъяснимый страх... остаться один на один с больным... С его проблемами, болезнью... И странное чувство обиды, когда на руках умирает только что еще живой человек, с которым несколько минут назад разговаривали, шутили... Таня в который раз в уме похвалила себя, что, кроме месячной практики, еще ездила на вызовы с Сашей, а иногда с другим фельдшером – Олегом... Он прикольный... И даже симпатичный, такое умное лицо в очках... Очки ему идут, но он ничего не объяснял, как Ерофеев, а только советовал: «Читай книжки – там все написано». Она тоже носила очки, но только когда смотрела телевизор или сидела на лекции... Таня искренне считала, что ей очки не идут и она похожа на сову или крысу... Так ей Вика однажды сказала, и фраза эта засела где-то глубоко в подсознании.

Звонок мобильного выбил ее из глубокомысленного созерцания морозного узора на оконном стекле. Кто это еще? Так было приятно вспоминать практику...

Звонил Ерофеев.

– Трям! Значит «здравствуй»!

– Я помню, – ответила она. – Я смотрела этот мультик. Здравствуй! Ты сегодня дежурить? – Вихрем пронеслась мысль: работать некому, старший фельдшер вызвал Ерофеева, а он вспомнил о ней.

– Нет. Мы ж с тобой первого вместе уходили... У меня завтра сутки.

– А что случилось?

– Разве должно что-то случиться? Ты на посту?

– В каком смысле?

– В религиозном, сейчас пост – Рождественский!

– А... да... нет... не на посту... – Мелькнула хитрая мыслишка. – У меня экзамены на носу...

– А ты вроде бы не вегетарианка... или что?

– Всеядная, как... страус... – Таня в последний момент заменила свинью на пускай тупую, но более эстетичную птицу.

– Я приглашаю тебя в кафе.

От неожиданности Таня икнула.

– Зачем?

– Этот глупый вопрос оставь для парней, которые будут спрашивать, можно ли тебя поцеловать... В кафе ходят, чтобы есть... В общем, да – да, нет – нет... На скорой нет времени на долгие раздумья... Время пошло. Десять... девять...

– Мне нужно собраться...

– Резонно, в домашнем халатике по морозу...

– ...и накраситься...

– Можно подумать, ты на тропу войны выходишь...

– Через час... – А сама подумала: «В каком-то смысле – на тропу».

– У метро «Войковская», выход на улицу Космодемьянских. Жду наверху.

Распространенное заблуждение, что девушкам позволено опаздывать, что это вроде нормы... И мужчине положено ждать и терпеть. Позволено, да не всем. Таня отлично знала, что еще полчаса он подождет, а потом все... Хотя и полчаса – это много. Саша ничего не скажет, конечно... но подумает. И то, что он подумает, пугало Таню... Ей не хотелось, чтобы Ерофеев равнял ее с другими... которым простительно опаздывать.

«Интересно, он цветы купил? Вряд ли... Или еще какой подарок? Нет... Все это глупости... Он не такой человек. Вообще странно, что он в кафе пригласил... Или он как в Америке... Там зовут на обед или ужин с намеком на долгие постельные отношения... Нет, это абсурд. Он не такой... И вообще, кажется, он слишком безразличен... Первый раз с июля позвонил вне дежурства и пригласил не покататься по вызовам, а в кафе...»

Качаясь в вагоне метро от «Белорусской», она вдруг поймала себя на мысли, что ничего о Ерофееве не знает. Вообще. Нет, она знает, что ему больше двадцати пяти... да, и еще... все. Ни где живет, ни с кем, ничего... Но самое странное, это откуда он все знает? Или почти все? О чем ни спроси – расскажет...

– Осторожно, двери закрываются! Следующая станция – «Войковская»!

Ерофеев стоял у киоска и процеживал взглядом выходящих пассажиров. Друг друга они увидели одновременно. Наверное, Таня все-таки слишком эмоционально подошла... подознательно она подставила щеку, но Ерофеев в этот момент уже брал ее под руку и щеки не заметил. Или сделал вид, что не заметил. Цветов не было. У нее возникло ощущение, что из-за угла вырулит «газель» скорой помощи и Саша скажет: «Ха-ха! Разыграл, будем работать до утра...» Но и этого не случилось. Ерофеев вел Таню в сторону железной дороги...

– Куда мы идем?

– На троллейбус. Можно, конечно, и прогуляться, но лучше проехать... тем более что я не завтракал толком... шлепать полчаса до Большой Академической неохота. Лучше проедем.

«Пятьдесят седьмой» подкатил, будто ждал за мостом, когда это Ерофеев с Таней придут на остановку...

Таня вдруг разозлилась. Ну, хорошо, цветы – пускай... В щеку чмокнуть, хотя б из деликатности, – тоже... Видимо, она совсем не в его вкусе. Но хоть пару слов приятных можно сказать?

– Ты похудела... – сказал Ерофеев.

– С Нового года? – ехидно спросила она. – Так заметно?

– Нет, с лета, если сравнивать...

– Я всегда во время сессии худею... организм так устроен.

– Тогда тебе к лицу вечно учиться...

– С ума сошел.

– Шучу.

Они постояли на перекрестке улицы Приорова под красный свет. Знакомые места, приходилось возить больных в ЦИТО – Институт травматологии. Перейдя от остановки на другую сторону, Ерофеев повел Таню обратно. Остановился у двери кафе с надписью «За рулем»...

– Они раньше круглосуточно работали, – сказал Саша, – но, видно, не резон. Теперь только днем. Заходи. – Он отворил дверь и пропустил Таню вперед.

Мягкий полумрак, музыка... Саша прошел следом и повлек Таню направо в зал, где стоял в левом дальнем углу накрытый столик... Посетителей немного, еще два столика заняты, по другую сторону зала. Приглушенный разговор.

К ним вышла женщина в возрасте. Круглолицая, восточные черты. С легким акцентом сказала:

– Здравствуйте, Саша, мы вас ждем.

– Здравствуйте, Гуля, – ответил Ерофеев и, расстегнув куртку, повернулся к Тане: – Раздевайся и садись. Я рискнул кое-какие блюда уже заказать, на свой вкус.

Таня впечатлилась этим приемом и, когда Саша, повесив верхнюю одежду на вешалку в углу, сел напротив, перегнувшись через столик, спросила:

– Откуда ты их знаешь?

– Бывал тут, – негромко ответил Ерофеев, – раньше, и на вызове пришлось... А хозяин кафе – Гено Шотаевич, замечательный дядька, сам готовит. Коронное блюдо у них – хачапури. А в остальном тоже грузинская кухня: чанахи, сациви, долма, харчо... Ты баранину ешь?

– Я все ем, – повторила Таня. От головкружительных ароматов заныло под ложечкой... Два яйца всмятку забылись как страшный сон... Она вскочила. – А где можно руки помыть?

– Правильно, я тоже помою.

Когда они вернулись к столу, в его центре уже стояло огромное блюдо с золотистой, ароматной луной, источавшей запах жареного сыра... Он еще пузырился под корочкой и фыр-кал...

– Пробуй, ты такого никогда и нигде не ела... Это – настоящее хачапури.

Взяв из рук Саши кусок, Таня принялась ртом ловить стекающие сырные нити... Сок потек по руке... Она откусила и поспешно положила оставшийся кусок на тарелку... принялась протирать салфеткой пальцы.

Слов не было. Она съела половину порции и сказала:

– А я знаю, что такое долма! Меня однажды угощали.

– Это вроде маленьких голубцов из баранины в виноградных листьях, подается с айраном и с толченым чесноком, – словно не слушая ее, объяснял Ерофеев.

Новые слова... Ерофеев – гурман... Новое впечатление... А по нему не скажешь... А что по нему скажешь? Если вдруг выяснится, что он американский шпион, Таня несколько не удивится.

К их столику подошел пожилой невысокого роста мужчина грузинской внешности. С сильным акцентом сказал:

– Есть домашнее вино, принести?

– Нет, Гено Шотаевич, вина не надо, а вот я знаю, у вас есть коньяк «Старый город», восьмилетний, принесите нам сто граммов и пару рюмочек.

Грузин улыбнулся.

– Наше вино не хуже хорошего коньяка, его даже девушкам можно. Но я не буду спорить, уважаемый Саша, сейчас принесу.

Ерофеев налил себе из графина немного, Тане на самое доньшко накапал. Она пискнула:

– Я не пью.

– И не надо, – сказал серьезно Саша, – не надо пить, надо помянуть.

– А что, кто-то умер?

– Погиб Валера Ковалев.

Таня не поняла, и лишь спустя несколько секунд до нее дошло – доктор Бармалей, педи-атр.

– Как погиб? – Она от неожиданности растерялась. Бармалей не должен был, это же детский врач...

– Возвращались с вызова, на встречу выскочил «порш кайен», вошел в лоб. Водитель и врач сразу погибли, фельдшер с черепно-мозговой сейчас в Склифе, пока в коме.

– Няня Вика в коме? – Слезы побежали сами, Таня хлопнула носом.

– Нет, няня Вика в это время лежала в Боткинской с сотрясом. У нее другая история. – Ерофеев выпил коньяк, не чокаясь. – В общем, я хочу... нет, правильно будет, я не хочу, чтобы ты шла работать на линию.

– Это из-за аварии? – Таня салфеткой вытерла глаза. – Я не боюсь.

– Нет, авария – это Божий промысел, и кому суждено быть повешенным – тот не утонет. Я не хочу, чтобы ты работала на линейной бригаде и вообще на выезде, потому что это не твоя работа. Это работа для мужиков, а не для таких девочек, как ты или няня Вика.

– А что с ней? – не поняла Таня. – При чем тут Виктория Викторовна?

– А при том, что она взяла подработку – попросил старший фельдшер, потому что доктор Тыхлер Белла Арнольдовна осталась без фельдшера. Ты знаешь эту скандальную бабку.

Таня кивнула.

– А няня Вика может сработаться с кем угодно, самый покладистый и мирный человек на подстанции. Так вот они приехали к мальчонке на большой живот. Тыхлер говорит: «Надо в больницу», а мамаша мальчика, дама лет под сорок, малость навеселе, отвечает: «Я выпимши и не могу ехать, давайте вы сынка завтра отвезете». Тыхлер верещит, что у мальчишки аппендикс, что завтра будет поздно, няня Вика помалкивает – ты знаешь, она вообще не вмешивается, когда врач разбирается. А эта тетка возьми и скажи: «У меня вот тут сто тысяч лежали, вы их украли! Если сейчас не уберетесь, я в полицию позвоню!» Ну, няня Вика берет телефон, звонит диспетчеру и говорит: «Нас обвиняют в краже, пришлите полицию», все по инструкции. Так эта мамаша кинулась на Вику и давай ее метелить. Тыхлер спряталась за креслом. Мужики там были – собутыльники мамаша, еле оттащили ее, так она и им наваяла. А когда СОБР приехал, она им корку капитана полиции под нос. Она, оказывается, из охраны Госдуммы. Ее все-таки приняли в отделение, писала объяснение, а Вику госпитализировали с сотрясом в Боткинскую, две недели лежала¹¹⁸.

Таня слушала затаив дыхание. Ей стало страшно и обидно, краешком рассудка она понимала: Саша не врет, но ей обо всем этом рассказывает специально, чтобы отговорить от работы на скорой.

Ерофеев сидел лицом ко входу и всему залу. Она не видела, что происходит за спиной, выпила коньяк, откусила теплое хачапури, чтобы погасить жгучесть, и заметила, что Саша спешно вытирает руки... А лицо такое, будто они на вызове у тяжелобольного... Она оглянулась.

– Что случилось?

– Еще не знаю, но что-то случилось.

За дальним столиком девушка, сидящая с молодым человеком, вдруг побледнела, приложила правую руку к груди и что-то негромко сказала своему спутнику. Тот вскочил, замахал руками и побежал к стойке, за которой стояла Гуля...

– Скорую, скорую вызывайте! Ей плохо!

Гуля молча выложила телефон на стойку:

– Вызывайте!

Ерофеев поднялся.

– Пойдем поглядим, что там?

¹¹⁸ Основано на реальной истории.

Таня молча двинула за ним. Девушка, для которой вызывали скорую, сползала со стула. Она не теряла сознание, но сильно ослабела, пот крупными каплями покрыл мраморный лоб. Она часто дышала ртом.

– Возду... ха не хва... тае... – проговорила одними губами.

– Диабет? – спросил Ерофеев, подразумевая, что девушка сделала себе инсулин, а поесть не успела.

– Нет... что-то в серд... це, у ме... ня... бывают такие приступы, только ред... ко... – ответила девушка.

Ерофеев взял ее руку, нащупал пульс... Таня взяла другую и тоже принялась считать. Под пальцами лучевая артерия, словно ниточка, пульсировала с бешеной скоростью.

– Сто семьдесят примерно, – сказал Саша. – Вот шаршит. Пароксизмальная тахикардия.

– Отчего так?

– Я в туалет хочу, – сказала девушка.

– От жизни. Это врожденная патология, между правым предсердием и желудочком. – Он приподнял девушку, подхватил под мышки. Подошел ее парень и удивленно смотрел на упражнения Ерофеева. – Потерпите, это почки так среагировали на тахикардию.

– Эй, что вы делаете?!

Девушка была словно кукла тряпочная, однако чуть-чуть помогала, упиравшись ногами в пол. Она догадалась уже, что с ней занимаются медики.

– Стараюсь снять приступ. Помогите мне. – Саша объяснил: – Не стоит ее вести в туалет – может там отключиться.

– Сейчас скорая приедет, положите ее на место!

– Пока они приедут... она декомпенсируется, – сказал Ерофеев, – на таких скоростях сердечный выброс недостаточный... почки страдают и легкие перегружаются... Держи! – приказал он парню.

– Что мы можем без медикаментов? – спросила Таня.

Парень послушно обнял свою даму за грудь, под мышками, и держал в ожидании новых приказов. Ерофеев отвел Таню в сторону и сказал:

– Попроси Гулю выключить музыку... И неожиданно грохни в какое-нибудь блюдо железное, только очень громко и один раз, так чтоб никто не ожидал. Поняла?

Таня кивнула и пошла выполнять распоряжение. Остальные посетители столпились полукругом, галдели, обсуждая происшествие. Пришел хозяин – Гено – и приказал:

– Откройте двери! Нужен свежий воздух!

По кафе прокатилась волна морозного воздуха.

Ерофеев приказал громко:

– Тишина! Замолчите все! – Голос покрыл рокот зала – и наступила тишина. Все ждали: что дальше?

Именно в этот момент раздался дикий звон: скалкой по большому противню... От неожиданности девушка икнула, краска вернулась на лицо, она засучила ногами, пытаясь уже стоять самостоятельно. Ерофеев взял запястье – пульс стал реже, сильнее...

– Все! Приступ прошел!

В зале расхохотались. Несколько матерных возгласов погасли в звоне и смехе.

– Ничего себе способ лечения!

Пришла Таня.

– Ну что?

– Все. Сейчас скорая приедет, нужно будет ее в больницу отвезти.

Услышав о больнице, девушка запротестовала:

– Не надо! Я не хочу, уже все прошло!

– Положено, – объяснил Ерофеев, – приступ может повториться. Нужно обследовать и в конце концов сделать операцию.

– На сердце? – ахнул парень, отпустив спутницу.

– Да, сейчас эти операции делают лазером, ничего не разрезая... Новые технологии. У нее в сердце есть дополнительные лишние проводящие пути, из-за них и возникает приступ. Если лазером их пересечь – она больше не будет так болеть. Сердце начнет работать нормально и уже без сбоев.

Они вернулись за свой столик. Хачапури остыло, и долма, и чанахи покрылись блестками жира... Ерофеев потыкал в баранину вилкой.

– Саш, – он поглядел на Таню, – а зачем я была в бубен? И почему приступ прошел от этого?

– Он прошел от испуга. Вагусная реакция. Это иногда помогает. Можно крепко ударить под дых или пощекотать...

Подошла Гуля, принесла горячую долму и чанахи, холодные блюда забрала. Ерофеев поглядел на процесс и сказал со сталинским акцентом:

– Хороший врач голодным нэ останется!¹¹⁹

Таня набычилась и, глядя на Ерофеева, сказала как можно тверже:

– Я хочу и буду работать на скорой помощи!

Саша преподнес ей цветы уже по дороге домой, забежал в киоск и вручил букет.

– Я никак не могу запомнить их название, – смущенно улыбнулся. – Астролябия...

– Альстромерия, – сказала Таня, пряча лицо в цветах, чтоб он не заметил, как она опять покраснела. – Красивые.

Комментарий специалиста

Приступ **пароксизмальной тахикардии** связан с наличием дополнительных проводящих путей между правым предсердием, где расположен синусовый узел, задающий ритм сердцу, и правым или левым желудочком, куда из предсердия ведут проводящие пути через атриовентрикулярный узел, и далее, по пучку Гиса, импульсы разбегаются по желудочкам, правому и левому. Пучок проводящих путей из правого предсердия (рис. 16).

¹¹⁹ Существует легенда, что в послевоенные годы, когда периодически повышали заработную плату, И.В. Сталин из списка профессий вычеркнул врачей и на удивленный взгляд секретаря произнес фразу: «Ничего, хороший врач голодным не останется, а плохого и кормить незачем!»

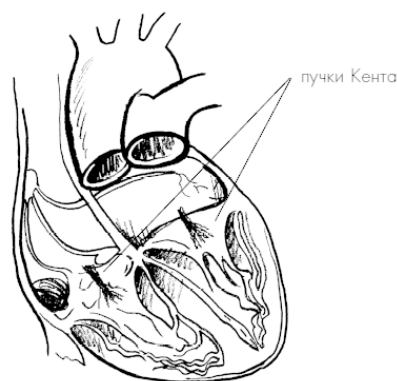

Рис. 16. Патологические проводящие пучки Кента

Патологические проводящие пучки Кента в желудочек часто начинают проводить вредную импульсацию, и сердце срывается на бешеный ритм, при этом прокачивая кровь гораздо хуже... Сокращения становятся поверхностными, артериальное давление падает.

Еще с древних времен было замечено, что тормозящий нерв – вагус (блуждающий) при активации способен заблокировать патологическую импульсацию... но его нужно возбудить. Чем? Испугом, резким звуком, ударом, еще можно резко надавить на глаза, тогда ганглий, расположенный в орбите позади глаз, передаст импульс вагусу. Все это «домашние» средства, но довольно эффективные. Замечено также, что у женщин приступ проходит при неожиданном прикосновении к эрогенным зонам.

Информация для немедиков – участников событий

Пароксизмальная тахикардия (ПТ) может сопровождаться снижением артериального давления.

Что нужно делать?

1. ПТ – это обязательный повод для вызова бригады «03». При общении с диспетчером необходимо сказать «НАРУШЕНИЕ РИТМА СЕРДЦА». Если будут задавать дополнительные вопросы, а вы успели осмотреть больного, посчитать пульс (на 30 секунд и умножить на 2) или даже измерить артериальное давление, сообщите полученные данные диспетчеру (ПУЛЬС И ДАВЛЕНИЕ). Если только посчитали пульс, определите его напряженность: мягкий, слабый, твердый, уверенный.

2. Отметьте такие симптомы, как НЕХВАТКА ВОЗДУХА, БЛЕДНОСТЬ, ПОТЛИВОСТЬ, ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ, СЛАБОСТЬ, ПОТЕМНЕНИЕ В ГЛАЗАХ – все это свидетельствует о недостаточном кровообращении.

3. После того как вызов сделан и осталось дожидаться бригаду, придайте больному сидячее положение, если он не потерял сознание.

4. Крепко большим пальцем надавите на глаз (на один или сразу на оба), чтобы больной сказал: «БОЛЬНО!» Это действие может привести к прекращению приступа. Подобный эффект дают следующие приемы: дать выпить стакан ледяной воды, в этот момент крепко хлопнуть по ягодице или ударить кулаком в солнечное сплетение; иногда помогает пощечина или громкий резкий звук в полной тишине (например, удар в гонг, также можно разбить хрустальную или китайскую фарфоровую вазу или сделать что-то подобное – то есть вызвать испуг у больного).

5. Если приступ удастся снять до приезда медиков, это не дает повода отказываться от госпитализации, но, вероятнее всего, согласно современным стандартам, ее даже не предложат. В этом случае придется самостоятельно через участкового врача проходить обследование и лечиться.

6. Урежению сердечного ритма способствует минеральная вода с повышенным содержанием ионов калия (K+): «Ессентуки» № 4, № 17, «Новотерская» и др. профилактически, но не во время приступа.

Соленый день

История двадцать вторая, в которой Таня была готова взорвать гимназию сестры, но вместо этого спасает жизнь первоклашке, а заодно узнает, что молитвы работают.

Последняя сессия – госэкзамены – Таню уже не пугала. Училась она ровно, без напряжения, а последний курс – один семестр после практики – пролетел вообще незаметно, ибо навыки, обретенные в работе, лишь находили подтверждение и объяснение в теории, которую давали преподаватели. Оставался последний экзамен. Таня ездила в училище – готовили капустник выпускников. Сама она не выступала, но вошла в группу как оператор. Нужно было прийти с видеокамерой и все заснять.

Сидя у окна перед разложенными конспектами, Таня задумчиво смотрела на скачущую по подоконнику синицу. Глаз-бусинка озорно поглядывал на замершую девушку, птичка то подскакивала к окну, то отбегала к самому краю, но не улетала. Таня авторучкой постучала по стеклу. Синичка вспорхнула в панике, но тут же вернулась и укоризненно глянула: «Не пугай! Я же маленькая!» – постучала клювом по стеклопакету.

– Есть хочешь... – не столько спросила, сколько констатировала Таня.

Она пошла на кухню, в морозильнике нашла кусок несоленого сала, которое мама собиралась перетопить, и нарезала его тонкими длинными «червяками». Когда девушка отворила форточку, синица смылась на соседнее дерево, но как только на подоконнике оказались «белые жирные червяки», моментом вернулась обратно и принялась собирать их в клюв, а набрав приличную «горстку», улетела. Таня, стоя коленками на стуле и руками упираясь в письменный стол, наблюдала за процессом поедания. Через пять дней выпуск, хорошо бы пригласить Ерофеева. Все-таки благодаря ему Таня столько знает и умеет. Она старательно отгоняла мысли, что ей просто очень хочется его увидеть, побыть рядом, поговорить. Она утешала себя, что вот закончатся госы, распределится она на ерофеевскую подстанцию и они будут работать вместе. А пока учеба важнее. Тем более что осталось всего ничего. Идея пригласить Сашу росла и крепла. Таня набрала номер его мобильного.

– Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети, – сказал робот женским голосом.

«Это случается», – пришла на ум фраза из фильма «Форрест Гамп». Таня взяла трубку домашнего аппарата и набрала номер подстанции. Сняла диспетчер.

– Подстанция скорой и неотложной помощи, диспетчер Ляхова, слушаю!

Диспетчер Ляхова – это не совсем то, что Тане хотелось. Она постаралась спросить как можно тверже и равнодушнее:

– Добрый день. Скажите, пожалуйста, а фельдшер Ерофеев сегодня на подстанции?

Пауза в пару секунд, затем Ляхова сказала:

– Подождите минутку.

Таня замерла у трубки, сердце засбоило, во рту пересохло, отчего-то заложило нос и захотелось плакать. Она вдруг с ужасом подумала: а как она будет разговаривать с Ерофеевым? Ком в горле не давал даже пискнуть. Ожидание в тридцать секунд показалось вечным, время остановилось. Вдруг трубка брякнула, зашуршала, и Таня приготовилась радостно завопить: «Саша!» – но незнакомый женский голос вдруг сказал:

– Вот что, подруга! Оставь Сашку в покое. Ты меня поняла? Б... – дальше пошел поток отборных выражений, но уже, как сквозь вату, Таня их не слышала. Что это? Кто это? Она попыталась собраться с духом и хоть что-то ответить, но только пискнула:

– Я...

– Головка от... – резюмировали матом на том конце. – Появишься на подстанции, пеняй на себя! Ерофеева я тебе не отдам!

Таня слушала короткие гудки и редела. Было страшно обидно за все: за грубость, за грязь, за то, что Ерофеев ничего ей не сказал... Ну почему он сразу ей не сказал? А в кафе? Он ведь пригласил ее в кафе... «Я думала, он ничей!» Слезы вдруг высохли. «Погоди, погоди! Чего я реву?» Ерофеев и грубиянка из телефона абсолютно не вязались. «Не мог он с ней... ну никак не мог! Такая хабалка – и Саша! Нет, это какая-то несуразица. Да и кто она ему? Жена? Любовница? Что значит «Ерофеева не отдам»?! Он что – бычок на веревочке?»

Таня пошла, умылась. Забралась на стул с ногами, усевшись по-турецки, и принялась терзать мобильник. Из того упорно несло: «Аппарат абонента...» Разозлившись окончательно, Таня швырнула мобильник на диван, кошка мявкнула и умчалась, сообразив, что под горячую руку лучше не попадаться. Материться она, конечно, не станет, но сейчас неизвестной грубиянке с подстанции досталось бы! Ярость в сердечке бурлила и требовала выхода. Поэтому, когда зазвонил телефон, она схватила трубку и страшным голосом крикнула:

– Я слушаю!

– Танька, ты чего? – мамин голос немного унял боевой дух.

– Не, ничего, – уже спокойнее ответила Таня.

– Слушай, у меня сыпь... обчесалась вся.

– А на что?

– На аллохол... Ты ж знаешь, я чеснок не могу, а там крапива и чеснок. Маме гастроэнтеролог назначил желчегонное – аллохол, а его, оказывается, нельзя.

– И что делать?

– Ну, позвони своему Ерофееву, спроси!

«Не сыпь мне соль на рану», – подумала Таня, скрипнув зубами. Мама по напряженному сопению почувствовала неладное.

– Вы чего, поссорились?

– Ничего не поссорились, – предательский нос немедленно набух. – Просто я дозвониться до него не могу.

– А что же мне делать?

– Я перезвоню тебе, – пришла спасительная мысль.

Таня снова позвонила на подстанцию и сказала:

– Переключите, пожалуйста, на старшего врача. – Когда трубку поднял доктор Сомов, Таня облегченно вздохнула и почти так же радостно, как в первый раз, звоня на подстанцию, только слегка осипшим голосом сказала: – Здравствуйте, Виктор Васильевич! Это Таня, помните?

– Ну конечно, помню, Танечка. Что случилось?

– Маме назначили желчегонное, а на аллохол – аллергия. Точнее, на чеснок или крапиву, я не знаю. Чем можно заменить?

– Ты знаешь что, дай ей овесол, – сказал Сомов, – хороший препарат, там травы тоже, но ни чеснока, ни крапивы. Только вот что: у нее камней в желчном пузыре нет?

– Нет, – ответила Таня, – ее обследовали, сказали, что снижена моторика желчного пузыря, густая застойная желчь, и назначили диету и желчегонное.

– Ну и замечательно, пускай пьет овесол в таблетках, а еще скажи, что полезно к нему добавить гепатрин – это печеночный протектор. Я понятно говорю? По правде – ерунда, но людям нравится. А если реально надо желчь гнать, то отвар кукурузных рыльцев или крапивы.

– Абсолютно. Гепатрин и овесол, – в памяти что-то забрезжило. – А разве это не добавки? – Таня знала, насколько щепетильны врачи в отношении различных БАДов.

– Это самые нормальные препараты, растительные, только вот дозы там маленькие, надо пить по две-три капсулы, чтобы действовали. – Таня не увидела улыбки Сомова, но почувствовала ее. – У моих стариков тоже проблемы с печенью и желчевыведением – принимают овесол

с гепатрином и нахваливают. Но если по-честному, я им настрого запретил есть свинину и жареную пищу – любую.

– Спасибо вам огромное.

Таня положила трубку. «Ведь есть же нормальные люди, добрые и отзывчивые. Хороший дядька Сомов. Был бы помоложе и неженатый. И что? Да нет, ничего...» Таня засмузилась от своих же мыслей. «Ну, если шутить могу, значит, не все еще потеряно». Она перезвонила маме и передала рекомендации Сомова. Та все записала и вдруг извиняющимся тоном сказала:

– Тань, Вика звонила. – Таня приготовилась к худшему. А чего еще ждать от младшей сестры? – Математичка требует родных на разговор. Сходи, а?

– Ну, мам, у меня ж экзамен послезавтра. – Очень не хотелось ей общаться с этой гримзой.

– Тань, ты свободнее всех: папа в отъезде, будет поздно вечером, мне с работы отпрашиваться, а я баланс готовлю, потом еще в аптеку бежать за этими, как их...

– Овесол и гепатрин, – подсказала Таня, – ты запиши!

– Да записала. В общем, кроме тебя, некому, сходи, успокой...

– Ладно, – мрачно сказала Таня, – успокою.

Школе-гимназии сильно повезло в этот день, что у Тани не оказалось под рукой гранатомета, танка или другого какого-нибудь страшного оружия. Ни минуты не сомневаясь, разнесла б она эту халабуду по кирпичикам. Вот в таком состоянии духа шла она ко входу.

В фойе охранник потребовал паспорт.

– Вы к кому?

– К Зыковой.

Охранник удивленно поглядел на Таню.

– То есть к Зуевой... Извините, ошиблась.

Охранник вернул паспорт и показал, как найти кабинет математики.

Уроки уже закончились. Старшие классы степенно спускались по лестнице, продленщики-мелюзга с гамом, грохотом и хохотом носились по коридорам. Дважды Таню чуть не снесли, но она ловко увернулась от несущегося «снаряда» лет десяти, который, мчась вперед, смотрел куда-то вбок. Она поймала мальчика за плечо:

– Осторожнее!

Тот дернулся и полетел дальше. Глядя на взмыленных деток, Таня невольно улыбнулась: «Дети... Давно ли сама такая была?» Давно. Десять, нет, одиннадцать лет назад – это уже как сон. И десятый, и одиннадцатый классы. Помнился только выпускной вечер. Она была в очень красивом бальном платье, и ее приглашали мальчики танцевать, а девчонки жутко завидовали.

Кабинет математики. Таня вошла и осмотрелась. На звук открываемой двери из лаборантской выглянула пожилая женщина. Она провела рукой по губам, смахивая крошки, и спросила:

– Вы ко мне?

– Зуева Валентина Павловна?

Женщина закрыла за собой дверь, подошла ближе.

– Да, это я. А вы...

– Я сестра Вики Савиной.

В глазах женщины что-то промелькнуло, она прошла за свой стол и, не садясь, сказала:

– Ваша Вика меня очень беспокоит.

Таня ничего не ответила, давая выговориться учительнице и молча рассматривая ее. Женщине уже явно за шестьдесят или семьдесят, могла бы уйти на пенсию, но, видимо, достаточно крепкая – продолжает работать в школе. Одеты не бог весть как: серое платье до щиколоток, кофта вязаная, тоже серая, – и вместе с сединой все это образует весьма серую личность. Зуева продолжила:

– Вы понимаете, она отсутствует на уроке... Я объясняю, а она где-то там, – показала на потолок, – витает в облаках. Я ее прошу повторить – она молчит. Ни слова не говорит... смотрит на меня и дурачки ухмыляется. Я ей ставлю «два»! Контрольную вот сдала – чистый листок, даже с доски переписать задания не удосужилась... Она не болтала, нет, она просто сидела сложив ручки... Поднимаю ее, спрашиваю: «Почему не пишешь?» – молчит! И опять эта дурацкая ухмылка. И так на каждом уроке! Я не знаю, что с ней делать! У меня нет времени на уроке, чтоб персонально заниматься с вашей сестрой! У меня каждая секунда на учете. Вы понимаете? Ну, самые отпетые, тот же Смирнов... поглядите, он хоть с доски переписал, пускай, с ошибками, но он работал. А Вика? Это что – бунт? Она не хочет у меня учиться? Переводите ее в другой класс, там программа полегче, а у меня гимназический класс, мы решаем сложнейшие задачи... Если она не освоит нынешний материал, она ничего не поймет в следующем! А еще, вы знаете, что они делают вдвоем с подружкой? Они поют. Хором, на перемене – «Вставай, страна огромная!». Перед каждым уроком математики... Я для них что – фашист?

Таня хорошо знала эту улыбку сестры. Когда она нашкодничает, потом стоит и улыбается. Это значит: «Ты победила, я сдаюсь, не бей меня!» – так собаки ложатся на спину, открывая живот и признавая победу. А у Вики это улыбка. Тане вдруг до слез стало жалко сестренку. Жалко за ее беспомощность перед этой серой глыбой, нависающей над ней на каждом уроке и давящей на психику... Она кашлянула, прерывая поток слов учительницы. Последний вопрос математички, будь Таня в другом настроении, вызвал бы только улыбку, но не сейчас.

– Простите, вы какой институт заканчивали?

– Педагогический, – гордо ответила Зуева, – имени Ленина.

– Замечательно. А в школе сколько лет уже работаете? – Таня говорила спокойно, не сводя почерневших от ярости глаз с лица учительницы.

– Тридцать пять лет, я заслуженный учитель Российской Федерации.

– Великолепно! То есть вы, педагог с более чем тридцатилетним стажем, утверждаете, что не можете найти подход к одной девочке? Вы все время мне говорите о математике. А о педагогике вы хоть раз вспомнили? Да моя сестра ненавидит математику, и ненавидит ее из-за вас! Вы привили ей эту нелюбовь! Что вы хотите от нее? Ответа? Да вы посмотрите на себя! Вы же калечите детей! Вы давите им на психику! Вы хотите, чтобы ребенок урок высидел, не сводя с вас глаз? Запоминая каждое слово? Это же дети! У них же шило в заднице... Это я, студентка медучилища, должна объяснять прописные вещи дипломированному педагогу? Что значит «каждая секунда на учете»? Вы что – космический корабль отправляете? Почему у вас на учете секунды, а не личности, которым вы обязаны привить любовь и интерес к предмету? Чего вы добивались? Унижения, подавления? Я скажу: вы добились того, что она скоро зай-

каться начнет от ваших приемов. – Таню несло. Зуева села, открыв рот, и вяло пыталась возразить. – Вы знаете, почему она молчит? Она не хочет, подсознательно не хочет с вами разговаривать, потому что уже заранее знает, что вы ее унизите перед классом. А почему слушать не хочет? Я не удивлюсь, если ее просто уже тошнит от вашего голоса. Я не знаю, за что вы получили звание заслуженного педагога. Хорошо, что я не у вас училась, и мне жалко мою сестру... Я понимаю, вы теперь будете ей мстить за все, что я тут вам наговорила. Но тем недостойнее вы себя поведете... мстить ребенку за то, что ее сестра вам сказала правду. – Таня встала. – Я понимаю Вику, почему она поет «Вставай, страна...» – видимо, только настроившись должным образом, можно идти на ваши уроки!

Зуева на нее не смотрела. Она поджала губы и молчала, рассматривая письменный прибор на своем столе. Дышала и молчала, видимо, перехватило горло. Тане на мгновение показалось, будто Ерофеев стоит за ее спиной и это не она говорила... У нее никогда не было таких слов.

– Извините за откровенность, Валентина Петровна... эээ... извините, Валентина Павловна, но если моя сестра, не дай бог, начнет заикаться или писаться по ночам, я в суд подам на вас и вашу школу. Ибо такие невроты очень трудно лечить.

Зуева очнулась, выходя из транса.

– Я понимаю, – сказала она спокойно, – лучшая защита – это нападение. Вы можете добиться моего увольнения, я и так давно на пенсии... Но кому вы сделаете хуже? Мне? Или детям, которым нужна математика? Я не сержусь на вас... Вы очень молоды, жизни не знаете. – Она выложила на стол два листка: – Дайте это Вике, пускай она эти примеры дома решит, принесет мне, и, если все будет правильно, я ей выведу тройку в четверти.

Таня забрала листки с примерами, сложила, убрала в карман дубленки.

Хотела она сказать, что детям без этой «серой кувалды» будет только лучше, что, может быть, придет молодая учительница, которая найдет подход к ребятам... И научит понимать и любить математику, но не стала. Она приходила за четвертной тройкой для Вики, она ее почти получила, осталось дело за сестренкой.

– До свидания, Валентина Павловна, – сказала Таня. – Если мои слова для вас ничего не значат, то можно ли упрекать Вику, что она вас не слушает? Вы же не слышите, когда вам говорят.

Таня вышла из кабинета, ее вдруг зазнобило. Она припала спиной к стене в коридоре и старалась не застучать зубами от волнения. Судорожно вдыхая носом, она потихоньку спустилась на первый этаж. Мимо нее промчался кто-то с криком «Скорую вызывайте!». Откуда-то раздался истошный визг... Она уже слышала такой звук... Так визжат от ужаса девчонки! Ноги сами понесли Таню в сторону голосов и криков, она растолкала сгрудившихся детей, ожидая увидеть что угодно.

На полу лежал мальчик лет семи-восьми, он бился в конвульсиях и синел, то хватаясь за горло, то лупя ладонями и ногами по полу. Кто-то выдохнул над ухом:

– Яблоком поперхнулся.

Яблоко валялось рядом – румяное, рассыпчатое. Таня в умирающих глазах мальчика увидела одно: «Спаси!» Она подхватила его за плечи, перевернула и, поддернув на ноги, с силой сдавила грудную клетку и живот. Парень рыгнул и кашлянул. Перевернув на спину, пальцем вынула из безвольного рта скользкий кусок яблока. Мальчишка не подавал признаков жизни. Уложив его на спину, она стащила дубленку и, скрутив в валик, подложила под плечи, так чтоб голова откинулась назад... Она точь-в-точь повторяла действия Саши, и опять ей почудилось, будто он рядом и наблюдает за ней. Пятнадцать нажатий на грудину прямыми руками и два выдоха в рот, еще пятнадцать нажатий и два выдоха... Голова закружиться не успела, мальчишка вдруг резко вдохнул и заскреб ногами по крашеному полу. В наступившей тишине кто-то кашлянул:

– Живой!

Кругом сразу загалдели:

– Родителям позвоните. Из какого он класса?

А мальчишка в голос заревел, и Таня, обняв его, сидела на полу и тоже редела. Просто слезы катились градом...

Ее привел в чувство задрожавший мобильник. Она развернула дубленку, достала, прижала к уху, гнусаво-дрожащим голосом сказала:

– Я слушаю?

– Ты искала меня? – осведомился Ерофеев.

– Где ты был?! – завопила она в трубку, и в этом вопле были и негодование, и радость, и обида.

– Пиво пил, – сказал Саша и добавил: – Шучу. Дела были, уезжал из города. Так ты меня искала?

– Да, ты пойдешь ко мне на выпускной? – Она изо всех сил старалась, чтоб голос не дрожал.

– Это когда?

– Через четыре дня. – И взмолилась в уме: «Ну, Господи, ну пожалуйста!»

Бог, как известно, добр и всегда выполняет то, о чем Его просят, даже если так сумбурно и невнятно.

– Пойду, – ответил Ерофеев.

Комментарий специалиста

Ситуация с **аспирацией яблоком** у ребенка не редкость в практике скорой помощи, и часто бригада «03» не успевает. Единственная надежда на окружающих, которые найдут в себе решимость¹²⁰, обхватив ребенка за грудь сзади, попытаться выдавить застрявший кусочек остатком воздуха в легких, резко сжав грудную клетку. Это обычно помогает. Реанимационные мероприятия следует проводить так, как описано в рассказе.

Информация для немедиков – участников событий

Что нужно делать?

Если на ваших глазах произошла аспирация инородным телом – человек хватается руками за горло (наибольшую опасность представляют куски фруктов, хлеба, овощей, леденцы, жвачка), то:

1. Поднимите ему руки вверх и скажите: «Успокойся!» Несмотря на помеху в горле, инородный предмет может не полностью перекрывать просвет трахеи и для прохождения воздуха хватает пространства.

2. Обхватите человека сзади под нижние ребра (рис. 17) и резко и сильно сдавите руками грудную клетку, одновременно наклоняя человека вперед.

¹²⁰ Традиция бить по спине поперхнувшегося ошибочна, чаще всего кусок залетает еще глубже. Лучше действовать так, как описано в рассказе.

Рис. 17. Оказание первой помощи в случае, если человек подавился

Если удалить инородное тело из трахеи и бронхов остаточным воздухом не удалось, а человек потерял сознание, нужно убедиться, что сердце работает (оно останавливается не сразу при асфиксии). Необходимо проводить искусственную вентиляцию легких. Такое бывает возможно, если пуговица, леденец или жвачка проскочили до точки бифуркации (рис. 18).

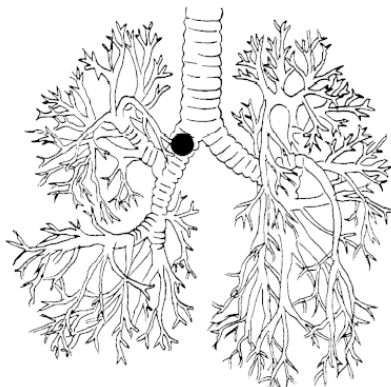

Рис. 18. Точка бифуркации (раздвоение трахеи на два главных бронха, один из бронхов свободен)

Газообмен хотя бы в одном легком позволит сохранить жизнь. Но перед началом ИВЛ нужно вызвать бригаду «03» с поводом «ИНОРОДНОЕ ТЕЛО В ТРАХЕЕ. БЕЗ СОЗНАНИЯ!». Скажите диспетчеру, что пострадавший еще жив и вы намерены делать ИВЛ, поэтому даете только адрес. Это избавит от лишних вопросов, а бригаде даст понять, что у них есть шанс спасти человека. В современных мобильных телефонах и смартфонах есть функция громкой связи, поэтому если диспетчер не ответил сразу, а из динамика доносится что-то вроде: «Скорая помощь! Ждите, пожалуйста, ответа диспетчера», то не ждите просто так, а начинайте ИВЛ, а когда отзовется диспетчер – ответите. У вас будет пара минут, чтобы объяснить ситуацию и добавить, что ИВЛ эффективна, потому что сердце еще работает самостоятельно.

Дела сердечные

История двадцать третья, в которой Таня консультирует соседку, выясняет, как правильно держать пост, и получает распределение на подстанцию к Ерофееву

В отделе кадров московской скорой помощи Тане потрепали нервишки. Начальник не успел сообщить, что ее направляют в оперативный отдел диспетчером на телефоны, как Таня положила на его стол запрос от заведующего ерофеевской подстанции. Кадровик кряхтел, звонил... но подписал направление. На вопрос, можно ли отпуск взять потом, ответил вредным голосом: «Нельзя». Это означало, что март нужно отгулять. А где? Как? По пути к дому Таня позвонила отцу, доложила, как ее дела. Папа ответил: «Вечером поговорим». Потом она позвонила Ерофееву и сказала:

– Поздравь меня!

– Поздравляю! – весело сказал Ерофеев. – А с чем?

– Угадай! – Тане хотелось смеяться от безудержного веселья.

– Ничего не могу придумать, – ответил Саша. – Тем более что сейчас на вызове и мысли заняты другим. Так с чем?

– Мне дали направление на твою подстанцию!

Тишина. И эта тишина вдруг разом обрушила все веселье и смех куда-то глубоко вниз. Стало страшно. Он не рад? Она ему безразлична? Почему молчит? Дрожащим голосом она позвала:

– Саша?!

В телефоне слышались голоса, потом Ерофеев откликнулся:

– Извини, отвлекли, мы тут госпитализируем. Что у тебя?

Теперь навалилась странная обида – ни на кого, а вообще. Да и так, как в первый раз, ей уже не сказать. Так, чтоб он понял, как она счастлива. Поэтому Таня буркнула:

– Все нормально, я получила направление на подстанцию. – Коварная мыслишка: «Ну спроси меня – на какую? А я скажу – на твою... Ну?»

А он ответил:

– Поздравляю! – сказал без искренней радости. Впрочем, она знала его мнение на этот счет.

«Вот так, да? Ну, тогда и я тебе не скажу».

– А у меня отпуск, на месяц.

– Какие планы?

– Не знаю. Никаких.

Разговор потек простой, пресный. Слышно было, что Ерофеев идет куда-то, голоса, хлопки дверей машины.

– А с чем больной? – спросила Таня, не потому, что интересно, а потому, что не хотелось первой бросать трубку.

– Ущемленная грыжа.

– Молодой?

– Сорок пять. Ладно, Танюш, мы поехали. Созвонимся вечером.

Громко хлопнула дверь. Видимо, Ерофеев сел в кабину.

– Пока.

В метро днем свободнее. Таня зашла в вагон, в нос ударил кошмарный запах. В углу вагона стоял бомж и «благоухал». Вокруг него образовалось чистое пространство. Бомж пьяненько косился на пассажиров, нагло ухмылялся. И вот тут Таню проняло. Она подошла к

переговорному устройству и сообщила машинисту об антисанитарном пассажире. На следующей станции в вагон вошли двое полицейских и, стараясь не касаться ароматного наглеца, палками принялись его толкать к выходу из вагона. Бомж выворачивался и орал, что Россия – правовое государство и он тоже гражданин, а значит, право имеет, и что он деньги платил! Бомжа вытолкали все-таки из вагона. Двери закрылись. Воздушный поток вынес прочь амбре, но в душе осталось какое-то гадливое ощущение. Ну почему Ерофеев такой толстокожий? Нет, он внимательный и деликатный. Он интеллигентный. Но как-то по-своему. Иногда грубоват. Но неужели он ничего не понимает? А может быть, он не свободен? Женат? Или разведен, но у него дети? А может, он донжуан? И коварно заманивает ее? Нет, это бред... А как же та хабалка, что обижала Таню по телефону? «Ерофеева я тебе не отдам!» Нашла себе игрушку. Кто же это такая? Спросить Сашу прямо Таня не решилась. Вчера он пришел к ней в училище на выпускной вечер. Они танцевали. Девчонки обратили внимание на ее парня. По сравнению с училищными однокурсниками он выглядел взрослее и серьезнее. Ерофеева дергали на белый танец. Таня стояла и грызла нижнюю губу. Ревность. Кружась в вальсе, Ерофеев что-то говорил... Нет, отвечал... Таня смотрела и думала: «У меня нет подруг! И не будет!» Когда он вернулся к ней, стараясь говорить как можно равнодушнее, спросила:

– И о чем вы говорили?

– О всякой ерунде. Ни о чем, – сказал Ерофеев.

А черная кошка ревности заскреблась в сердце еще сильнее. Подруга все-таки у нее была, еще старая, детсадовская и школьная. И только ей Таня рассказала про Ерофеева и про странный телефонный разговор с неизвестной соперницей. Подружке только детективы писать. Она долго выпрашивала Таню обо всех, кого та знала из сотрудников подстанции, о Ерофееве, составляла психологический портрет и в конце концов сказала:

– Он тебя ловит.

Таня не поверила:

– Глупость это.

– Ничего не глупость, – возразила подружка. – Помнишь в «Онегине»: «Чем меньше женщину мы любим, тем больше нравимся мы ей»?

– Тем легче, – поправила Таня. – Мы с ним даже не целовались.

– Он хочет все, – сказала подружка. – Ох, Танька! Смотри, мужики коварные... им бы только в койку затащить!

Таня махнула рукой:

– Это не так просто. Я что – кукла? А эта, которая на подстанции с ним работает? Это что?

– А это он, наверное, кого-то нарочно подговорил, чтоб тебя совсем задурить и ты, значит, была бы на все согласная.

Соображения подружки совпали с тайными желаниями Тани. Она и правда подумала: «А что? Если б Ерофеев предложил, не отказала бы в тот момент». Потом это опьянение от отчаяния прошло. Наступило трезвомыслие. Она стала наблюдать за Ерофеевым и ревновать ко всем, кто смотрел на него хоть с минимальным интересом. Но многие девчонки привели своих ухажеров и мужей, на фоне которых Ерофеев несколько потерялся. Но она заметила странную деталь – выправка как у военного. Не гренадерская статья, а какая-то странная. Она все пыталась вспомнить, где же она видела очень похожего человека.

Он проводил ее до дома и простился (было около двенадцати), но так и не поцеловал. Проревев полночи, Таня уснула. «Я ему не нравлюсь. Как женщина. Я совсем не в его вкусе» – эта мысль разбудила ее, когда хлопнула дверь. Это младшая, Вика, ускакала в школу.

Предстояло ехать в управление.

Съездила.

Дома тихо. Кошка ходит на мягких лапах, хвост трубой. Трется боками о ноги – погладь! Заняться решительно нечем. В Интернете скучно. Книгу почитать – настроения нет. Она поста-

ралась вспомнить запах Ерофеева: вчера, когда они встретились у входа в училище, от него очень вкусно пахло... А чем?

«Зачем мне это?» Сама себе ответила: «Ну, например, буду знать, какую мужскую парфюмерию он любит...» Что это? «Нивея фо мен»? «Жиллет»? «Меннон»? Чтоб узнать, нужно идти в супермаркет и перенюхать все ароматы.

Она уже одевалась в прихожей, как звонок сбил ее с мысли. Девушка открыла дверь. На пороге стояла соседка.

– Танюш, ты маму мою не посмотришь?

Весь дом знает, что она окончила медучилище и теперь работает на скорой.

– А что с ней?

– Жалуется на живот.

Соседка – женщина пожилая, а уж мама ее совсем старушка, ходит во двор с палочкой, летом в черном суконном пальто, пуховом платке и валенках гуляет. Выйдет из подъезда, постоит пять минут, потом доковыляет до лавочки, сядет, посидит полчасика – погуляла, и домой. Как говорил Ерофеев, спрашивать стариков, где болит и на что жалуется, бессмысленно, им проще ответить, где не болит и на что не жалуется.

– Пойдемте, посмотрю, конечно. – Таня пошла вниз по лестнице следом за соседкой. – Только я еще неопытный медик, – подстраховалась она на всякий случай.

Ощупывая дряблый живот сухонькой старушки, Таня убедилась в правоте ерофеевских слов. Куда ни ткни – везде болит. Она вспоминала, как учил ее Саша пропедвтике – порядку обследования больного: лицо, глаза, язык, кожа, слизистые оболочки, потом живот. Все бледное, анемичное, только склеры глаз чуть желтоваты под веками. «Смотри под языком, – говорил Ерофеев, – глаза желтеют потом, сперва желтизна появляется там и на щеках, если подозреваешь желтуху». Небольшая желтизна есть. Не столько желтая, сколько серо-желтая. Мысли разбредались. Таня вспомнила, что забыла самое главное – расспросить больную о жалобах. А точнее, попросить показать пальцем, где, по ее мнению, главная боль.

Старушкин палец уперся в солнечное сплетение.

– Тут! Ноет и ноет, уже с ночи.

– А вы ничего жирного не ели?

За старушку ответила дочь:

– Да что вы! Она и ест-то как птичка: крошки клюет. Пост ведь, Танечка! Великий! Картошку без масла – и ту есть не заставишь – не хочет.

Таня осмотрела печень, простучала и прощупала. Та гладенькая, но какая-то маленькая и плотная. При прощупывании старушка заохала.

– А выписки есть? – догадалась спросить Таня, мысленно себя похвалив. Женщина принесла выписку из больницы.

– Она лежала осенью. Ей желчный пузырь удалили лапароскопически – через прокол.

– Ей же нужно есть не реже пяти раз в день, и помалу, – сказала Таня.

– Не хочет!

– Но почему?

– Так пост, матушка! – сказала старушка. – До светлого Христова Воскресения скоромного ни-ни... кусочек просвирки да стакан святой воды...

Таня растерялась.

– Но кашку – овсянку-то – можно... хоть на воде.

– Так, говорят, и рыбку можно, – добавила женщина, – отварную, акромья среды и пятницы...

– Послушайте, – говорила неуверенно Таня, – но ведь она больная, на нее требования поста не распространяются.

– На то и подвиг поста, матушка, что каждому можно, хоть больному, хоть здоровому, – сказала старушка. – Грехов-то сколько, вот и пощусь с молитвою об отпущении.

Таня не знала, что сказать. Она достала телефон и набрала номер Ерофеева.

– Саш... – она вкратце объяснила, в чем пикантность ситуации, – она пост держит. А желчного пузыря нет. Я думаю, что там дуоденит желчный и рефлюкс-гастрит. Ведь она не ест.

– Пост, говоришь? Боевой?

– Не шути.

– Как никогда серьезен. Дай ей трубку. – Таня приложила трубку к уху больной старушки. Ерофеев представился строгим голосом и спросил: – А вы благословение на пост брали у батюшки?

– Нет, – честно сказала больная. – Сама пощусь.

– Пост без благословения – тот же грех. Гордыня! А вы больны. Так что не усугубляйте положение и не искушайте Господа. Вам, без желчного пузыря, нужно питаться пять раз в день, сходите к священнику и спросите благословение на пост, только о болезни не утаивайте. И он вам скажет – есть обязательно! Хотя бы овсянку на воде или манную кашу.

Таня слышала слова Ерофеева и подивилась, как он говорит. Таким строгим басом. Забрала телефон у старушки.

– Спасибо, батюшка, – отчего-то вырвалось у нее в трубку.

Ерофеев на том конце поперхнулся.

– Но-но! Не надо только людей дурачить... Я ж ей сказал, что врач со скорой.

– Извини. – У Тани и впрямь появилось дурашливое настроение. – Спасибо еще раз. – Она повернулась к больной: – Вот, слышали?

Женщина-дочка кивнула. Старушка закричала.

– Прости, Господи, меня, грешную! Прав ваш доктор, кругом прав! Гордыня моя...

Машк, свари овсянку... поем.

Маленькая победа. Они, торжествуя, переглянулись. Женщина спросила:

– А что ей из лекарств попить?

Таня перебрала коробочки с лекарствами на столе.

– Вот – но-шпу и омез. – Коробка оказалась пустая. – Уже пропили?

– Это соседка рекомендовала, а я участкового просила выписать, не хочет. Все экономят на стариках.

– Вы знаете, но омеза ведь нет в списке бесплатных лекарств, есть омепразол, он намного дешевле, и можно самим покупать. Это замечательный препарат!

– Пенсии у нас не больно велики, чтоб лекарства покупать. – Соседка отошла на кухню.

Таня, которая на прошлой неделе только покупала для папы этот препарат, сказала:

– Рублей сто на месяц. Это недорого. Наш – омепразол, он ведь намного дешевле импортного. Здоровье важнее. Ну, хотите, я вам куплю? – Она покраснела.

– Да что в нем такого? – Соседка ставила воду в кастрюльке для каши и разговаривала не отрываясь. – Я понимаю, но-шпа, принял – боль прошла, спазмы. А это? Пьешь и пьешь... Ничего не замечаешь.

– Есть лекарства неотложной помощи, а это – защита слизистой желудка и двенадцатиперстной кишки.

Соседка понизила голос:

– Танюш, ей ведь уже девяносто, что там восстановишь? Чем живет? Святым духом одним! Я, конечно, не медик, но, наверное, у нее нечего восстанавливать уже.

– Как вам не стыдно, – Таня тоже перешла на шепот, – скажите лучше, что для мамы денег пожалели. – Она возмущенно пошла на выход.

Соседка догнала в прихожей и протянула купюру в пятьсот рублей.

– Спасибо, Танечка!

Таня, не беря в руки денег, поглядела на них, потом, подняв глаза на соседку, сказала:
– Купите лучше маме на них лекарства. Я не возьму.

Таня вернулась домой. О намерении идти в супермаркет и изучать мужскую парфюмерию она забыла. Пришла из школы младшая сестра – вертлявый подросток с косичками и многообещающим бюстом. Хлопала холодильником, звенела микроволновкой, щелкала чайником.

– Таньк! Обедать бушь?

– Не бу... – аппетит пропал.

Вика нарисовалась в дверном проеме с бутербродом в руке.

– Зуева достала.

– Опять двойка?

– Нет. Замечание в дневнике. Говорит, юбка короткая и грудь выпирает. Никто в школе не придирается, ей больше всех нужно.

– Не надевай. – Бутерброд оставил равнодушным желудок. – Юбку подлиннее, и майки свои не натягивай.

– А я ей назло.

– Дура ты. Она тебе двойки ляпает ни за что. Зачем нарываешься?

– А я еще пирсинг в пупок сделаю, она ваще с ума сойдет.

– Я тебе сделаю! Папа уши оборвет! Он тебе этот пирсинг на нос прицепит.

Вика с диким хохотом убежала на кухню.

Таня вспомнила и позвала:

– Вик!

– Чувю? – Бутерброд почти доеден.

– А правда, что вы поете на переменах «Вставай, страна огромная!»?

– Правда. Классная песня. А еще гимн России поем... и «Ой, мороз...» – хором их здорово петь! Васька еще классную песню нашла. Во, как ее?... «Варшавянка». «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут!..» Это точно про Зуеву.

– А зачем?

– Нравится. А сказали, что плохо поем? А кто сказал?

– Нет. Про плохо ничего не сказали. Зуева уверена, что вы ее фашисткой считаете, поэтому поете перед ее уроками. Так?

– Дура она... – сказала Вика. – Просто поем. Песни крутяк – настоящие! До мороза по коже!

День прошел в пустых хлопотах: поход в магазин за хлебом и молоком. Наконец пришли мама и папа вместе. Они о чем-то шушукались в спальне, потом папа с лицом заговорщика подошел к Тане.

– Закрой глаза и руку протяни.

– Хорошо хоть рот открыть не нужно.

Таня сделала, как попросили.

На ладони оказалось что-то бумажное и легкое. Она открыла глаза и изумленно уставилась на бумажки. Большими буквами на них было написано: «Круиз по Средиземному морю».

– Вот, – сказал папа, – это тебе подарок от нас с мамой на окончание учебы, с началом работы и к Восьмому марта.

– Там на два лица, – добавила мама. – Можешь взять подружку с собой.

– Она Ерофеева возьмет, – пошутил папа, – или нет?

Всего негодования хватило только, чтоб сказать:

– Ну, пап! – и слезы брызнули.

– Поругались, что ли? – Вспышка папу нисколько не расстроила, он отошел и пропел: – Не сыпь мне соль на рану, не говори навзрыд... Танька, успокойся, я пошутил.

Вика стояла рядом и, как верная сестра, сочувствующая старшей, гладила Таню по руке.

– Ты, пап, в любви ничего не понимаешь, – сказала она авторитетно. – Люби вон маму – и не суди о других.

И тут уже папа зарыдал. От смеха.

Комментарий специалиста

Печеночная колика обычно вызвана сопутствующим хроническим воспалением двенадцатиперстной кишки и отеком слизистой. При этом отекает и воспаляется сосочек желчного протока. Кроме этого, может быть и такая причина – камнеобразование в желчи, загустение и, как следствие, нарушение оттока. Но самого по себе, без дуоденита, этого обычно не бывает (рис. 19).

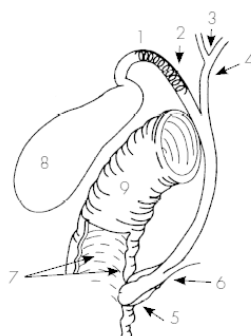

Рис. 19. Двенадцатиперстная кишка и протоки: желчный и поджелудочный

Двенадцатиперстная кишка (9), желчный пузырь (8), пузырный проток (1) и спиральная заслонка (2) регулируют накопление и выброс желчи из пузыря. Желчь в пузырь поступает из печени по печеночному протоку (4) (из протоков 3), и это происходит в период отсутствия пищевого комка в двенадцатиперстной кишке, когда фатеров сфинктер (7) закрыт. Во время еды сфинктеры (6) и (5) – протока поджелудочной железы – открываются, желчь смешивается с панкреатическим соком и орошает пищевой комок, выпавший из желудка. Если слизистая двенадцатиперстной кишки (7) воспалена, отек перекрывает фатеров сосочек-сфинктер (6) и это приводит к переполнению протоков желчью и поджелудочной железы панкреатическим соком – и, как следствие, возникновению боли – коликам.

Наличие камней или песка в желчных протоках – это результат стеноза (сужения) желчного протока или по причине воспаления, вызванного распространением из двенадцатиперстной кишки, или амебиазом желчным. Применение желчегонных препаратов имеет смысл, если нет обстоятельств закупорки протоков, в противном случае вероятен приступ боли из-за желчного переполнения. Единственный препарат, который допустим для самолечения, – это дротаверин (но-шпа) по 80 или 160 мг на прием. Он уменьшит сужение протока и облегчит отхождение желчи. В это время не рекомендуется есть, а на область солнечного сплетения лучше всего положить лед. Лучшие меры первой помощи – ХОЛОД, ГОЛОД и ПОКОЙ. Необходимо как можно скорее обратиться к терапевту или гастроэнтерологу, сделать гастроскопию. Если будет обнаружен стеноз протока, врач-эндоскопист может выполнить несложную операцию – папиллосфинктеротомию (рассечение сосочка желчного протока). Это избавит от желчного застоя и печеночных колик в будущем.

Информация для немедиков – участников событий

Что нужно делать?

Обострение язвенной болезни двенадцатиперстной кишки и прилегающих органов – печени и поджелудочной железы – требует трех составляющих первой помощи: **ХОЛОДА**, **ГОЛОДА** и **ПОКОЯ**. Однако в описанном выше случае голод как раз противопоказан, а нужно **ЧАСТОЕ, ДРОБНОЕ ПИТАНИЕ** тщательно переработанной пищей. Одновременно применяются следующие препараты: спазмолитики (дротаверин) для улучшения оттока пищеварительных соков и желчи, ингибиторы протонной помпы (ИПП) – омепразол и обволакивающие средства (алмагель, фосфалюгель, крахмальный кисель). Самопомощь допустима, если диагноз установлен и подтвержден эндоскопически (**ГАСТРОДУОДЕНОСКОПИЯ**). Назначение препаратов для лечения язвы и подавления активности хеликобактер пилори должен делать врач. Самовольно прием этих препаратов не начинайте.

Спросить за тридцать секунд

История двадцать четвертая – внеплановая, в которой Таня попадает в невероятное приключение на острове Корсика, оказывается на частном корабле и спасает матроса от кишечного кровотечения, а Ерофеев дает совет даже спросонья.

После возвращения из круиза Таня принципиально не звонила Ерофееву. Воодушевление и радостное возбуждение от морских приключений проходило, загар смывался, из вещей выветривался запах Средиземного моря, и только ночами во сне еще слышались звук прибоя в скалах, шум волн и крики чаек. В общем, была уйма впечатлений. Удалось привезти и сувениры, и даже один большой секрет, особенно от мамы. Хотя теперь-то, когда она уже была дома, можно и рассказать, на зависть младшей сестренке.

Но надо отдать должное товарищу Ерофееву, он оказался не бесчувственным чурбаном и через три дня после возвращения Тани из круиза позвонил сам.

– С приездом!

– Спасибо, – ответила Таня, стараясь, чтоб голос не выдал ее радости.

– Удачно съездила? Все понравилось?

Вообще Таню рапирало от желания рассказать о морских приключениях, но кругом было слишком много ушей, в первую очередь это Вика, младшая сестра, и еще мама пришла с работы. Папа был в курсе, но молчал, как настоящий партизан на допросе в гестапо.

– Все было замечательно! – голос чуть дрогнул.

– А что это был за странный звонок от тебя среди ночи? – спросил Ерофеев. – Я ничего не понял. Это что, ты играла в «Кто хочет стать миллионером?»?

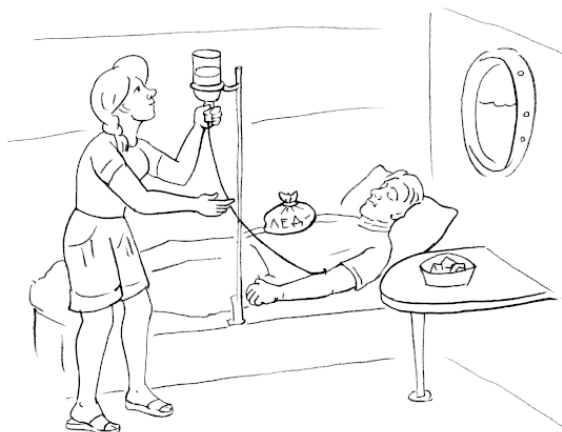
– Я приду на подстанцию и расскажу. Это длинная история, – сказала Таня и чуть улыбнулась. Теперь уже не страшно вспоминать.

Круиз по Средиземному морю на большом белом лайнере начинался страшно. Во-первых, она пригласила подружку Инну, которая была старше Тани лет на пять и имела модельную внешность. С ней Тане было не страшно в незнакомой стране и с незнакомыми людьми. Она понимала, что на фоне высокой стройной блондинки стала бы невидимкой. И это ей было бы в самый раз. Однако в аэропорту вдруг выяснилось, что на Инне висит непогашенный кредит, и ее не выпустили из страны. Было много слез, Инна в расстроенных чувствах направилась к выходу, может быть надеясь, что подруга последует за ней, но Таня сказала:

– Извини, я полечу все равно! – и в каюте поселилась одна.

Она прилетела в Барселону, там в аэропорту увидела симпатичного молодого человека с красивой табличкой «Stella di mare» – название лайнера «Морская звезда», который, как выяснилось, ждал с московского рейса только ее и Инну. Весь день Таня с другими туристами бродила по Барселоне, слушала в плеере компьютерного гида, а ночью лайнер пустился в круиз по морю. Большая, весьма уютная каюта на двоих не шла ни в какое сравнение с «чуланом», который она видела на теплоходе «Профессор Звонков». Эта – нормальная комната со всеми удобствами, телевизором и даже Интернетом. Полный сервис. Особенно порадовали Интернет и возможность общаться с подругами и родными по скайпу. В момент отплытия она доложила, что все идет не совсем по плану, что Инна осталась в Москве. Мама охала, папа улыбался, а Вика жутко завидовала.

Барселона поразила, удивила, заморозила. Голова кружилась. Испания в апреле цветет и благоухает!

Все шло по плану до тех пор, пока лайнер не прибыл на Корсику, в порт Кальви. Россиян на корабле не было. Все экскурсии шли на английском, французском и немецком, и Тане опять пришлось взять аудиогид – МРЗ-плеер, который приятным голосом на русском языке рассказывал о чудесном острове Корсика, о городке Кальви – родине Христофора Колумба, предлагая непременно посетить руины – остов дома великого открывателя Америки. Улочки в Кальви извилистые и узенькие. Сам городок невелик, но заплутать в нем немудрено. Таня какое-то время держалась группы пожилых англичан, но потом они внезапно исчезли. Переходя от лавки к лавке, она покупала мелочь всякую: магнитики на холодильник, кружки, имитацию пиратских кинжалов, для себя и Вики – веселенькие маечки с картинками острова, городка и надписями «Calvi semper fidelis» и «Viva la Corsica». Она перекусила в небольшом кафе, где ее напоили местным вином и накормили вонючим мягким сыром. Когда она уже довольно далеко ушла от этого кафе, вдруг обнаружила, что исчезли ее кредитная карта «Виза» и айфон. Таня кинулась обратно в кафе, но ничего, кроме разведенных рук и честных глаз, не увидела. Слова: «Scusi, signora!» – ее не успокоили, а горячие слезы несколько не помогли вернуть пропавшее. Однако кто-то пригласил полисмена, тот что-то говорил, обращаясь то «signora», то «mademoiselle la russiu»¹²¹... смешно коверкал ее имя («Танья»)... и в конце концов сказал:

– Signora Tania! Cinque ore! Il vostro battellu sta per parti, dove anda ava! «Stella di mare» – tu-tu!¹²²

Какое «ту-ту»?!. Только тут до нее дошло, что уже пять вечера и ее белоснежный четырехпалубный красавец-лайнер отчалил от берега и уходит!

Так рыдать умеют только русские девушки, которых забыли в незнакомом порту. Рыдания тронули сердце полицейского, он взял Таню под локоть и повлек в участок. Там у нее потребовали паспорт, и он – о чудо! – нашелся, а в нем под шкуркой запрятанные двести евро. Это было маленькое чудо, которое иногда случается. Корсиканцы успокаивали Таню, сказали что-то типа «тран» и «Ницца»... Она качала головой и твердила: «Ливорно и Неаполь» – следующие остановки «Морской звезды». Местные жители разводили руками. Прямых путей в Италию не было. Двести евро – не бог весть какие деньги... Хотелось бы еще. А где взять?

Таня сделала глаза как у Кота в сапогах из мультика «Шрек» и взмолилась:

– Интернет!

¹²¹ Извините, синьора! Мадемуазель русская... (здесь и далее – корсиканский диалект итальянского языка с примесью итальянских и французских слов, ломаного английского).

¹²² Синьора Таня! Пять часов! Ваш корабль отплывает, вы должны идти сейчас же! «Стелла ди маре» – ту-ту!

Полисмен улыбнулся и провел девушку через улицу, где на доме висела бронзовая вывеска «Internet caffe», где за три евро в час Таня сумела отправить письмо папе с описанием своей беды.

Через тридцать минут получила ответ: «Иди в офис «Вестерн Юнион». Там покажешь паспорт, получишь еще пятьсот евро. Через час. Я еще не закончил работу. Купи какую-нибудь мобилку, местную карту, позвони мне. Хочу убедиться, что это именно ты, моя дочь!»

На поиск лавки с мобильными телефонами ушло как раз полчаса. Папа ответил сразу. Крякнул, посмеялся. Утешил. Сказал, что маме ничего не скажет пока. Таня плакать больше не решилась. Говорила спокойно, но страх чувствовался. Что делать? Выйдя из офиса «Вестерн Юнион», Таня столкнулась с тем же полисменом – он ей улыбнулся и показал пальцем на причал.

– Signora! C’è un battellu russiu... mamma mia! Ship, ship, rasha! “Mercury”! Va, prestu, prestu!¹²³ – Не понимая ни слова, она сообразила, что ей предлагают быстрее бежать в порт – там какой-то рашен шип с названием «Меркюри»...

Белый кораблик с надписью на баке (она знала, что нос корабля называется баком) «Mercury» стоял у причала. По сходням на борт грузчики заносили ящики.

Вид у этих работяг был самый что ни на есть разбойничий, и ни к кому из них Таня обратиться не решилась. Дядьки бегали от небольшого фургона к кораблику, о чем-то говорили между собой на совершенно непонятном языке, смеялись и, казалось, не замечали ее.

Таня вдруг осознала, что стоит в позе девочки из мультика «Фильм, фильм, фильм», то есть, засунув палец в рот, смотрит на корабль. Именно в этот момент на нее упала чья-то тень и довольно приятный голос произнес:

– Charmante jeune fille comment mon bateau?¹²⁴

Таня, не ожидавшая никаких вопросов, подняла глаза и спросила:

– Простите, что?

– Так вы русская? – сказал мужчина в легкой куртке, парусиновых штанах и капитанской фуражке. Лет ему было примерно за сорок. И был он чем-то неуловимо похож на папу.

– Да! Я отстала от «Морской звезды»!

Дядька понимающе кивнул.

– Даже мой корвет ее уже не догонит. И что вы решили делать?

– Вы знаете, он должен завтра прибыть в Тунис, потом оттуда – в Ливорно, а потом – в Неаполь. Вы не знаете, как мне туда попасть?

– Есть два варианта. Первый – паромом до Ниццы и оттуда поездом в Неаполь. На это как раз уйдет почти двое суток, может, чуть больше.

– А второй?

– Это подождать, пока я закончу погрузку, заплатить за каюту на «Меркурии» пятьдесят два евро – это официальная цена по прайс-листу, – и через те же двое суток мы высадим вас в Неаполе, где вы дождетесь свой лайнер. Выбирайте!

Таня выбрала. Капитана звали Павел Аркадьевич Бирюков, вся команда на «Меркурии» – русские и украинцы. Всего двенадцать человек. Бирюков показал пассажирке ее каюту. Сообщил, что погрузка закончится через три часа и она может еще погулять по Кальви. Но Таня, уже наученная горьким опытом, сказала, что хочет отдохнуть в каюте, хватит уже – нагулялась досыта.

В общем, на этом приключения могли бы и закончиться – еще два дня морского путешествия на небольшом пароходе. Как рассказал капитан – точной копии пиратского корабля из фильма «Пираты XX века». Ну не увидит она тунисский порт и итальянский город Ливорно

¹²³ Синьора! Там русский корабль... мамма миа! Корабль, корабль, раша! Идите, быстро, быстро!

¹²⁴ Прелестной девушке понравился мой корабль? (ломаный фр.)

– жаль, конечно, но все же это лучше, чем трястись в поезде или вообще лететь в Москву из Ниццы, как предложил ей папа. Этот вариант она отменила сразу. Круиз надо завершить.

«Меркурий» отчалил еще засветло. Около девяти в дверь постучал матрос.

– Девушка! Эй! Идите ужинать!

Таня забыла об ужине и, если бы не прозвучало это слово, о еде бы и не вспомнила. Она поднялась с кушетки. Привела немного обгоревшее под корсиканским солнышком лицо в порядок, причесалась. И так как надеть ничего нового не было, кроме майки «Viva la Corsica», пошла в чем была. То есть в джинсах, футболке, только косынку повязала на шею, как пионерский галстук. На ужин было все то же, кроме вина, то есть хрустящий багет, мягкий «ароматный» сыр, макароны, которые тут называли «паста с соусом карбонара», кофе или чай. Меню скромное. Ели молча. Только Бирюков представил команде пассажирку – Татьяну. Она привстала, кривовато улыбнулась и села обратно. Молодежи в команде не было – все солидные мужчины, лет от сорока до шестидесяти. Капитан выглядел моложе всех. Чтобы о чем-то поговорить, он обратился к Тане:

– Расскажите нам, что нового в России? Вы из какого города?

Таня замерла, не ожидала она таких вопросов.

– Я из Москвы. Ну, все нормально, ну, я не знаю, о чем вам рассказывать...

Бирюков понял – девушка не в настроении, поэтому перевел тему, обратившись к одному из членов команды:

– Зализняк, скажи, чья вахта в машинном сейчас? Твоя?

– Ни, Ковалева Сани, только невозможно ему. – Зализняк доел макароны. Открыл банку лимонада.

– А че невозможно?

– Хвор больно. Молчит, сукин сын... только что ни минутка – геть до витру... а сам яки твоя простынка. Билый.

Таня внимательно слушала. Не все украинские словечки ей были понятны, но суть уловила.

Капитан сказал:

– Ну и что мне с вами делать? Где я вам врача в море найду?

– Та ни надо, отлежится и будет як огурчик – зелененький и в пупырышках! – Зализняк поднялся из-за стола. Таня вдруг поняла, что он похож на актера Папанова из фильма «Бриллиантовая рука» и говорит точно так же.

– Ну, смотрите! – Бирюков покачал пальцем. – Спишу с корабля нахрен. За прогул – удержу.

Какой бес толкнул в этот момент Таню?

– Я могу посмотреть его.

Все уставились на девушку.

– Вы врач? – удивился капитан.

– Ну... нет, я фельдшер скорой помощи. – Таня хотела добавить, что ни дня еще не работала, но смалодушничала и промолчала. – А у вас есть что-нибудь медицинское? Давление померить?

Капитан загадочно улыбнулся. Встал из-за стола.

– Пойдемте, доктор!

На корабле, как оказалось, есть целый медпункт. А там... все лекарства просрочены. Нашлись тонометр, фонендоскоп, градусник. Суперновый какой-то, очень модный дефибрилятор – маленький, как плеер. Капитан объяснил, что ему пришлось купить эту машинку, ибо без нее не давали лицензию на эксплуатацию судна. Таня взяла тонометр и пошла осматривать больного моториста, который «белый, что твоя простынка».

Мужчина тридцати пяти лет. Худощавый, бледный, потный. Он вызвался сам пройти в медотсек, но по пути дважды чуть не упал без сознания. Когда лег, сказал, что так ему получше. И нужно только отлежаться. Таня вспомнила, что Зализняк сказал: «Что ни минутка – геть до витру», – поняла – матрос бегал в туалет. Стала спрашивать, осматривать. Картина вырисовывалась очень нехорошая. Пульс за сто двадцать, давление еле-еле до девяноста, стрелка тонометра отмечает где-то посередине, между восьмьюдесятью и девяноста, а нижнее где-то около сорока. Что с ним?

– Болит где-нибудь? – спросила Таня, прощупывая живот.

– Нет, боли нет, – сказал моторист Саня. – Слабость ужасная и понос. Уже раз семь сходил только сегодня. Вроде как отравился, а чем – не пойму, ели все одинаково. Ничего крепкого не пил.

– А не крепкое?

– Дак я это... колу люблю, ну спрайт, фанту, уважаю газировку, так, чтоб поядренее. Чтобы в нос шибало! По квасу скучаю... У нас в Мелитополе такой квас на площади торгуют... Ух!

Таня перебирала в памяти симптомы, и все сходилось на желудочном кровотечении. Но для того чтоб убедиться, нужно гастроскопию делать, а как? Или...

Она полезла по рундукам, нашла коробку с латексными перчатками, потом отыскала банку с вазелином. Натянула перчатки и сказала строго:

– Снимайте штаны, мне нужно сделать ректальное исследование.

Умные медицинские слова произвели впечатление. Моторист скинул шорты, трусы и повернулся задом.

Палец, извлеченный из ануса, был вымазан угольно-черной массой. И Тане стало нехорошо. Кровотечение! Судя по описанию моториста, уже вторые сутки. А значит, по самым скромным подсчетам, учитывая пульс и давление, он потерял больше литра. Одно хорошо, кровотечение не желудочное, иначе б его рвало кофейной гущей, а он...

– Рвоты не было?

Ковалев покачал головой:

– Нет.

– А что вы ели? – Таня спрашивала, а сама лихорадочно перебирала в уме, что делать. Как доложить капитану?

– Да ничего не ел, не хочу. Пить хочу – вот пью. – Матрос показал банку с колой.

«Он с ума сошел! У него кровь там льется, а он газировку дует!»

Таня взяла блокнот, кем-то забытый на столе, приспособившись к качке, набросала свои мысли: кишечное кровотечение, анемия. Кровотечение идет... надо останавливать, надо чем-то поднять гемоглобин. Если парень еще несколько часов будет кровоточить – он может умереть. Отчего? Она не помнила. Если б Ерофеев был рядом! Но его нет. Что же делать?

Она полезла по шкафчикам, выбирая все, что можно было или вливать в вену, или колоть, или пить и что хоть как-то могло повлиять на состав крови. Так перед ней появилась горка лекарств, в которой были мешок с физраствором на литр, несколько пластиковых баночек с аминокaproновой кислотой, пара коробок с кальция глюконатом и хлоридом, коробка с ампулами витамина В₁₂, коробка с викасолом. Препаратов железа не было. А без него гемоглобин не поднимется. Не поручень же грызть? Все препараты с истекшим сроком годности: какие в полгода, какие в год. Ну нет же других! Она приказала Ковалеву не пить газировку ни в коем случае и лежать! Не вставая.

– А курить можно?

– Нет, – строго сказала Таня. – Я сейчас приду, все объясню и сделаю, а пока просто лежите.

Капитана она нашла в рубке. Бирюков бросил все дела и обратился к девушке:

- Ну, что с ним?
- У Ковалева кишечное кровотечение, довольно тяжелое состояние. Если не остановить – ситуация выйдет из-под контроля и его не спасти.
- Бирюков засомневался. Он молчал, но с недоверием смотрел на Таню.
- А в чем опасность?
- Он продолжает терять кровь. У него черный стул – мелена, давление восемьдесят на сорок, пульс сто двадцать, он теряет сознание, если поднимается. Лежа ему легче. Но если не остановить кровь, он умрет или от почечной недостаточности, или от ДВС-синдрома¹²⁵. Знаете, что это? – Таня была уверена, что нет, но Бирюков кивнул.
- Знаю. – Он поверил. – Сколько у нас времени?
- Таня пожала плечиком.
- Часов шесть, может, десять, если я сумею притормозить кровотечение. Но у вас все лекарства просроченные. Я капельницу ему налажу с физраствором, ну, кальций введу. У вас холодильник есть?
- Бирюков кивнул.
- Конечно.
- Мне нужен лед на живот – это поможет немного остановить кровотечение.
- Так у нас в баре лед-машина есть, – улыбнулся Бирюков. – Я ребятам скажу. Вам сколько кило надо?
- Одного хватит, – сказала Таня. – И еще, мне нужно позвонить... в Москву. А мой мобильник украли, этот, – она показала купленный в Кальви, – чего-то говорит – я не понимаю. – Она включила громкую связь. «Le reseau est provisoirement inaccessible!» – донесся оттуда женский голос. – Вот, и Сашу Ковалева надо в хирургию. Может быть, кровь переливать, во всяком случае, здесь нам его не спасти. Может, нам вернуться в Кальви? Там есть госпиталь?
- Бирюков крякнул, помрачнел.
- Там все есть. До Ниццы недалеко – да ни у кого ж страховки нет. – Он покраснел. – А отдай его французам, так все без штанов останутся. Будем весь сезон на его больницу работать.
- И что делать? Куда? – Таня развела руками. – Я не знаю. Давайте я позвоню, мне надо посоветоваться со специалистом.
- Бирюков повел Таню в радиорубку.
- Свяжись с радиоцентром МФ, скажи, что нужно срочно позвонить в Москву.
- Павел Аркадьевич, нас же нет в регистре Ллойда¹²⁶. Что сказать?
- А я не знаю. Ковалев может умереть. Что тут скажешь? – Таня увидела, что капитан в отчаянии. – Думай.
- Можно... это... через скайп позвонить. Сейчас сеть хорошая. Спутник прямо над нами. – Радист раскрыл ноутбук на столе.
- Давай, давай, мне без разницы! Доктору надо посоветоваться.
- Радист наладил связь, Таня продиктовала номер мобильного телефона Ерофеева. Тот отозвался не сразу: в Москве три ночи, голос заspanный – видно, не на дежурстве.
- Это кто? – спросил Ерофеев.
- Саша, это я! – закричала Таня. – Только не спрашивай ничего, быстро говори. Кишечное кровотечение, идет, пульс сто двадцать, давление восемьдесят на сорок. Чем остановить?
- А что есть?
- Физ¹²⁷, литра три, аминоклапронка, глюконат и викасол, но все просроченное!

¹²⁵ Диссеминированное (распространенное) внутрисосудистое свертывание – синдром, при котором в крупных сосудах образуются тромбы, а в мелких развивается кровоточивость; является результатом массивной кровопотери.

¹²⁶ Радист имеет в виду страховое общество Ллойда и его судоходный регистр, которое обеспечивает судоходную сертификацию и защиту кораблей и экипажей.

¹²⁷ Физраствор, или изотонический 0,9 % раствор поваренной соли.

– Фигня. Физ ставь, аминокaproнку заморозь, и пусть пьет ледяную, глюконат введи десять или двадцать. ХЕСА¹²⁸ нет? Они не портятся. Викасол – ну, можешь сделать, но он работает через двое суток. Железа нет?

– Нет!

– Дайте печеночный паштет. Впрочем, это несущественно...

– Спасибо!

– Да, и еще: пусть лед глотает! Физраствор быстро не лей!

– Лед?!

– Да, кусочками! И срочно госпитализировать!

Связь прервалась.

– И где я возьму печеночный паштет? – осведомился капитан. – Пойду кока озадачу. Фуа-гра... елки зеленые.

– А куда его можно госпитализировать? – спросила Таня. – Все эти меры, если работают, только оттянут финал, но проблему не решат. Ему хуже с каждым часом.

Они вернулись в рубку, капитан посмотрел на экран навигатора.

– В Карфагене есть госпиталь Французского Красного Креста, там работает наш доктор – хирург Лысенко. Часа через три я с ним свяжусь, и, может быть, Саню отдадим ему. Это будет и дешевле, и у своего лечиться не так тоскливо. Верно?

– Верно, – согласилась Таня. И поспешила спасать Ковалева. У того уже лежал на пузе пакет со льдом. Оставалось попасть в вену, наладить капельницу и заморозить пузырьки с аминокaproновой кислотой. – Быстро не лей!

Всю ночь она просидела в медотсеке, мерила давление, считала пульс. Ковалев послушно глотал кубики льда и пил стаканчиками аминокaproновую кислоту. В туалет он больше не просился. А к рассвету буфетчик принес пиалу с темно-коричневой массой – печеночный паштет.

«Меркурий» пришвартовался к причалу Карфагена, подошла санитарная машина с надписью «AMBULANCE» и забрала матроса. Капитан уехал с ними. Вернулся через три часа, довольный. За обедом Бирюков сказал:

– Лысенко просил передать вам, Таня, что вы спасли жизнь нашему мотористу, что кровотечение вам удалось остановить. Он сделал Саше эту... гастроскопию, говорит – там приличная язва, кровотечение из небольшой артерии. Но когда он ее нашел, то вроде как оно закрылось. Велел через пять дней Сашку забрать. – Бирюков не сказал, что хирург отругал его за отсутствие страховки. – В город пойдете? Я могу дать всем три часа на разграбление его лавок.

Через двое суток «Меркурий» пришвартовался в порту Неаполя. Бирюков отсчитал пятьдесят два евро, вложил их в ладошку Тане.

– Вы отработали проезд, девушка. И ничего нам не должны. Счастливо отдохнуть! Привет Москве! Давно я там не был. Родителям вашим поклон. Жениху, если есть, – привет и поздравления.

В Неаполь входила огромная, по сравнению с «Меркурием», «Морская звезда».

А еще через три дня из Рима самолет уносил Таню в слякотную весеннюю Москву. Первый, кто узнал всю историю, был папа. Он похвалил дочку за находчивость и профессионализм. Но добавил:

– Эх, Таняша-растеряша! Карточку я заблокировал. А вот айфон жалко... Придется тебе копить на новый.

¹²⁸ НАЕС (ГЭК) – раствор для профилактики развития шока при кровопотере.

Комментарий специалиста

Ситуация с **кишечным кровотечением** основана на реальном событии. Подобный звонок из Индийского океана на самом деле был сделан в НИИ им. Склифосовского в конце 80-х годов, и совет хирурга глотать лед спас матросу жизнь. Именно это позволило затормозить кровотечение и доплыть до крупного порта. Описанная в рассказе тактика допустима, если под рукой есть лед, а бригаду скорой приходится какое-то время ждать по не зависящим ни от кого причинам. Грозное осложнение массивной кровопотери – ДВС-синдром – приводит к смерти. Не менее серьезное осложнение, которое может развиваться из-за геморрагического (критического снижения артериального давления из-за кровопотери) шока, – острая почечная недостаточность, которая без оказания специфической помощи – гемофильтрации (гемодиализа) – тоже заканчивается гибелью больного. Поэтому читатель может понять отчаяние и страх и героини рассказа, и капитана «Меркурия».

Информация для немедиков – участников событий

Что нужно делать?

Если кровотечение открывается в желудке, то проявляется обычно рвотой, по виду напоминающей кофейную гущу. Темно-коричневая и с зернышками. При кровотечении по причине язвы двенадцатиперстной кишки рвоты обычно не бывает, а симптоматика анемии нарастает медленно или быстро в зависимости от диаметра повредившейся артерии. Подтверждением кишечного кровотечения является мелена – черный жидкий стул. Для подтверждения кишечного кровотечения (при отсутствии резиновой перчатки) можно воспользоваться туалетной бумагой – на белом черное содержимое кишечника точно укажет на кровь.

Действия в подобных случаях несложные:

1. Вызвать бригаду «03» с поводом «**ЖЕЛУДОЧНО-КИШЕЧНОЕ КРОВОТЕЧЕНИЕ. ЧЕРНЫЙ СТУЛ**».
2. На живот положить лед.
3. Давать глотать кусочки льда.
4. Осмотр хирурга, гастроскопия и лечение в стационаре – обязательно!

Выбор «Капитана Влада»

Эпилог

История заключительная, которая вполне может стать началом новой жизни и новых событий. Читатель узнает биографию фельдшера Ерофеева, а Тане предстоит сделать нелегкий выбор.

Таня начала свою работу выездным фельдшером в линейной бригаде скорой помощи, даже не подозревая о баталиях, развернувшихся за ее спиной. Во-первых, она хронически не совпадала сменой с Ерофеевым. И первый месяц работала с врачом Смирновой, которая была старше Тани года на три, не меньше ее боялась всего на свете, и они ходили по вызовам, как два суслика, вздрагивая на каждый звук и шарахаясь от каждой тени. Потом Смирнова вытребовала себе в бригаду здорового фельдшера Лобова, а Таню перевели на несколько недель в детскую бригаду, и она в полной мере «насладилась» общением с педиатром Тыхлер. Белла Арнольдовна в каждом человеке видела антисемита и обижалась даже не на каждое слово, а на сам факт нахождения рядом. Она весьма критично осмотрела темноволосую Таню, и некоторое время они работали спокойно. Однако из памяти не выходил эпизод с избиванием фельдшерицы няни Вики, в котором доктор Тыхлер проявила себя весьма не героически.

Саша или попрощался с Таней утром, когда он заканчивал смену, или здоровался, когда она собиралась уходить после ночи. А потом он пропал.

Фельдшер Савина стеснялась спросить, куда это исчезли несколько парней – фельдшеров и врачей, однако все прояснилось само собой. Заведующий объявил, что Минобороны проводит сборы и всех военнообязанных запасников посылают кого «в поле», кого на лекции. Сборы не коснулись только молодых специалистов, однако на них легла вся работа по обслуживанию населения.

Пришлось ей поработать и одиночкой, и старшей по бригаде. Она в полной мере осознала слова Ерофеева: «Когда думаешь о деле, чувствам, эмоциям и страху нет места в голове». Думала: «Делаю, что должна, а в остальном – на все Божья воля».

Она даже по телефону с Сашей практически не общалась. Сам он не звонил, а ей было неудобно навязываться. Так все и тянулось бы, пока однажды вечером, когда девушка сидела за семейным столом и ужинала, а кругом были и папа, и мама, и Вика, не раздался звонок телефона.

– Привет, – сказал Ерофеев. А она настолько не ожидала услышать его, что не могла ответить. – Алло, Тань?! Алло.

Она наконец выдралась из-за стола и убежала в свою комнату.

– Да, я тут! Ты где?

– Уф! Я думал, связь слетела! – голос его потеплел.

– Ты где? – повторила она, стараясь не выдать радости.

– Ну, вообще-то, я в Москве, – ответил Саша.

– Где в Москве?

Он назвал адрес, и она не сразу сообразила, что это же ее дом.

– Ты – тут?

– Я могу зайти? – спросил Ерофеев.

– Ну да! – Она осмотрела себя. – Нет! Погоди! Через десять минут!

– Хорошо, десять минут. – Он сказал это таким голосом, что Таня подумала, завел будильник. Нет, поставил часовой механизм на бомбе.

Она металась по комнате, не зная, что же надеть. Накраситься? Что делать? Почему он сейчас? А может быть, ничего не нужно? А как родным сказать, что он сейчас придет? А что

вообще... Она переделалась в платье, посмотрелась в зеркало. Губы? Глаза? Раздался звонок в дверь, она метнулась в прихожую и остолбенела. Вся семья при параде. Папа – в черном костюме и галстук, мама – в платье, даже Вика что-то праздничное нацепила. Они все смотрели на входную дверь.

– Открывай, – сказал папа.

Таня и разозлилась, и встревожилась. Казалось, сердце сейчас выскочит изо рта, билось где-то вот тут – под языком. Они все знали, что он сейчас придет! Предатели! Новый звонок привел ее в чувство. Она дернула засовчик, дверь отворилась. На пороге стоял военный. Нет, морской офицер. От белой формы слепило глаза. Военный сказал голосом Ерофеева:

– Разрешите войти?

– Входите, Саша, – сказал Танин папа.

– Это ты? – она пришла в себя.

Ерофеев снял фуражку, протянул букет маме, повернулся к Тане и сказал:

– Да. Это я. Моя основная сущность.

– А как же скорая помощь? – она ничего не понимала.

– Медицина – для души, – улыбнулся Ерофеев. – Впрочем, в этой форме ты меня видишь в первый и, дай бог, в последний раз.

Он поднял глаза на папу, тот чуть улыбнулся. А Таня, перехватив все эти знаки, рассердилась снова:

– Вы все – заговорщики! Вы можете мне объяснить? Почему я ничего не знаю?

Ерофеев подошел к ней:

– Я прошу тебя выйти за меня замуж.

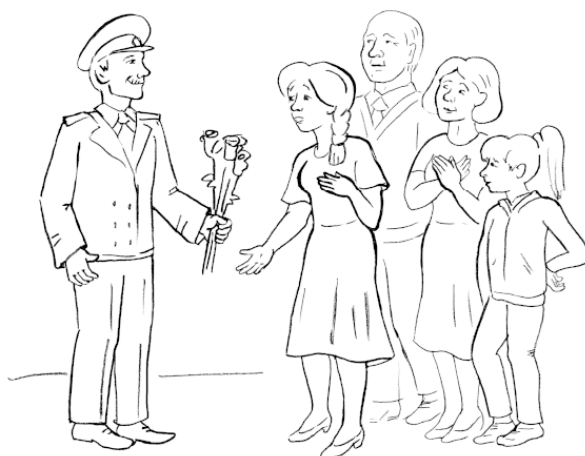
Она засопела и сказала:

– Пока мне тут всё не объяснят, я ничего не скажу. – Она готова была зареветь, держалась из последних сил.

– Пойдемте в гостиную, – сказал папа. – Если Саша не возражает, я объясню то, что можно.

– Да, – сказал Ерофеев. – То, что можно.

Пока мама и Вика накрывали на стол, Таня села в кресло с ногами и насупилась. Ерофеев стоял, а она не могла на него смотреть. Казалось, его белая форма светится сама по себе. Еще она заметила, что Саша опирается на трость и чуть прихрамывает.

Папа показал Ерофееву на другое кресло, сам устроился на диване.

– Как ты понимаешь, дочь, когда я понял, что ты влюбилась в своего наставника, – при этих словах Таня покраснела и задвинулась подальше в тень, – я решил разузнать о нем. И пона-

чалу выяснил кое-что: родители его погибли, когда Саше было восемь лет. В девять он попал в довольно интересный интернат с приставкой «спец», где, кроме восточных единоборств, еще изучали английский и китайский языки, а все воспитатели и учителя в большинстве своем мужчины и в прошлом офицеры. Окончив среднюю школу, Саша... Ерофеев не поступил ни в Институт военных переводчиков, как большинство выпускников интерната, ни в Рязанское военное училище, ни в какой-то иной университет, а пошел в медицинское училище и стал фельдшером. Довольно странный выбор: все равно как после суворовского училища идти в ПТУ... Однако это был его выбор, и понятно, что от армии это не освободило. И вот тут начинается тайна, покрытая мраком. Попал он служить на Север. Потом, как я понял, остался там работать по контракту. Я предполагал, что где-то в госпитале или на судне... ан нет. Два года о Саше ничего не известно, а потом он выписывается в запас по ранению. Где он его получил и как – ничего не ясно. Кроме одного – служил он не медиком.

Ерофеев кивнул.

– Да, ему остается в наследство частный домик в поселке Опалиха. От двоюродной тетки. А живет в этом домике почему-то выпускница интерната и, как я понял, то ли подруга детства, то ли... Кто она вам, Саша?

– Сестра, – сказал Ерофеев. – Не родная. Она как сестра.

– Правильно. Она, как и вы, окончила то же медучилище, в языках талантов не проявила, как будущий шпион – тоже не заинтересовала наши органы безопасности. И вы, как я понял, приняли опеку над ней? – Таня вдруг поняла, о ком они говорят. Светлана Изотова, фельдшерица. Часто сидела в диспетчерской, брала подработку в бригаде. Так вот кто ей тогда нахамил?!

– Наши родители погибли в одной катастрофе, – сказал Ерофеев. – Одному нельзя. Мы поддерживали друг друга. Потом побратались. В церкви. Но больше ничего. У нее совсем никого не было. Мне хоть тетка домик оставила по завещанию. Там Светка живет.

– Как это? – удивилась Таня. – Разве так можно?

– Можно, – сказал папа. – Все серьезно. Я продолжу? Пока ничего лишнего?

– Можно, – сказал Ерофеев. – Все нормально.

– Ну вот, Саша устроился работать на скорую помощь, но, как я понял, его боевые навыки были востребованы нашим военным руководством, и он отлучался на «рыбалку». Так?

Ерофеев кивнул. Таня не заметила, что мама и Вика уже сидят за столом и тоже слушают.

– Последняя его «рыбалка» прошла не очень успешно... Так? Раз вы оказались в госпитале Бурденко...

– Да, – сказал Ерофеев. – Рыба крупная попалась.

– Ты же ни разу не сказал мне... – Таня запнулась. – Я ждала, а ты...

– Я не мог, – глухо произнес Саша, – я не мог, не имел права давать надежду, а тем более рассказывать.

– Значит, что-то изменилось? – Таня начала прозревать. – Что-то случилось?

– Лучше пусть твой папа расскажет. Я потом добавлю.

И папа продолжил:

– Много случилось. Во-первых, меня находит некий подполковник...

– Капитан второго ранга, – поправил Ерофеев.

– Пардон! Да, капитан второго ранга, не запомнил его фамилии, но весьма приятный и обходительный человек, который сообщил, что некий мичман... – папа чуть запнулся, – Ерофеев в настоящий момент находится в госпитале имени Бурденко и просит встречи со мной. Саша, – папа обратился к мичману, – может быть, стоит представиться невесте настоящими данными? А то мы ваше прикрытие используем. Я понимаю, что все официально, но все-таки она имеет право знать.

Саша встал.

– Старший мичман Управления специальных операций Генштаба Северного флота России Степанов Александр Викторович. Фельдшер скорой помощи Ерофеев – это прикрытие. Так надо. Было...

– В общем, я, заинтригованный, – продолжил папа, – отменяю пару встреч, беру машину и еду в госпиталь. Пропуск, оказывается, заказан, только встречает меня там еще один военный, который чуть ли не допрос третьей степени устрашения проводит, выясняя, кем это я прихожусь мичману Степанову, что он подал рапорт о немедленном моем приглашении. Честно, Саша, в более дурацком положении мне не приходилось бывать.

– Замнач особого отдела, – сказал Саша. – Я ему два раза объяснял.

– Да, потом явился тот самый капитан второго ранга, и меня пустили на встречу. И ба! Кого я увидел?! Наш дорогой Саша Ерофеев! И верите ли? Я не сразу все понял. Он мне объяснил чуть-чуть, о сути операций я говорить не буду, тем более что не знаю деталей. Из бесед с господами офицерами и мичманом Степановым я понял главное: мичман теперь вроде бы уволен в запас с присвоением звания «старший мичман»; он кавалер ордена Мужества всех степеней и ордена Красной Звезды; подвиги, за которые он награжден, настолько засекречены, что еще лет двадцать пять о них никто не должен знать. Хотя последний, как я понял, это то, что Саша вынес раненого товарища на себе, хотя сам был ранен. Это все, что мне могли рассказать. Ну, что еще? Я знаю, что Степанов обратился к своему начальству с рапортом о желании жениться. И, собственно, это послужило запалом для серии всех этих необычных встреч. Вот. Теперь, когда я немного все распутал, передаю эстафету нашему герою, чтобы он довел начатое дело до конца.

– Мне можно спросить? – Таня подняла голову. Она многое поняла. Обиды и злости не было. Она немного загрустила, осознав вдруг, насколько мы можем сами себе не принадлежать. Да, он герой, он хорош, он настолько хорош, что она вдруг спросила себя: «Достойна ли я его, такого хорошего?» И, кажется, это понял один человек из присутствующих, потому что Вика вдруг скорчила зверскую рожу и показала кулак Тане.

– Можно, – сказал Саша.

– Ты ни разу не признался мне, что любишь. – Она жестом остановила его. – Ноя понимаю, ты не мог. Да, ты такой честный, такой ответственный, но сейчас...

– Я люблю тебя, – сказал мичман Степанов, – я прошу тебя выйти за меня замуж. – Он встал и, подойдя, протянул ей руку. Она забыла, что кругом сидят папа, мама, и все пространство словно подернулось туманом – она видела только белую фигуру, светлые волосы, усы, глаза... Мелькнула мысль, что в черном ему было бы лучше...

– Саша, если эта дура откажет, я за тебя выйду! – крикнула Вика.

– Я согласна, – сказала Таня, но ее слова утонули в хохоте родителей. – Я согласна! – повторила она громче.

Они все уселись за столом. Мама угощала чаем, папа пошел за коньяком, Вика ждала мести от Тани за «дуру». Саша держал Таню за руку под столом, и ей казалось, что так будет всегда. Все. Это как оковы. Она сказала: «Да». Все, что будет потом, формальности. Браки совершаются на небесах, и она всем сердцем это ощутила сейчас. В старину ведь так и было. Ну, в церкви говорили у алтаря. Но главное ведь – сейчас.

– Ты мне хоть что-нибудь сможешь рассказать?

– Смогу, – ответил Саша. – Но лучше будет, если не расскажу.

– Ты убивал?

Он не сразу ответил.

– Приходилось. На войне. Чаще спасал. Я ведь хотел пойти в МЧС, начальство не разрешило. Сказали, им меня оттуда брать сложнее.

– Ты теперь уйдешь со скорой?

– Я не знаю. Все зависело от нашего сегодняшнего разговора и твоего решения. От тебя.

Мурашки пробежали по спине Тани. От нее все зависело. ВСЕ!

– И что теперь? Как будет?

– А я вам скажу, как будет, – весело сказал папа, наливая коньяк Степанову и себе. – Вы меня спросите. Теперь я отомщу мичману, и мстя моя будет сладка. . . Вы готовы?

– Всегда готов, – сказал Саша без улыбки, а Таня встревожилась.

– Начнем с того, дорогой зять, что я хочу сказать тебе огромное спасибо за Таньку. – Папа увидел недоумение в глазах всех, может быть, кроме мамы. – Да. Потому что тебе удалось за несколько месяцев сделать из амебы, которая на любой вопрос о своей жизни и планах отвечала: «Не знаю», не могла принять ни одного серьезного решения и боялась падающего листика, серьезного и решительного специалиста-медика. Ведь в медицину – она тебе не говорила? – мы с мамасиком ее пихнули. Она сама не знала, чем заняться. – Папа поднял рюмку с коньяком и продолжил: – Когда эта Инна – ее подруга из группы – пролетела с выездом, я был поражен, Таня, когда ты сказала мне по телефону: «Я полечу!» Это был шок! Моя Танька приняла решение! Сама! А когда ты отстала от лайнера в Кальви?! – Мама нахмурилась (эта информация так и осталась ей неизвестна). Папа понял, что спалил дочку, поэтому быстро добавил: – Я тебе потом расскажу, все получилось хорошо. Я ведь в первую секунду подумал, что придется срочно вылетать за тобой! Но это как бы прелюдия. Да, так вот спасибо. Теперь, Саша, твой капитан второго ранга просил передать тебе, что если ты все-таки женишься, то у него для тебя есть разрядка. . .

– Куда это? – совсем не по уставу спросил мичман Степанов.

– По твоей военно-учетной специальности получать высшее образование, в академию. Это значит, что минимум четыре года из Москвы тебе выезжать будет не нужно. И на «рыбалку» тебя посылать не будут. Или у тебя другие планы?

– Другие, – сказал Саша. – Я навоевался досыта. И уже отправил документы в ВМА¹²⁹. Если примут. А если нет – пойду в медицинский на вечернее отделение. Я хочу снять эту форму, и если все будет хорошо, то никогда ее больше не надевать. Разве что мне вдруг предложат стать губернатором Ямайки. . . – улыбнулся Ерофеев-Степанов.

– Париж стоит мессы?¹³⁰ – понял его папа. – Капитан ваш сказал, что ты гений тактической радиоразведки. . .

– Медицина – для души, – повторил Саша без улыбки. – Повоевал, хватит.

¹²⁹ Военно-медицинская академия в Санкт-Петербурге.

¹³⁰ Выражение короля Генриха IV Наваррского, когда ему пришлось делать выбор – стать католиком и занять французский трон или оставаться гугенотом и отдать королевство Гизам.

Заключение

На этом рассказе я закончу истории о «практике на скорой» стажерки Тани Савиной.

Я очень надеюсь, что читатели мои научатся кое-чему, а те школьники старших классов, что еще не сделали выбор профессии и только размышляют – заняться ли медициной, прочитают эти рассказы, примут решение. Самое правильное решение для себя. Или связать жизнь с медициной, или никогда ее не касаться.

Если вам понравилась эта книга, дайте мне знать¹³¹. Я напишу новую.

С уважением, ваш Андрей Звонков.

¹³¹ Мой электронный ящик – lsvetin@yandex.ru, пишите, не обещаю, что отвечу, но прочитаю все толковые отзывы и предложения.